

МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

ВЪ I ПОЛОВИНѢ XIV ВѢКА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

П. В. ПОЛЕЖАЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. СУЩИНСКАГО.

Екатерининскій каналъ, 168.

1878.

МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

ВЪ I ПОЛОВИНѢ XIV ВѢКА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

П. В. ПОЛЕЖАЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. СУЩИНСКАГО.

Екатерининскій каналъ, 168.

1878.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 марта 1878 года.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	стр.
ГЛАВА I.—Южные славянскія общества до XIV вѣка . . .	1
ГЛАВА II.—Сѣверовосточныя волости. Москва—какъ поселеніе и столичный городъ до XIV столѣтія '	10
ГЛАВА III.—Юрій Даниловичъ. Борьба съ Тверью, Великое княжество Литовское.	18
ГЛАВА IV.—Іоаннъ Даниловичъ. Его отношенія къ церкви, къ орду и русскимъ князьямъ	33
ГЛАВА V.—Іоаннъ Даниловичъ. — Его смерть. — Состояніе Московскаго княжества	47
ГЛАВА VI.—Симеонъ Іоанновичъ Гордый. — Его отношенія къ церкви, къ орду и къ русскимъ князьямъ сѣверовосточной группы.	62
ГЛАВА VII.— Симеонъ Іоанновичъ Гордый. Его смерть. Состояніе московскаго княжества и причины его возмущенія . . .	78
ГЛАВА VIII.—Правительственная власть	97
ГЛАВА IX.—Органы верховной власти	106
ГЛАВА X.—Контингентъ княжества	116
ГЛАВА XI.—Судъ	148

ГЛАВНѢЙШІЕ ОПЕЧАТКИ.

страницы.	Напечатано:	Должно читать:
3 въ примѣч.	Ипат. лѣт. с. Т.	Ипат. лѣт. с. 7
13 строка 21 и 22	Иорги	Гюрги
15 въ примѣч.	потребностей поселенія	отношеній поселенія.
16 строка 22	Дюделя	Дюденыя
54 > 12	и эти	а эти прибавленія
55 > 4 примѣч.	но это вѣрно	но это невѣрно
94 > 23	въ разрѣшеніи	въ разрѣженіи
96 > 3	Густинской	Густинской
83 > 29	Клонскаго	Клопскаго
96 > 10	начата	начаша
108 > 22	Князь	Князь
111 > 31	тгупы	тіуны

МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

въ 1-ой половинѣ XIV вѣка.

Историческій этюдъ.

Г Л А В А I.

Южныя славянскія общества до XIV вѣка.

Съ XIV вѣка начинается рядъ великихъ князей московскихъ, рядъ, завершившій въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ послѣдовательно и неуклонно объединеніе сѣверовосточныхъ славянъ въ одно плотное и сильное государство. До XIV столѣтія общественная жизнь славянскихъ, варяго-русскихъ княжествъ проявлялась лишь только преслѣдованіемъ сохраненія тѣхъ началъ, которыя легли при самомъ образованіи княжествъ, какъ самостоятельныхъ единицъ, а между тѣмъ эти начала, по самой природѣ своей, не могли да и не способны были выработать силы, достаточной для органическаго развитія государственныхъ элементовъ. Необходимъ былъ поворотъ къ болѣе жизненному началу, и этотъ поворотъ совершился развитіемъ Москвы, представительницы новаго направленія, и тяготѣніемъ къ ней, какъ къ центру. Изъ такого знаменательнаго положенія открывается особенная важность этого періода нашей исторіи.

Предварительно изложенія историческихъ событій первыхъ Московскихъ князей, необходимо бросить бѣглый взглядъ на предшествующее состояніе русскихъ княжествъ до XIV вѣка, т. е. до времени возвышенія Москвы.

Въ нашихъ лѣтописяхъ, хотя и скудныхъ извѣстіями о внутреннемъ бытѣ, имѣется однакожъ достаточно данныхъ, изъ которыхъ можно получить понятіе объ организаціи древнихъ княжествъ. Славянскіи племена, занявшія территорію нынѣшней Россіи, состояли изъ отдѣльныхъ группъ, обладавшихъ необходимыми по ихъ потребностямъ поземельными участками, съ опредѣленными пунктами населенія ¹⁾. Эти то пункты, избранные по ихъ выгоды и удобствамъ, населенные болѣе густо, составляли такъ называемые города—*civitas* или *castrum*, которыхъ окружали земли (основной и главный источникъ существованія), вѣроятно въ неопредѣленномъ пространствѣ, такъ какъ въ землѣ въ тѣ времена недостатка не могло быть. Устроенные города, съ окружающими землями, составляли *волости* различныхъ племенъ «живяху каждо съ родомъ своимъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще каждо родомъ своимъ» ²⁾. Затѣмъ съ теченіемъ времени, съ размноженіемъ населеній, по естественному ходу явилась необходимость въ занятіи болѣе отдаленныхъ мѣстъ отъ первоначальнаго пункта города, мѣстъ, составившихъ собою особыя поселенія: города второразрядные, пригороды, входившіе сначала въ составъ волости.

Управление волостью и вообще веденіе всѣхъ общественныхъ дѣлъ поселеній составляло право и обязанность всѣхъ

¹⁾ „Словѣни же ови пришедше и сѣдоша на Вислѣ и прозвашося Ляхове; а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляховѣ друзини Лятичѣ, или Мазовшане, или Поморине. Также и тѣ же Словѣне пришедше сѣдоша по Днепру и нарекошася Поляне, а друзини Деревляне зане сѣдоша въ лесахъ; а друзини сѣдоша межю Припѣтью и Двиною и нарекошася Дреговичи; и инши сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчкы ради, яже втечетъ въ Двину, именемъ Полота... Словѣне же сѣдоша около озера Иллера и прозвашася своимъ именемъ и сдѣлаша городъ и нарекоша и Новъ-городъ, а друзини же сѣдоша на Десѣ и по Семи и по Сулѣ и нарекошася Сѣвера“. Лѣтопись по Ипатскому списку изд. Арх. Ком. 1871 г. стр. 3 и 4.

²⁾ *ibid.* с. 5.

полноправныхъ членовъ волости, пользующихся самостоятельнымъ голосомъ. На основаніи этого права всѣ общественные вопросы обсуждались и рѣшались въ общемъ собраніи членовъ племени *на вѣчь* общимъ равнымъ голосованіемъ, съ исключеніемъ всякаго обязательнаго преимущества какого либо голоса,—*neminem ferant imperantem* по выраженію Императора Маврыкіи. Конечно при многочисленномъ составѣ вѣча, при полномъ отсутствіи всякой опредѣленности и порядка, при разнѣ племенныхъ нравовъ и обычаевъ («вмяху бо обычая своя и законы отецъ своихъ и преданья каждо свой норовъ») ¹⁾ и при разнѣ единичныхъ интересовъ необходимо должны были возникать смуты и раздоры, какъ въ средѣ самого общества, такъ и въ отношеніяхъ поселеній между собою, и дѣйствительно «небѣ въ нихъ правды и вѣста родъ на родъ и быста въ нихъ усобицѣ» (Ип. лѣт. с. 11)). Такое безотрадное положеніе внутреннихъ безпорядковъ и усобицъ естественно породило мысль объ избраніи лица Князя, чуждаго ихъ эгоистическимъ интересамъ и потому болѣе способнаго къ установленію порядка. «Попщемъ себѣ Князя иже бѣ *володѣль нами и судиль по праву*» (ibid.) рѣшилъ союзъ нѣсколькихъ племенъ, и рѣшеніе свое привелъ въ исполненіе приглашеніемъ къ себѣ Князей изъ варяжскаго рода.

Но призванные Князья и приближенные ихъ дружины не произвели никакой коренной реформы во внутренней организаціи славянскихъ обществъ, частью по малочисленности своей, частью по невысокой степени собственнаго гражданскаго развитія. Сама Скандинавія (Швеція, Норвегія и Данія) IX-го вѣка не имѣла опредѣленныхъ политическихъ началъ. Власть Конунговъ,—число которыхъ простиралось до 40,—была необширна, неопредѣленна и касалась преимущественно военнаго распорядка; дѣлами же внутренняго правленія, гражданскаго и религіознаго, завѣдывали народные сеймы. Не было опредѣленности и въ преемственности Конунговъ: нерѣдко умершему Конунгу наследовало лицо изъ совершенно другаго рода, нерѣдко изъ сыновей умершаго только одинъ получалъ па-

¹⁾ Ипал. лѣт. с. т.

слѣдственную власть, а прочіе дѣлались искателями приключеній, нерѣдко наконецъ власть Конунга раздѣлялась между сыновьями умершаго. По характеру области существовали различные Конунги: полевые (Filhis Konungar), лѣсные (Sweks Konungar), горные (Holmis Konungar) и морскіе (Seekonungar). Изъ этихъ Конунговъ только послѣдніе, по особому свойству промысла, пользовались властью болѣе значительною и болѣе опредѣленною взаимными договорами товарищества (föst brödranlang ¹⁾).

Слѣдовательно и наши Князья, выходцы варяжскаго сѣвера, могли явиться къ Славянамъ только въ качествѣ военачальниковъ, судей, охранителей порядка, но отнюдь не вводителемъ государственнаго устройства. При нихъ, точно также, какъ и прежде, разрѣшающая сила всѣхъ общественныхъ вопросовъ оставалась за вѣчемъ въ прежнемъ его составѣ и формѣ. Вѣче призывало и удаляло Князей, дѣлало съ ними рядъ; рѣшало вопросы о войнѣ и мирѣ, если только они не были личнымъ дѣломъ Князя и его дружины. ²⁾ Такимъ образомъ существовали вѣча въ продолженіи многіхъ столѣтій во всѣхъ почти главныхъ пунктахъ населеній въ волостяхъ того времени: Кіевѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Смоленскѣ, Полоцкѣ, Бѣлгородѣ, Брянскѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Владимірѣ Волинскомъ и Залѣскомъ, Торжкѣ, Твери, Ростовѣ, Костромѣ, Суздальѣ, Звенигородѣ и проч. Княжеское присутствіе не измѣнило къ лучшему сущности вещей. Если съ одной стороны дѣй-

¹⁾ Д а л и н а Шведская Исторія. П 142. Strinholm, Wikingszuge I. 254—264.

²⁾ На самостоятельныя дѣйствія народа, относительно призыва и удаленія князей, въ лѣтописяхъ встрѣчаются весьма многочисленныя указанія. Такъ въ 1146 году Кіевляне, недовольные Игоремъ, посылаютъ къ Изяславлю „рекуще: поидемъ, княже, хочемъ тебе“. (П. С. Р. Л. I. 136), такъ въ 1150 году Кіевляне выгоняютъ Юрія, высказывая ему „поѣди, Княже, прочъ (ibid. 141), такъ Ростовцы и Суздальцы „сдумавше вся, поляша Андрея (сына Юрія) и посадиша и въ Ростовѣ на отнемъ столѣ и въ Суздали (ibid. 149); въ 1175 году Владимірцы посадили у себя Князя Ярополка на столѣ во Св. Богородицѣ весь *порядъ* положивше“, а затѣмъ въ слѣдующемъ году тѣже Владимірцы говорятъ Князьямъ Ростиславичамъ: „мы есмь вольные князя себѣ приахъ“ (ibid 159) и ин. друг.

ствительно выиграло дѣло правосудія и полицейское охраненіе, то съ другой стороны явились новыя причины смуть въ столкновеніяхъ правъ Князей между собою, ихъ старѣйшинствъ и ихъ притязаній на володѣнье тою или другою волостью, какъ таковыхъ столкновений, къ которымъ населенія не могли относиться совершенно равнодушно уже вслѣдствіе однихъ своихъ личныхъ симпатій.

Государственнаго организма не было; не могъ онъ развиваться по отсутствію единого начала, проникающаго все общество, какъ одно цѣлое и нераздѣльное, стирающаго индивидуальныя интересы во имя общаго. Въ продолженіи многихъ столѣтій волости оставались все тѣми же одиночными, разрозненными единицами, хотя и одноплеменными, но не укрѣпленными не только въ отношеніяхъ другъ къ другу, но даже и въ самихъ себѣ, единствомъ духа. Контингентъ волости составляли: Князь, его дружина и народъ,—и всѣ эти элементы не сливались въ единую жизнь. Князь, составляя высшую ступень общественной іерархіи въ княжествѣ, не былъ продуктомъ этаго княжества; напротивъ, преслѣдуя свои личные интересы, онъ относился къ своему княжеству болѣе или менѣе благоприятно, но не жилъ его жизнью. Этимъ обстоятельствомъ объясняется обыкновенное явленіе въ насѣмъ такъ называемомъ удѣльномъ періодѣ—легкость покиданія Княземъ своей волости, когда ему выпадала возможность завладѣть волостью болѣе выгодной. Происходя изъ одного рода, занимая и смѣняя столы по отношенію родственнаго старшинства, Князья заняты были исключительно своими личными счетами по старѣйшинству, хотя это послѣднее нисколько въ сущности не увеличивало значенія ихъ власти. Даже самый старшій изъ нихъ считавшійся старшимъ или Великимъ Княземъ, столъ котораго былъ въ старѣйшемъ изъ городовъ русскихъ—Кіевѣ, въ великомъ княжествѣ Кіевскомъ, не имѣлъ надъ прочими князьями почти никакого фактическаго преобладанія, кромѣ нравственнаго и родственнаго вліянія.

Второй элементъ—княжескую дружину—составляли приближенные къ Князю, чуждые остальному населенію и по происхожденію и по интересамъ, какъ это ясно обнаруживается

изъ записанныхъ лѣтописцами жалобъ народныхъ на дружину, изъ уговоровъ съ Князьями относительно обузданія ея своевольствъ. Впрочемъ, не всегда и не вся дружина относилась враждебно или индифферентно къ мѣстному населенію. Княжеская дружина раздѣлялась на старѣйшую и молодшую; первую составляли самые приближенные къ Князю, видѣвшіе въ немъ и свое отечество и все свое благосостояніе, вторую же составляли вновь поступающіе на службу къ Князю изъ мѣстныхъ жителей.

Третій элементъ (народъ),—раздѣлявшійся по промысламъ и занятіямъ на различныя группы: смердовъ, огнищанъ, житыхъ людей, гостей, лучшихъ людей и бояръ, составлялъ ядро свободнаго населенія съ обычнымъ характеромъ народной массы. Затѣмъ кромѣ свободнаго населенія существовали еще несвободный и полусвободный классы: въ первомъ холопы и челядины, во второмъ закупы и наймиты. Несвободный классъ, рабы, не участвовалъ въ народномъ собраніи, какъ немѣвшій никакихъ гражданскихъ правъ (рабство не было въ характерѣ славянъ и вѣроятно въ первыя времена его составляли только военноплѣнные), но участвовалъ ли на вѣчѣ полусвободный классъ, объ этомъ, по сохранившимся источникамъ, положительно сказать невозможно; можно предполагать, что, неся повинности, онъ не могъ имѣть рѣшающаго вліянія и въ вопросахъ, устанавливающихъ эти повинности.

Безъ сознанія идеи единства, каждый изъ этихъ элементовъ, участвуя на вѣчѣ, способенъ былъ только преслѣдовать свои личныя интересы и, слѣдовательно, быть источникомъ раздоровъ и внутреннихъ усобицъ. И дѣйствительно, смуты возникали то въ отношеніяхъ волостей между собою, то въ отношеніяхъ волости къ своему Князю, то отъ частной вражды Князей. Даже въ самомъ городѣ нерѣдко возставалъ одинъ конецъ города на другой, и споръ окончивался побоищемъ. Яркое описаніе княжескихъ усобицъ находится въ поэтическомъ словѣ о полку Игоревѣ: «тогда земля сѣялась и росла усобицами, погибала жизнь... въ княжескихъ крамолахъ вѣкъ человѣческой сократился. Тогда по русской землѣ рѣдко раздавались крики земледѣльцевъ, но часто каркали вороны, дѣла между собою

трупы» и потомъ далѣе... «сказалъ братъ брату: это мое и это мое же, и за малое стали Князья говорить большое, начали сами на себя крамолу, а поганые со всѣхъ сторонъ приходили съ побѣдами на землю русскую».

По вычисленіямъ покойнаго Погодина, отъ 1055 до 1228 г. встрѣчается 80 лѣтъ, въ которыхъ происходили усобицы, а изъ остальныхъ 93 лѣтъ должно исключить 45 значительныхъ нападеній Половцевъ и Литовцевъ. Слѣдовательно, изъ 173 лѣтъ можно считать мирными только 48 лѣтъ (междоусобныя войны. Временникъ Общ. Истор. и древ. Росс. № 2).

Принятая съ X вѣка христіанская религія хотя и пыталась смягчить суровость нравовъ, умиротворять возникавшіе споры, но ея вліяніе еще не могло быть особенно значительнымъ какъ потому, что первые наши Святители Церкви изъ грековъ не могли быть сочувственны народу, такъ и потому, что спасительное, умиряющее ученіе Христа еще не могло уже по краткости времени проникнуть въ глубину народной массы.

Къ довершенію такого печальнаго положенія, съ первой четверти XIII столѣтія повая бѣда обрушилась надъ русской землей въ видѣ сплошнаго, неотразимаго врага. Нашествіе монголовъ сожгло и залпло кровью всѣ восточныя и южныя княжества, неспособныя, по разъединенности своей, противустоять наплыву. Монголы опустошили и раззорили Русь, но не произвели въ ея общественныхъ, внутреннихъ отношеніяхъ никакихъ существенныхъ перемѣнъ. Побѣдители и побѣжденные всегда оставались враждебными: на столько несогласны были ихъ религія, нравы и обычаи, на столько оказалось невозможнымъ никакое нравственное единеніе между ними. Единственная перемѣна состояла въ подчиненіи Князей волѣ Хана, въ назначеніи послѣднимъ Князей и Великихъ Князей, однимъ словомъ въ низведеніи князей на ступень монгольскихъ улусниковъ, но при этомъ однакожъ необходимо замѣтить, что при назначеніяхъ въ княжеское достоинство Ханы почти всегда руководствовались правами, признаваемыми самими русскими. Монголы смотрѣли на русскія княжества, какъ на средство обогащенія, требовали дани, собирали полонъ и затѣмъ

уже вовсе не касался внутренняго распорядка. По всей вѣроятности дань, наложенная ордою, была значительна, но точный, положительный размѣръ ¹⁾ ея неизвѣстенъ. По описанію Плато-Карпини, миссіонера, проѣзжавшаго чрезъ Россію въ 1246 году, татары требовали десятины, какъ отъ людей, такъ и отъ имущества. Отсчитывали десять и брали одного. Затѣмъ остальное населеніе, поперепскѣ, облагалось данью, обязательно къ платежу для всякаго, богатаго и бѣднаго, большаго и малаго, даже для однодневнаго младенца. Дань того времени платилась преимущественно мѣхами медвѣдей, бобровъ, соболей, хорьковъ и лисицъ, а впослѣдствіи — серебромъ. Несостоятельныхъ плательщиковъ дѣлали рабами и вводили въ орду. Сборъ дани, какъ и вообще управленіе, вѣрялось баскакамъ или баскатамъ, которымъ повиновалось все населеніе, не исключая и самихъ Князей. Тяжесть дани еще болѣе усиливалась отъ безчеловѣчныхъ способовъ взиманія и отъ злоупотребленій баскаковъ или ханскихъ пословъ, видѣвшихъ въ этомъ средство къ личному обогащенію.

При такомъ положеніи, политическое значеніе княжествъ не могло развиваться и крѣпнуть, напротивъ того, съ истощеніемъ матеріальныхъ средствъ и при существованіи прежней розни, оно должно было все болѣе и болѣе умиляться до тѣхъ поръ, пока новыя политическія явленія не создали бы новаго порядка, укрѣпившаго преобладаніе одного элемента, какъ центра, около котораго должно было бы сгруппироваться національное дѣло. Но возникновеніе и развитіе новой политической силы не могло произойти на старой почвѣ, слѣшкомъ пропитанной старыми воззрѣніями на взаимныя отношенія. Новая сила требовала и новой почвы, и этой почвой явилась Москва, сначала, какъ простое поселеніе и потомъ, какъ самостоятельное княжество въ сѣверо-восточной Руси, въ мѣстности населеній Мери, Муромы и Вятчей.

До половины XII вѣка всѣ политическія движенія сосредоточивались исключительно въ южныхъ и западныхъ русскихъ княжескихъ волостяхъ. Сѣверовостокъ, оставаясь въ

¹⁾ Собран. путеш. къ татарамъ 1825 стр. 105.

этихъ движеній, не переживалъ разорительной неурядицы, не выносилъ на себѣ вліянія спутанныхъ княжескихъ отношеній. Въ противоположность скученному южному населенію, живому и постоянно занятому общественными вопросамъ, малолюдное сѣверовосточное населеніе Суздальской области, хотя и имѣло свои сосредоточенные пункты, города — Суздаль, Ростовъ, Владиміръ и друг., но вообще, раскинутое на обширныхъ земельныхъ пространствахъ, жило уединенно, сдержанно само въ себѣ, спокойно пользовалось естественными произведеніями, уплачивая наложенныя на него повинности южными Князьями. Удаленное отъ торговыхъ путей того времени, оно не раздѣляло и жизненныхъ интересовъ своихъ южныхъ собратьевъ.

Около половины XII вѣка Суздальская область сдѣлалась столбомъ Юрія Владиміровича Долгорукаго, одного изъ младшихъ сыновей Великаго Князя Мономаха. Новый Суздальскій Князь, несмотря на всѣ благоприятныя условія для расширенія княжеской власти въ этомъ отдаленномъ краю, не любилъ впрочемъ свой столъ, постоянно стремился къ родному югу и, когда по старшинству въ родѣ ему досталась очередь быть кievскимъ Великимъ Княземъ, онъ, безъ колебанія, бросилъ свой столъ. За то его сынъ, уже рожденный и воспитанный на сѣверѣ, Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, наоборотъ предпочиталъ свой сѣверъ югу и, когда въ свою очередь сдѣлался старшимъ Великимъ Княземъ, остался на сѣверѣ, съ образованіемъ новаго великаго княжества Владимірскаго, по имени столичнаго города Владиміра, прежняго пригорода Суздаля. И съ этихъ поръ, съ образованіемъ новаго великаго княжества Владимірскаго, центръ тяжести политическихъ движеній перенесся на сѣверъ. Разоренный югъ, не выработавъ жизненнаго начала, способнаго привести къ единству разрозненные элементы, не имѣлъ будущности, и политическое значеніе Кіева, послѣ татарскаго разгрома (1240 г.) и перенесенія Митрополіа во Владиміръ, все болѣе и болѣе умалаялось до половины XIV столѣтія, когда Кіевъ окончательно уже сдѣлался добычей литовскихъ князей.

Г Л А В А II.

Сѣверовосточныя волости. Москва — какъ поселеніе и столичный городъ до XIV столѣтія.

Старые сѣверовосточные города—Суздаль, Ростовъ и потомъ Владиміръ, выросшіе въ иныхъ мѣстныхъ условіяхъ, тѣмъ не менѣе скроились по общему типу старыхъ южныхъ городовъ, хотя и безъ ихъ рѣзкихъ опредѣленныхъ чертъ. И въ этихъ городахъ существовало вѣче, но оно не ограничивало власти Князя въ томъ размѣрѣ, какъ на югѣ, и въ лѣтописяхъ почти не встрѣчается упоминаній о рядѣ вѣча съ Княземъ, при вступленіи его на столъ. А если не было такихъ ограниченій въ старыхъ сѣверовосточныхъ городахъ, то тѣмъ болѣе ихъ не могло быть въ поселеніяхъ и пригородахъ новыхъ, къ числу которыхъ принадлежитъ Москва.

Когда именно основана была Москва—неизвѣстно; вѣроятно, какъ незначительное поселеніе Владимірской волости, она долго не обращала на себя особаго вниманія. Вислѣдствіи уже, когда Москва пріобрѣла важное значеніе, лѣтописцы стали раскрашивать основаніе ея различными вымыслами, ясно выдающими свою поэтическую вольность при первомъ внимательномъ взглядѣ. Болѣе вѣроятный рассказъ объ основаніи Москвы находится въ лѣтописи о зачатѣ царствующаго великаго града Москвы: „Въ лѣто 6666 (1158) Великому князю Юрью грядущу изъ Кіева во Владиміръ къ сыну своему Андрею, прииде на мѣсто, иде же нынѣ царствующій градъ Москва, обополы Москвы рѣки. Сими же селы владѣюще тогда Болярину нѣкому, богату суцу, именемъ Кучку Иванову; той Кучко возгордѣвся зѣло и не почте великаго Князя и поносивъ ему. Князь же великій не стерпя хулы, повелѣ болярина того смерти предати; сыны же его видѣвъ млады суца и лѣпы зѣло именемъ Петръ и Іоакимъ и дщерь едину благообразну именемъ Улигу, отсла во Владиміръ ко Андрею. Самъ же възде на гору и обзорѣ очима своимъ сѣмо и овамо по обѣ страны Москвы рѣки и за Неглибною, возлюбъ села оныя, и повелѣваетъ вскорѣ содѣлати малъ

древянь градъ, и прозва его Москва градъ, и потомъ Князь великій отходитъ къ сыну Андрею во Владиміръ, и сочетоваеть его бравомъ со дщерію Кучковою. И бывъ у него Великій Князь Юрій довольно, заповѣда ему градъ Москву людьми населити и распространити и паки возвращается въ Кіевъ“ (примѣч. 301 къ 2 т. Ист. Гос. Рос. Карамзина). Въ этомъ разсказѣ невѣрность заключается въ означеніи года 1158, такъ какъ въ этомъ году Юрія уже не было въ живыхъ, но ошибка могла произойти и отъ описки переписчика. Къ этому разсказу въ раскольничьей лѣтописи Татищева прибавлено, что Юрій имѣлъ связь съ женою Стефана Кучки Тысяцкаго, и что мужъ во время отсутствія Князя увезъ жену въ деревню, на берегъ Москвы рѣки, въ намѣреніи бѣжать къ Изяславу, но что Юрій, оставивъ подъ Торжкомъ войско, послѣдшилъ освободить любовницу, убилъ мужа, дочь его выдалъ за Андрея и заложилъ городъ Москву.

Что же касается до другихъ разсказовъ, то объ нихъ, какъ наполненныхъ явными вымыслами и анахронизмами, не стоитъ упоминать; за достовѣрное признать можно только то, что на мѣстѣ поселенія Москвы прежде находились села Кучково, Воробьево, Симоново, Кудрино, Сухоцево и Кузнецкая слобода, принадлежавшія боярину Степану Ивановичу Кучкѣ и потомъ отобранныя Великимъ Княземъ въ свою собственность. Подъ 1147 годомъ (28 марта) въ лѣтописяхъ упоминается имя Москвы, какъ о мѣстѣ, гдѣ пировалъ Великій Князь Юрій Владиміровичъ съ Княземъ Черниговскимъ и дружины своими союзниками въ борьбѣ съ Княземъ Изяславомъ ¹⁾ Несмотря на скудость свѣдѣній объ основаніи Москвы, не подлежитъ сомнѣнію, что поселки Москвы и Кучки были княжескими вотчинами, лежащими въ такомъ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, что иногда имена ихъ въ лѣтописяхъ смѣшивались между собою, такъ въ Ипатіевской лѣтописи говорится подъ 6684 (1176) годомъ: „вдоша съ нимъ до Куцкова (по Хлѣбнишковскому до Кучкова) рече до Москвы.... и приде ему вѣсть.... и выйдоша изъ Москве“. ²⁾ Изъ болѣе же позд-

¹⁾ П. С. Р. Л. II. 29.

²⁾ П. С. Р. Л. II.

нихъ извѣстій видно, что поселеніе собственно Кучково лежало отдѣльно, хотя и въ близкомъ разстояніи отъ Москвы: на Кучковомъ полѣ (нынѣшняа Срътенка) казненъ былъ Вельяминовъ, сынъ послѣдняго Тысяцкаго, ¹⁾ село Кучково въ 1472 году подарено было Юріемъ Васильевичемъ, братомъ Іоанна III, Троицко-Сергіевскому монастырю. ²⁾

Какія отношенія существовали у московскаго поселенія къ своему стольному городу Владимиру до тѣхъ поръ, пока оно само не организовалось въ городъ? По естественному ходу развитія русскихъ населенныхъ мѣстностей, обыкновенно поселеніе, даже достигнувшее значенія пригорода, выносило рѣшительное вліяніе своего города, получало отъ него Намѣстника или Посадника и обязывалось повинностями; только значительная степень развитія, достигнувшая, или даже перевѣсившая развитіе самого города, давала пригороду фактическое право образовать свой столъ. Отношенія между городами и ихъ пригородами почти всегда оказывались натянутыми, если не враждебными. Новгородъ и Псковъ, Ростовъ и Владиміръ сходились рѣдко, только въ случаяхъ общихъ интересовъ, обыкновенно же они разъединялись гордостью старѣйшаго города, стремленіемъ его—подчинить своей полной волѣ пригородъ, и постояннымъ усиленіемъ послѣдняго—высвободиться изъ подъ этого вліянія, стать на равную ногу, получить свой столъ. Такъ во времена даже великаго княжества Владимірскаго (1174 г.) Ростовцы обращались къ Владимірцамъ, какъ къ своимъ подвластнымъ, называли ихъ каменщичками, слугами недостойнымъ имѣть своего Князя. Существовали ли такія же отношенія у Владимира съ Москвою? Такихъ отношеній не могло быть. Когда поселеніе садилось на вольной землѣ или по крайней мѣрѣ на землѣ, не считавшейся фактически собственностью частнаго лица, оно должно было относиться къ городу, какъ къ верховному своему управленію, но когда поселеніе занимало поземельную собственность частнаго лица и въ особенности, когда оно само состояло изъ людей несвободныхъ и селилось поземельнымъ владѣльцемъ, то въ этомъ слу-

¹⁾ Никон. Лѣт. IV. 85.

²⁾ С. Г. Г. и Д. № 96.

чаѣ всѣ отношенія такого поселенія тянули не къ городу, а къ своему владѣльцу, управлявшему имъ по своему усмотрѣнiю. А именно такого рода поселеніе и составляло Москву. До насъ не дошло лѣтописныхъ извѣстій, по которымъ можно было бы съ положительною точностью прослѣдить развитіе Москвы, до превращенія ея изъ простаго поселенія въ стольный городъ княжества, но можно сказать, что до XIII столѣтія Москва не пользовалась никакой самостоятельностью, была поземельной собственностью Владимірскихъ Князей, пхъ любимымъ мѣстомъ жительства или отдохновенія. Впрочемъ Великій Князь Владимірскій Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, несмотря на живописныя московскія окрестности и семейныя отношенія, жилъ не въ Москвѣ, а въ селѣ Боголюбовѣ (въ 11 верст. отъ Владиміра), гдѣ, 29 іюня 1073 г., и былъ убитъ заговорщиками, въ главѣ которыхъ находился братъ его жены. ¹⁾

Первое извѣстіе о Москвѣ, какъ уже о значительномъ поселеніи, находится въ Лаврентьевской лѣтописи въ началѣ XIII столѣтія: „Въ лѣто 6721 (1213) Володиміръ сынъ Всеволожь, Великаго Князя, ѣха въ Москву“ и затѣмъ далѣе... „п идоста изъ Ростова къ Москвѣ Иорги съ Ярославомъ и пзведъ Иорги изъ Москвы Володимера и посла й въ Рускыи Черелславль“. ²⁾ Слѣдовательно въ это время Москва не была стольнымъ городомъ, иначе лѣтописецъ не преминулъ бы упомянуть объ этомъ, такъ какъ за вѣдомъ Владиміра столь оставался бы не занятымъ.

Во время нашествія Батыею подъ 1237 годомъ ³⁾ встрѣчается простое извѣстіе о сожженіи Москвы, о плѣненіи въ ней князя Владиміра, втораго сына Юрьева (вѣроятно или шестаго сына Всеволода, или втораго сына Андрея Боголюбскаго), объ умерщвленіи тамошняго воеводы Филиппа Иваньку и другихъ жителей, но не объясняется, по какому случаю тамъ находился Владиміръ, въ качествѣ ли временнаго пребыванія поземельнаго собственника, или по обязанности На-

¹⁾ П. С. Р. Л. II. 113.

²⁾ П. С. Р. Л. I. 185.

³⁾ П. С. Р. Л. IV. 31. Никош. Лѣт. II. 372 и 373.

мѣстника, и въ послѣднемъ случаѣ, когда и съ какого времени, или же наконецъ въ достоинствѣ самостоятельнаго Князя.

Болѣе опредѣлительное извѣстіе встрѣчается подъ 1248 годомъ ¹⁾, а именно, что въ отсутствіи Александра Невского меньшей его братъ Михаилъ Московскій Храбрый изгналъ изъ Владиміра дядю своего Святослава Всеволодовича, но въ ту же зиму былъ убитъ въ войнѣ съ Литвою. Тѣло его Суздальскій Епископъ Кириллъ перевезъ во Владиміръ и положилъ въ стѣнѣ соборнаго храма. Изъ этого извѣстія можно заключить, что Михаилъ Ярославичъ уже считался *Княземъ Московскимъ*, что онъ уже дѣйствовалъ самостоятельно, изгоняя дядю и воюя съ Литвою, но что тѣмъ не менѣе за Москвою все еще не было значенія самостоятельнаго города, такъ какъ тѣло Князя положено не въ Москвѣ, а въ соборномъ храмѣ Владиміра. Лѣтописи не говорятъ о заключеніи ряда между Михаиломъ Храбрымъ и Москвитянами, и дѣйствительно такого ряда не могло быть. Рядъ устанавливался вѣчемъ, а вѣче съ половины XIII вѣка стало исчезать изъ народной жизни не только въ сѣверовосточной Руси, но даже и въ старѣйшихъ южныхъ городахъ, во 1-хъ потому, что разгромъ и полонъ монгольскій значительно прорѣдилъ свободное населеніе, фактически ограничивъ народное право, во 2-хъ — существованіе большаго количества вотчинъ княжескихъ и боярскихъ не могло не повліять не только на самостоятельность и свободу выбора, но даже на самое существованіе его и наконецъ въ 3-хъ — гибельный примѣръ разъединенности не могъ не заставить поселенія городовъ болѣе тяготѣть и тѣснѣе примыкать къ центральной власти, какъ къ болѣе надежной точкѣ опоры. Что же касается до Москвы, то лѣтописи вовсе не упоминаютъ о существованіи московскаго вѣча, а если и встрѣчаются два или три указанія, то они объясняются смутнымъ временемъ общаго безпорядка, но ни въ какомъ случаѣ существованіемъ его, какъ обычнаго учрежденія.

Такимъ образомъ можно безошпбно сказать, что княже-

¹⁾ П. С. Р. Л. IV. 38. Ник. Лѣт. III. 30 и 31.

ніе Московію переходило по преемству въ родѣ Великихъ Владимірскихъ Князей на правѣ владѣнія ею, какъ собственностью ¹⁾, безъ всякаго ряда или народнаго участія.

Послѣ Михаила Ярославича на московскомъ столѣ сидѣлъ четвертый сынъ Александра Невскаго—Даніилъ, вѣроятно на томъ основаніи, что большіе братья сѣдѣли на большія мѣста, а меньшимъ братьямъ, поэтому доставались мѣста младшія, меньшія. ²⁾ Этому Князю Москва обязана первымъ расширеніемъ своей территоріи въ видѣ сліянія, но никакъ не временнаго присоединенія удѣла. Управляя Московію не въ качествѣ начальника дружинниковъ, пропитаннаго понятіями о старѣйшинствѣ городовъ и своей княжеской родовой чести, а какъ добрый, разумный хозяинъ своей отчины, Даніилъ желалъ округленія своихъ владѣній естественными границами, по хозяйственнымъ соображеніямъ. Сознавая, до какой степени обладаніе всѣмъ теченіемъ рѣки Москвы, какъ самымъ удобнымъ и дешевымъ путемъ сообщенія, представлялось для Москвы дѣломъ выгоднымъ, Князь Московскій искалъ ссоры съ Рязанью и достигъ своей цѣли. При этомъ надобно замѣтить объ общей характеристикѣ Московскихъ Князей, заключающейся въ отсутствіи воинственности, въ уклоненіи отъ безцѣльныхъ ссоръ и не желаніи рискованно ставить на карту свои интересы. Если Московскіе Князья и объявляли войну, то уже тогда, когда имѣли всѣ шансы на успѣхъ. Такъ и теперь. Начавшаяся война съ Рязанью кончилась весьма счастливо для Москвы: рязанская рать была разбита, князь Константинъ Романовичъ взятъ въ плѣнъ, множество татаръ, находившихся въ рязанской дружинѣ, убито, а *Коломна*,—мѣстность впаденія рѣки Москвы въ Оку,—присоединена къ московскимъ владѣніямъ ³⁾.

По поводу избіенія татаръ въ уособицѣ Москвы съ Ря-

¹⁾ Вліяніе поземельныхъ отношеній, вѣжета, ускользнуло отъ вниманія нашихъ изслѣдователей, между тѣмъ какъ оно не могло не имѣть преобладающаго значенія, составляя собою всю сущность всѣхъ главныхъ потребностей поселенія въ первый періодъ существованія.

²⁾ С. Г. Г. в Д. т. II. № 141.

³⁾ Воскрес. Лѣт. ч. I. 26 и 27.

занью нашъ знаменитый исторіографъ говоритъ: ¹⁾ „смѣлость удивительная и не имѣвшая никакихъ слѣдствій. Такимъ образомъ Россіане начинали ободряться и, пользуясь дремотою хановъ, издалека острили мечи свои на конечное сокрушеніе тиранства“. Мысль — далеко невѣрная. Въ эту эпоху Россіане не могли острить мечей на конечное сокрушеніе ига, напротивъ, здравая политика передовыхъ выдающихся людей того времени, каковымъ былъ напримѣръ Александръ Невскій, именно заключалась въ работѣнномъ угожденіи ханамъ, въ отдаленіи всѣми возможнымъ средствами прямого и непосредственнаго вмѣшательства ихъ въ свои внутреннія дѣла. Безслѣдность убійства татаръ объясняется не дремотою хановъ, а присутствіемъ въ княжествахъ, а въ особенности въ ближайшихъ къ ордѣ, большого количества всякой сволочи, прибывшей туда при служилыхъ ханскихъ людяхъ въ качествѣ совершенно частныхъ лицъ и оставшихся тамъ ради своей частной выгоды. Что наши Князья, и въ особенности Московскіе, не думали объ открытомъ сопротивленіи, къ чему они не имѣли и возможности, доказывается ихъ дѣйствіями. Этотъ же самый Даниилъ Московскій, избившій татаръ въ Рязанской схваткѣ, за вѣсколько лѣтъ передъ этимъ (1293 г.) безпрепятственно допустилъ Дюделя, брата Тохты, въ Московскіе предѣлы и не принималъ никакихъ мѣръ противъ грабежей и опустошеній монголовъ.

Другое, также весьма важное, приобрѣтеніе составляло присоединеніе Переяславля. Иоаннъ кроткій Переяславскій, сынъ Дмитрія Александровича, всегда любимій своего Московскаго дядю, умирая бездѣтнымъ въ 1302 году, завѣщалъ ему свою волость. ²⁾ Въ то время Переяславль считался одною изъ важныхъ крѣпостей по значительному числу людей ратныхъ, а еще болѣе по значительнымъ крѣпостнымъ сооруженіямъ изъ 12 башенъ въ двойной стѣнѣ, изъ рва наполненнаго водою кругомъ города и т. п. Вслѣдствіе своего положенія на сѣверѣ, Переяславль сталъ для Москвы лучшимъ оборонительнымъ и сторожевымъ пунктомъ.

¹⁾ Карамз. изд. Смир. т. IV. 160

²⁾ Никон. Лѣт. т. III. 99.

3-го марта 1303 года „преставись князь, говорятъ лѣтописецъ, Данило Александровичъ въ черниѣхъ и въ скниѣ и положенъ бысть въ церкви св. Михаила въ Москвѣ“; ¹⁾ въ Степной же книгѣ мѣстомъ погребенія Князя называется, основанный имъ, Даниловъ монастырь. Изъ всѣхъ дѣтей Александра Невского, на самомъ младшемъ изъ нихъ, князь Данилъ Александровичъ, отразились даровитость и государственныи тактъ отца. Ему Московское княжество обязано своей самостоятельностью, расширеніемъ своей территоріи и дальнѣйшимъ развитіемъ, такъ какъ всѣ преемники его болѣе или менѣе неуклонно слѣдовали пути, начертанному имъ. Подобно отцу, онъ сознавалъ могущественное вліяніе церкви, какъ государственнаго учрежденія, чтялъ ея совѣты, раздѣлялъ ея интересы и подобно отцу причисленъ къ числу святыхъ угодниковъ.

У Данила Московскаго было 5 сыновей: Юрій, Александръ, Борисъ, Иванъ (Калита) и Аѳонасій. Какимъ образомъ подѣлилось наслѣдство Данила, по недостатку лѣтописныхъ извѣстій, опредѣлить трудно, тѣмъ болѣе, что къ этому времени сила понятій о родовомъ старѣйшинствѣ начинаетъ терять обязательное значеніе. По всей вѣроятности Княземъ Московскимъ сдѣлался старшій сынъ Данила—Юрій; по крайней мѣрѣ извѣстно, что тотчасъ же по смерти Данила, Переяславцы, нераздѣльные съ Москвитянами, изъ боязни вмѣшательства Великаго Князя Андрея Александровича, объявили Юрія своимъ Княземъ и даже не позволили ему выѣхать на погребеніе отца ²⁾.

Весною 1303 года Юрій овладѣлъ Можайскомъ (Смоленскимъ удѣломъ) и присоединилъ его къ Московской волости. ³⁾ Подобный примѣръ самоуправнаго, безъ всякаго участія великаго князя и ряда, вступленія на столъ и потомъ самоуправнаго завоеванія чужой области, не можетъ быть объясненъ только однимъ отсутствіемъ Великаго Князя, бывшаго тогда въ ордѣ, но кажется ближе и вѣрнѣе видѣть въ подоб-

¹⁾ Ник. Лѣт. III. 100.

²⁾ Никоп. Лѣт. т. III.

³⁾ Воскрес. II. 272.

ныхъ примѣрахъ послѣдствіе разрушенія родоваго значенія и выдѣленія личности. Затѣмъ осенью того же 1303 года воротился изъ орды Великій Князь Андрей Александровичъ съ ханскими посланцами и тотчасъ же участвовалъ на княжескомъ съѣздѣ въ Переяславль. На этомъ совѣщаніи Князей было утверждено существующее status quo, удержаніе за каждымъ изъ князей его владѣній, а слѣдовательно и за Юріемъ обладаніе Переяславлемъ, хотя это обладаніе совершилось безъ участія Великаго Князя.

Установившаяся тишина продолжалась недолго. Въ слѣдующемъ 1304 году, 27 іюля, умеръ схимникомъ въ Городцѣ Великій Князь Андрей Александровичъ ¹⁾ и смерть его послужила поводомъ къ кровавой драмѣ борьбы за первенство, непримиримой борьбы старыхъ понятій съ новыми, погубившей столько замѣчательныхъ людей того вѣка и кончившейся преобладаніемъ Москвы. Для полнаго выясненія этой борьбы необходимо воротиться нѣсколько назадъ.

ГЛАВА III.

Юрій Даниловичъ. Борьба съ Тверью. Великое княжество Литовское.

Съ XIII столѣтія Суздальское или лучше сказать Владимірское княжество, подобно Кіевскому, составило федерацію нѣсколькихъ княжествъ, имѣвшихъ центромъ стольный великокняжескій городъ Владиміръ, съ типомъ тѣхъ же княжескихъ отношеній, какія существовали въ Кіевской области, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ тѣми измѣненіями, какія вызвались ходомъ событій и мѣстными условіями. Владимірскій Великій Князь, какъ и Кіевскій, получалъ право на это достоинство по старшинству степеней родства и былъ остальнымъ Князьямъ родичамъ въ отца мѣсто, причемъ, по уцѣлѣвшему еще возрѣнію на родство, дяди считались выше племянниковъ и имѣли право на особенное почтеніе со стороны послѣднихъ. Великій

¹⁾ П. С. Р. Л. III. 68.

Князь, какъ глава семьи, имѣлъ власть родоначальника, разбиралъ права по степенямъ родства своихъ родичей, судилъ, мирилъ, наказывалъ, дѣлалъ выговоры, увѣщанія и т. п. Разумѣется вліяніе его обуславливалось собственной силой и нравственнымъ достоинствомъ; съ отсутствіемъ же^е этихъ послѣднихъ условій возникали непрерывныя усобицы и возникали съ бѣльшей силой, такъ какъ обязательность правъ родства слабѣла, не выдѣливъ еще новаго, опредѣленнаго начала. Власть княжеская, въ ущербъ значенію вѣча, получила бѣльшее развитіе;— въ то время какъ населенія старшихъ суздальскихъ городовъ все еще пытались удерживать самостоятельность и продолжали обсуждать права князей, каждый удѣльный князь, чувствуя себя бѣлье сильнымъ, стремился съ своей стороны къ независимости и къ увеличенію своихъ владѣній на счетъ другаго, что естественно вело къ самымъ губельнымъ послѣдствіямъ, къ разъединенности и войнамъ.

По преемственному праву Владимірскій великокняжескій столъ занимали князья: Юрій Долгорукій, Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, Михаилъ II Юрьевичъ, Всеволодъ III Юрьевичъ великій (большое гнѣздо), Юрій и Константинъ Всеволодовичи и наконецъ Ярославъ II и Святославъ Всеволодовичи. У великаго князя Ярослава II Всеволодовича, умершаго въ 1247 году въ ордѣ,—были сыновья: Ѳедоръ, Александръ (Невскій), Андрей Суздальскій, Константинъ Галицкій, Афонасій, Данииль, Михаилъ, Ярославъ Тверскій и Василій Костромскій.

Замѣчательный умъ Александра Невскаго ясно видѣлъ причины бѣдственнаго положенія Руси въ ея разъединенности, въ самовластіи и независимости князей, въ ихъ непрерывныхъ спорахъ и усобицахъ при преслѣдованіи своихъ эгоистическихъ цѣлей и задался мыслью возвысить великое княженіе, сдѣлать его регуляторомъ государственной жизни и лшптъ князей не только правъ, но и возможности опустошать и разорять области. Для достиженія этой цѣли, по вступленіи своемъ на Владимірскій великокняжескій столъ, онъ воспользовался самымъ главнымъ врагомъ Руси, тѣми же самыми монголами. Сдѣлавшись другомъ послѣднихъ, ихъ непосредственнымъ пособникомъ, баскакомъ или сборщикомъ данн,

онъ за то получилъ средства, достаточныя для обузданія своевольствъ князей, а съ обузданіемъ ихъ, естественно, должна была все болѣе и болѣе крѣпнуть народная сила. Дѣйствительно, русскій народъ въ его княженіе отдохнулъ, но все-таки задуманная цѣль не была вполнѣ достигнута отчасти по кратковременности княженія Александра, отчасти по господствовавшему еще взгляду на родство, дающему преимущество боковой линіи передъ исходящей, дядямъ передъ сыновьями.

Александру Невскому, умершему въ 1263 году, наследовали по великому княжеству, по праву родства, сначала его братья Ярославъ (умер. въ 1272 г.) и Василій (ум. въ 1276 г.) Ярославичи, а потомъ уже его дѣти Дмитрій и Андрей Александровичи. Къ несчастью, наследники не обладали умомъ и энергіей Невскаго. Начались усобицы, дѣло его погубило, значеніе великаго княжества все болѣе и болѣе умалилось и умалилось до того, что при Дмитріѣ Александровичѣ нѣкоторые изъ князей, Михаилъ Тверскій и Феодоръ Ярославскій, достигли признанія себя независимыми, а своихъ владѣній великими княжествами т. е. отдѣльными, самостоятельными единицами. При Андрѣѣ Александровичѣ того же домогался и Даниилъ Московскій, но достигнуть ли цѣли—неизвѣстно, хотя въ надписи, находящейся въ Даниловомъ монастырѣ, онъ и называется благовѣрнымъ великимъ княземъ Московскимъ. Къ довершенію бѣдствія, внѣшнія отношенія ставилъ сѣверо-восточную Русь въ самое опасное положеніе: съ сѣвера постоянно воевали шведы и нѣмцы, съ запада напирала литва съ Гедимномъ, а съ юго-востока монголы.

По смерти Андрея Александровича (1304 г.), изъ нисходящаго потомства Александра Невскаго, находились на лицѣ только внуки его, сыновья Даниила Московскаго: Юрій, Александръ, Борисъ, Иоаннъ I (Калита) и Афонасій, но они, по существовавшему тогда праву, не должны были домогаться великаго княжества, такъ какъ находился въ живыхъ двоюродный дядя ихъ, сынъ Ярослава Ярославича—Михаилъ Тверской. Послѣдній имѣлъ неоспоримое право на великое княжество Владимірское, отецъ его дѣйствительно былъ великимъ

княземъ Владимірскимъ, да и самъ онъ *великимъ княземъ* тверскимъ, тогда какъ Данилъ Московскій только домогался признанія великаго княжества Московскаго, но княземъ Владимірскимъ не бывалъ, а по понятіямъ того времени сынъ не могъ получить того, чѣмъ не пользовался его отецъ.

Въ силу такого вѣскаго права, тотчасъ по кончинѣ Андрея Александровича, Владимірскіе бояре отправились въ Тверь звать Михаила Ярославича на великое княженіе. 1) Но старшій порядокъ теперь встрѣтилъ противника въ лицѣ умнаго и изворотливаго Юрія Даниловича. Потому ли, что отецъ его домогался великаго княжества, хотя и Московскаго, а можетъ быть и дѣйствительно былъ имъ, или вслѣдствіе внушеній монгольскихъ вельможъ, обѣщавшихъ успѣхъ за болѣе значительный выходъ, 2) или просто по сознанію своей силы, или, что всего вѣроятнѣе, вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ въ совокупности, только Юрій, не слушая добрыхъ увѣщаній митрополита Максима и обѣщаній матери Михаила Ярославича Ксеніи увеличить Московскую область, 3) открыто объявилъ претензію на великое княжество и отправился съ подарками въ хану, куда также уѣхалъ и Михаилъ Ярославовичъ. Въ отсутствіе Юрія, тверичи рискнули было овладѣть, какъ спланнымъ опорнымъ пунктомъ Москвы, — Переяславлемъ, но, послѣ упорной битвы, были разбиты переяславцами, къ которымъ на помощь подоспѣла московская рать, подъ предводительствомъ Іоанна Даниловича. 4) Въ Никоновской лѣтописи говорится даже, что Іоаннъ Даниловичъ, по отъѣздѣ брата, прибылъ изъ Москвы въ Переяславль и сѣлъ тамъ на великое княженіе. Хотя это извѣстіе, вѣроятно, говоритъ объ Іоаннѣ Даниловичѣ въ качествѣ представителя его брата, по тѣмъ не менѣе оно весьма важно, какъ указаніе на солидарность отношеній Пе-

1) Никон. Л. 101.

2) На это обстоятельство положительно указываютъ наши лѣтописи (Воскр. II. 281): сводиша (ханскіе послы) братью, ркуще князю Юрю: оже ты даси выходъ болши князя Михаила, а мы тебѣ княженіе великое дадимъ. И тако превратиша сердце его.

3) Воскресен. Лѣт. II. 281.

4) П. С. Р. Л. IV. 46.

реяславля съ Москвой и на дѣятельное участіе въ честолюбивыхъ стремленіяхъ Московскихъ князей, а не лично одного Юрія ¹⁾.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ т. е. уже въ 1305 году князь Михаилъ Ярославовичъ воротился въ Владиміръ съ ханскою грамотою, утверждавшею его великимъ княземъ Владимірскимъ. Дѣло Юрія казалось проиграннымъ на всегда, но не такъ думалъ самъ Юрій. Упругій характеръ его могъ согнуться, но не сломиться. Не имѣя возможности силою одолѣть противника, онъ ждалъ, ждалъ терпѣливо нѣсколько лѣтъ и наконецъ дождался благопріятнаго момента, когда собственныя ошибки Михаила поставили послѣдняго въ трудное положеніе. Зналъ эту несокрушимую настойчивость и Михаилъ Ярославовичъ, два раза ходилъ онъ подѣ Москву (1305 и 1308 г.) съ сильнымъ войскомъ, но каждый разъ возвращался безъ всякаго результата ²⁾.

Прошло нѣсколько спокойныхъ лѣтъ, не безполезныхъ для Юрія, благодаря ошибкамъ Михаила, естественно вытекшимъ изъ личнаго характера этого князя. Михаилъ — рыцарь того вѣка, честный представитель стараго порядка, весь беззащитно преданный средѣ, окружавшей и воспитавшей его. Сдѣлавшись великимъ княземъ Владимірскимъ, онъ остался тѣмъ же княземъ тверскимъ, жилъ постоянно въ своемъ отечественномъ городѣ Твери, а Владиміромъ и Новгородомъ управлялъ посредствомъ намѣстниковъ своихъ изъ тверскихъ бояръ. Естественно такой порядокъ не могъ нравиться ни Владиміру, гордому своимъ старшинствомъ, ни Новгороду, гордому своей самостоятельностью и богатствомъ. Раздраженіе поддерживалось и росло еще болѣе отъ корыстныхъ дѣйствій намѣстниковъ и вообще отъ неумѣнія тверичей приравняться къ обстоятельствамъ. Въ Новгородѣ тверскіе бояре нерѣдко нарушали права, утвержденныя грамотами, права на собственный судъ, управленіе и землевладѣніе. Неудовольствія превращались въ открытыя возстанія, которыя усмирялись вой-

¹⁾ Никон. Л. III. 103.

²⁾ Воскрес. Лѣт. II. 281.

ной, что не могло не утвердить еще болѣе непріязненныхъ отношеній. 1) Самое сосѣдство Твери съ Новгородомъ было неблагоприятно для послѣдняго. Это сосѣдство давало возможность великому князю непосредственно во всякое время вмѣшиваться въ новгородскія дѣла и вліять на торговля обороты, что не могло не казаться опаснымъ и подозрительнымъ для своевольнаго народа. Этимъ обстоятельствомъ легко объясняется симпатія Новгорода къ Москвѣ, стоявшей за Тверью и не имѣвшей съ нимъ прямыхъ столкновеній по землевладѣнію. Между тѣмъ доброе согласіе съ Новгородомъ было для великаго князя въ то время существенною необходимою, такъ какъ въ орду требовались деньги, а деньгами богатъ былъ только одинъ Новгородъ.

Въ это время въ ордѣ хану Тохтѣ наследовалъ сынъ его молодой Узбекъ, отъ котораго слѣдовало получить новое утвержденіе (ярлыкъ) на великое княженіе. Поэтому великій князь въ 1313 году снова отправился въ орду 2) съ поклономъ и съ 1,500 гривнами серебра, взятыхъ имъ съ Новгородцевъ. Вѣроятно Юрій Даниловичъ имѣлъ усердныхъ пособниковъ въ ордѣ, вредившихъ Михаилу Ярославовичу: только черезъ два года великій князь воротился домой съ ярлыкомъ и съ сильнымъ монгольскимъ войскомъ. Но насколько онъ выигралъ въ ордѣ, на столькоже, если не болѣе, потерялъ дома. Пользуясь его отсутствіемъ, Юрій Даниловичъ притрговалъ и успѣлъ возбудить сильное неудовольствіе въ Новгородцахъ, у которыхъ агитировалъ въ его пользу князь Ѳеодоръ Ржевскій съ такимъ успѣхомъ, что въ 1315 году Новгородъ призналъ Московскаго князя, въ разрѣзъ обычнаго порядка, своимъ княземъ. Правда, съ возвращеніемъ великаго князя, дѣло измѣнилось; подъ вліяніемъ силы, Новгородъ принужденъ былъ выдать Михаилу Ярославовичу и князя Ржевскаго и Афонасія, брата Юрія, оставленнаго послѣднимъ въ Новгородѣ, по случаю своего отбѣзда въ орду, но тѣмъ не менѣе тотъ же Новгородъ золотомъ и чрезъ торговцевъ своихъ, жив-

1) П. С. Р. Л. III. 71. С. Г. Г. Д. I. № 12.

2) Никои. Лѣт. III. 108.

шихъ въ орду, тайно непереставалъ поддерживать московскіе интересы. 1) Великій князь поѣхалъ жаловаться въ орду, но тамъ Юрій Даниловичъ, снабжаемый постоянно изъ Новгорода матеріальными средствами, бралъ рѣшительный перевѣсъ. Послѣ трехлѣтнихъ неутомимыхъ хлопотъ, интригъ и прислуживаній, Московскій князь достигнулъ полного успѣха.

Въ 1318 году Юрій Даниловичъ женился на любимой сестрѣ Узбека Кончаѣ, по святому крещеніи Агафьи, и получивъ грамоту на великое княженіе всея Руси, воротился съ монгольскимъ войскомъ, подъ начальствомъ ханскихъ пословъ Кавгадья, Астрабыла и Острева. 2) Такъ какъ грамота ханская, поддерживаемая силой, исключала всякое другое право, то занятіе велико-княжескаго стола Юріемъ признано было безропотно всѣми князьями сѣверовосточной группы и даже самымъ бывшимъ великимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ. 3) Но Юрій очень хорошо понималъ непрочность своего положенія при существованіи права за Тверью по старшинству родства и въ особенности при обладаніи тверскимъ княжествомъ значительными матеріальными средствами. Необходимо было обезсилить Тверь и потому первымъ дѣломъ Юрія, по возвращеніи во Владиміръ, не смотря на покорность Михаила, было идти съ сильнымъ войскомъ опустошать тверскую волость. Вынужденный защищать свои собственные владѣнія, Михаилъ съ тверскою дружиной встрѣтилъ Юрія при Боршновѣ (въ 40 верст. отъ Твери) и разбилъ на голову, взявъ въ плѣнъ Кончаю, брата великаго

1) П. С. Р. Л. III. 71 Никон. Лѣт. III. 115.

2) Никон. Лѣт. III. 112.

3) Въ этомъ отношеніи встрѣчаются различныя извѣстія. Въ Воскресен. Лѣт. (II. 382) говорится, что Михаилъ отступился отъ своего права: „оже далъ царь тебѣ великое княженіе, то и азъ отступаюся тебѣ: княжи на великомъ княженіи, но въ мою опришнину не вступаиши и распусти свои войска“, по Никон. же лѣт. (III. 112) Юрій, сошедшись съ Михаиломъ на Волгѣ у Костромы, уступилъ ему великое княженіе. Зная характеръ Юрія нельзя не отдать болѣе вѣроятія извѣстію Воскрес. Лѣт. Впрочемъ могла быть уступка и со стороны Юрія, по временная, вынужденная случайными обстоятельствами напр. превосходствомъ силъ Михаила, при встрѣчѣ на Волгѣ.

князя Бориса Даниловича и Кавгадыя. ¹⁾ Юрий бѣжалъ въ Новгородъ, собралъ тамъ новое войско и выступилъ съ нимъ на встрѣчу Михаила. Но битвы не было: князя договорились искать суда въ ордѣ, куда рѣшили отправиться обоимъ. Къ несчастію для Михаила, въ это время въ Твери скоропостижно умерла Кончака, по свидѣтельству нашихъ лѣтописей, насильственной смертью ²⁾ и это обстоятельство дало Юрию новое и вѣское оружіе. Съ помощью новгородскаго золота и вліянія Кавгадыя, Юрий въ ордѣ располагалъ сплкнуо партией въ свою пользу. Михаила Ярославовича обвинили въ отравленіи Кончаки, въ бунтѣ противъ хана и въ сношеніяхъ съ папскимъ западомъ съ цѣлью свергнуть татарское владичество. Не смотря на отрицаніе взводимыхъ обвиненій и на совершенное отсутствіе доказательствъ, пристрастный орднскій судъ, подъ вліяніемъ Кавгадыя, призналъ обвиненія доказанными, а обвиненнаго достойнымъ смертной казни. 22-го Ноября 1319 года Михаила Ярославовича звѣрскимъ образомъ зарѣзали ³⁾.

Борьба такихъ соперниковъ, типическихъ представителей стараго порядка родовитой Руси съ новымъ стремленіемъ вѣчной власти, не могла разрѣшиться иначе, какъ кровью и кровь дѣйствительно пролилась и даже не одной, а нѣсколькихъ жертвъ. Юрий Даниловичъ сѣлъ на великокняжескій столъ Владимірскій или всея Руси, но старшій складъ не вымеръ съ кончиной Михаила; его семейные, его сыновья хранили свято родныя преданья и ожидали только случая стать живымъ, упорнымъ протестомъ. Отъ Михаила Ярославовича осталось четверо сыновей Дмитрій Грозный Очи, Александръ, Константинъ и Василій, изъ которыхъ старшій сѣлъ на великокняжескій Тверской столъ тотчасъ же по полученіи извѣстія изъ орды о кончинѣ отца!

По возвращеніи на родину, новый великій князь всея Руси основался во Владимірѣ, а младшаго брата Афонасія, ⁴⁾ какъ

¹⁾ Воскресен. лѣт. II. 283 и 284.

²⁾ П. С. Р. Л. III 72. IV. 49.

³⁾ Никон. Л. III. 115—121. Воскр. лѣт. II. 286—295.

⁴⁾ П. С. Р. Л. IV. 49.

любимаго Новгородцами, отправилъ туда въ качествѣ намѣстника. Затѣмъ уладивъ свои отношенія къ Рязани на всей своей волѣ, ¹⁾ Юрій заключилъ миръ съ Дмитріемъ Тверскимъ, обѣщавшимся не спорить о великомъ княженіи всея Руси и заплатить 2,000 рублей. Вѣроятно великій князь сознавалъ ненадежность мирнаго договора и не упустилъ бы случая принять своевременныя мѣры къ обезсилению Твери, но въ это время его вниманіе отвлекли другія отношенія. Новгородъ много помогалъ ему въ борьбѣ съ Тверью и потому естественно онъ не могъ отказать ему въ просьбѣ о помощи противъ шведовъ, овладѣвшихъ Корелю и Кексгольмомъ. Юрій лично предводительствовалъ Новгородцами, но, простоявъ безуспѣшно подъ Выборгомъ около мѣсяца, принужденъ былъ возвратиться въ Новгородъ ²⁾.

Между тѣмъ совершился новый оборотъ счастья въ пользу Твери. Князь Дмитрій Михайловичъ, Грозныя Очи, успѣлъ выходить себѣ ярлыкъ на великое княженіе Владимірское ³⁾ и какъ энергическій и симпатичный представитель стараго направленія нашелъ въ общественномъ строѣ старыхъ городовъ рѣшительную поддержку. При такихъ обстоятельствахъ бороться съ нимъ было трудно. За Юрія, кромѣ Москвы, стоялъ только Новгородъ, правда располагавшій значительными силами, но занятый собственными своими дѣлами, войнами съ шведами, ливонцами и защитой своихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій на сѣверо-востокъ за Устюгомъ, въ Югорской землѣ. Слѣдовательно, Юрію, по необходимости, ос-

¹⁾ Въ Рязани въ это время княжилъ Иоаннъ Ярославичъ, завистливый фактически отъ Юрія Даниловича. Вообще Рязань находилась подъ сильнымъ вліяніемъ Москвы, пытавшейся даже на уничтоженіе ея самостоятельности. Плененный Давидомъ Московскимъ рязанскій князь Константинъ, содержавшійся въ заключеніи въ Москвѣ, по распоряженію Юрія Даниловича въ 1307 году былъ убитъ, но впрочемъ это злодѣйство оказалось бесплоднымъ, такъ какъ Узбекъ назначилъ Рязанскимъ княземъ сына убитаго Ярослава.

²⁾ П. С. Р. Л. III. 72.

³⁾ По извѣстію Татищева, Дмитрій сдѣлалъ доносъ хану объ утайкѣ Юріемъ суммы, переданной тому для хана. Это извѣстіе подтверждается переменною разположеніемъ хана къ Юрію и, еще болѣе, казнью Кавгады, о которой упоминается и въ летописяхъ (П. С. Р. Л. V. 214).

тавалось терпѣливо выжидать болѣе благопріятнаго случая и стараться только возможно тѣснѣе соединить свои интересы съ интересами Новгорода. Онъ такъ и сдѣлалъ. Предводительствуя новгородскими дружинами въ войнѣ со шведами, обезпечивъ границы Новгорода основаніемъ на Орѣховомъ островѣ крѣпости Орѣховца (Шлисельбургъ) и защитивъ новгородскія ватаги отъ нападеній устюжанъ ¹⁾, онъ приобрѣлъ преданность великаго города, а съ тѣмъ вмѣстѣ и денежные средства. Съ запасомъ этого то могущественнаго орудія, Юрій Даниловичъ въ 1324 году снова явился въ ордѣ хлопотать для себя великаго княженія, а въ слѣдующемъ году прибылъ туда и великій князь Дмитрій Михайловичъ.

Снова обѣ партіи стояли у ханской ставки съ тѣми же претензіями, съ тѣми же средствами и съ тѣмъ же упорнымъ преслѣдованіемъ своихъ цѣлей. Въ одномъ только сходились обѣ партіи: въ желаніи высвободиться изъ подъ власти монголовъ, но средствъ къ достиженію этого обѣ партіи искали въ различныхъ путяхъ, смотря по личнымъ своимъ воззрѣніямъ. Честный, пылкій тверской дружинникъ вѣрилъ въ свои силы, вѣрилъ въ неизмѣнность и святость тогдашняго общественнаго строя и въ безкорыстную помощь своего тестя, литовскаго Гедимина, и мечталъ въ открытомъ бою завоевать свободу. Сдержанный же и болѣе дальновидный владѣтель московскій ясно видѣлъ всю политическую несостоятельность современнаго ему общества, немощность его, невозможность съ успѣхомъ противустать силамъ монголовъ и рѣшился всѣми возможными средствами, даже путемъ низкаго, раболопнаго угодничества ханамъ, поднять единоличную великокняжескую власть, около которой, какъ около центра, тѣсно сплотились бы всѣ разсѣдненные силы русскихъ владѣній. Что, дѣйствительно, таковъ былъ смыслъ разыгравшейся борьбы, это ясно раскрывается при внимательномъ разсматриваніи причинъ и слѣдствій событій того времени, записанныхъ въ лѣтописяхъ.

Каждая изъ партій слѣпо держалась своихъ убѣжденій,

¹⁾ П. С. Р. Л. IV. 73.

не допускала никакихъ компромиссъ и потому столкновение ихъ необходимо должно было кончиться гибелью одной, какъ это и было уже нѣсколько лѣтъ назадъ. Теперь очередь стояла за Юріемъ. 21 Ноября 1325 года, слѣдовательно наканунѣ дня убіенія Михапла Ярославича, при личномъ свиданіи, безъ всякаго суда, въ кровную мечь за своего отца, необузданный и пылкій сынъ его двадцатисемилѣтній Дмитрій Михайловичъ, Грозный Очп, раздробилъ черепъ залятому московскому лходѣю своего дома. ¹⁾ Тѣло убитаго перевезено было въ Москву, гдѣ и погребено въ церкви Архангела Михапла. Юрій Даниловичъ палъ, но съ нимъ не погбло его дѣло. Его мысль крѣпко засѣла въ головѣ владѣтелей московскихъ, какъ это ясно будетъ видно изъ послѣдующаго изложенія.

Вѣроятно глазамъ хана убійство Юрія Давидовича сначала казалось не слѣдствиемъ политической распри, а дѣломъ личной мести и можетъ быть даже извинительной. По крайней мѣрѣ такъ можно заключить изъ того, что Дмитрій Михайловичъ; послѣ совершения преступленія, жилъ въ ордѣ совершенно свободно, въ достоинствѣ великаго князя, а братъ его Александръ спокойно воротился на родину съ ханскими пошлннниками. Но черезъ десять мѣсяцевъ обстоятельства измѣнились. Юрій оставилъ послѣ себя преданныхъ друзей въ новгородцахъ и московскихъ боярахъ. Новгородцы не желали усиленія сосѣдняго княжества и притомъ же такого безпокойнаго, а московскіе бояре, какъ вотчинники-землевладельцы видѣли въ интересахъ своего князя свои собственные. Соединенныя усилія этихъ друзей успѣли представить хану дѣло въ иномъ свѣтѣ и, подъ вліяніемъ ихъ внушеній, Дмитрій Михайловичъ вмѣстѣ съ Александромъ, княземъ Новоспльскимъ, были казнены 15 сентября того же 1325 года, а братъ его Александръ Михайловичъ получилъ русское великое княженіе. ²⁾ Но, не смотря на поддержку ордѣ, тверскіе великіе князя, по личному своему характеру, какъ и вообще по характеру тверичей, оказались неспособными из-

¹⁾ Никон. Лѣт. III. 129.

²⁾ Никон. Лѣт. III. 130.

влекъ какую либо пользу изъ такой поддержки, напротивъ того, они сами стрѣмились къ своей гбелли.

Лѣтомъ 1327 года прибылъ въ Тверь ханскій посолъ, Шевкаль или Щелканъ Дюденевиъ, двоюродный братъ Узбека, съ толпой хищниковъ, искавшихъ всякаго удобнаго случая обогатиться и обыкновенно сопровождавшихъ въ то время каждое посольство. Вѣроятно цѣль прибытія пословъ состояла въ наблюденіи за дѣйствіями великаго князя, но увлекающемуся и необузданному характеру тверичей почудилась громовая опасность. Въ народѣ распространилось убѣжденіе, будто татары, въ день Успенія Пресв. Богородицы, 15 августа, намѣрены воспользоваться большимъ наплывомъ народа въ городъ, на праздникъ, истребить княжескій родъ, уничтожить самостоятельность княжества и привести христіанъ въ магометанскую вѣру. Послѣдствіемъ такого неосновательнаго увлеченія явилось крайнее народное возбужденіе, приведшее къ ужасному событію. На разсвѣтъ 15-го августа все вооруженное населеніе Твери, съ великимъ княземъ во главѣ, ринулось на татаръ, изъ которыхъ большая часть погибла въ кровавой и неравной сѣчѣ, а остальные, вмѣстѣ съ Шевкаломъ, сгорѣли въ дворцѣ, подозженномъ народомъ ¹⁾.

Трудно объяснить цѣль этого необузданнаго увлеченія, тѣмъ болѣе, что самъ великій князь, руководившій возстаніемъ, не могъ не знать всей его неосновательности. Если видѣть въ немъ несокрушимое народное движеніе, попытку высвободиться изъ подъ владычества орды, то послѣдующія событія доказали полное отсутствіе всякой разумной подготовки. Силъ одного великаго княжества тверскаго, конечно, было далеко недостаточно, а въ лѣтописяхъ не встрѣчается никакого указанія на предварительныя сношенія и переговоры между княжествами. Мало того, даже уже и послѣ совершенія событія въ Твери терпѣливо и неподвижно ожидалъ послѣдствій. И послѣдствія разразились самымъ чувствительнымъ образомъ.

Московскій князь Іоаннъ Даниловичъ, по распоряженію

¹⁾ Никон. Лѣт. III. 137. П. С. Р. I. VI. 50 и 51.

хана Узбека, съ помощью суздальцевъ, бывшихъ подъ начальствомъ ихъ князя Александра Васильевича, и 50 тысячъ ордынцевъ, двинулся къ тверскимъ предѣламъ, несмотря на зимніе морозы. Князь Александръ Михайловичъ убѣжалъ въ Псковъ; Тверь, Кашинь и Торжокъ, со всѣми тянувшими къ нимъ землями, были взяты и опустошены начисто, сосѣдній Новгородъ избѣжалъ печальной участи только богатыми подарками ордынскимъ вельможамъ и уплатой тысячи рублей. Эту катастрофу можно считать послѣднимъ проявленіемъ самостоятельности Твери. Послѣ разгромленія она уже не въ силахъ была вновь подняться и стать во главѣ русской федераціи. Между тѣмъ, князь Іоаннъ Даниловичъ, въ награду за полное послушаніе, получилъ милостивую грамоту на великое княженіе всея Руси. Обыкновенно называютъ, со словъ Карамзина, (т. IV ст. 282 изд. Смрлд.) Симеона Гордаго первымъ *великимъ княземъ всея Руси*, но это ошибочно. Въ жалованной грамотѣ Печерскимъ Сокольникамъ говорится: „*Се язъ князь великій Іванъ Даниловичъ всея Руси пожаловалъ есть.....*“¹⁾ Ошибка, кажется, произошла оттого, что изъ московскихъ княжескихъ печатей дѣйствительно въ первый разъ на печати Симеона вырезано прибавленіе „всея Руси“.

Въ 1328 году Іоаннъ Даниловичъ здѣлался великимъ княземъ.²⁾ Въ числѣ современныхъ княжескихъ родовъ не оказывалось больше претендентовъ и опасныхъ соперниковъ. Рязанскіе князья, хотя и сохраняли внѣшнюю княжескую самостоятельность (въ 1328 году, казненному по повелѣнію хана рязанскому князю Іоанну Ярославичу, наслѣдовалъ его сынъ Іоаннъ Коротополь), но въ дѣйствительности выдерживали сильное московское давленіе; князья Суздальскіе, не смотря на старшинство родства, сознавали свое безсиліе и потому не отдѣляли своихъ интересовъ отъ Москвы и ихъ полки почти постоянно начали встрѣчаться рядомъ съ полками московскими; предприимчивая Тверь ослаблена надолго; Новгородъ, занятый своими промышленными предпріятіями, никогда не

¹⁾ А. А. Э. I. № 3.

²⁾ Нлкон. Лѣт. III. 141.

стремился къ полной политической самостоятельности и постоянно старался только обезпечивать свои интересы, поддерживая княжескія вражды, принимая стороны слабѣйшихъ противъ сильнѣйшихъ и болѣе отдаленныхъ противъ ближайшихъ; Псковъ сплился только отдѣлиться отъ Новгорода, скинуть съ себя значеніе пригорода; затѣмъ другія княжества, или по отдаленности своей, или по незначительности, не могли быть серьезными соперниками Москвы. Весь русскій современный сѣверовостокъ началъ инстинктивно сознавать разумность московскаго политическаго стремленія и тянуть къ нему. Что же касается до западной и южной Руси, то она составляла собою совершенно отдѣльную самостоятельную единицу подъ общимъ названіемъ Литвы, которая относилась къ Москвѣ по временамъ то враждебно, то союзно, смотря по обстоятельствамъ, но во всякомъ случаѣ отношенія эти становились все чаще и непосредственнѣе. Князья сѣверо-восточной Руси женились на княжнахъ литовскихъ и, наоборотъ, князья литовскіе на княжнахъ московской Руси. Народная связь не прерывалась: люди, недовольные московскими порядками, искали защиты и покровительства въ Литвѣ и, наоборотъ, бѣглецы литовскіе находили вѣрное убѣжище въ Москвѣ. Вообще съ XIV столѣтія *великое княжество литовское* стало занимать на западѣ такое же мѣсто, какое на востокѣ занимала Москва, съ тѣми же стремленіями и съ тѣми же цѣлями. Границы обоихъ великихъ княжествъ близились другъ къ другу и, въ недалекомъ будущемъ, предстояло рѣшеніе вопроса о преобладаніи.

Историческія свидѣтельства застаютъ литовскій народъ подъ управленіемъ князя Миндовга, современника знаменитаго галицкаго короля Данила, съ которымъ у Миндовга существовали постоянныя отношенія. Литвяне-язычники, населяя бѣдную мѣстность по обѣимъ сторонамъ средняго теченія рѣки Нѣмана и по берегамъ Вплин, между областями польскими, русскими и владѣніями нѣмецкихъ рыцарей, составляя нестройныя толпы подъ управленіемъ особыхъ князей, жили по преимуществу грабежемъ и разбоемъ. Изъ этихъ то бродячихъ шаекъ Миндовгу удалось, посредствомъ умерщвленія нѣкоторыхъ

литовскихъ князей и захвата ихъ земель и пмѣній, образовывать цѣлое, довольно значительное владѣніе, уже опасное для сосѣдей. Противъ такого усиливающагося значенія новаго литовскаго князя, Даніилъ Галицкій и братъ его Василько нѣсколько разъ возставали, нѣсколько разъ побѣждали, нѣсколько разъ возстановляли противъ него и поляковъ и рыцарей нѣмецкихъ, но каждый разъ Миндовгъ выпутывался изъ бѣды или оружіемъ, или хитростью.

Миндовгъ погибъ отъ руки своего оскорбленнаго родственника Довмонта, не кончивъ полного объединенія литовскаго народа. Сынъ его Войшелгъ отличался страннымъ сочетаніемъ христіанской набожности съ неестественнымъ звѣрствомъ. Еще при жизни отца-язычника и несмотря даже на его увѣщанія и запрещеніе, принявъ христіанскую вѣру, онъ постригся въ монахи и жилъ въ одномъ изъ галицкихъ монастырей до тѣхъ поръ, пока не вызвало его оттуда извѣстіе объ убійствѣ его отца. Умертвивъ многихъ родственниковъ изъ князей литовскихъ въ личную месть за убійство отца, Войшелгъ сдѣлался главнымъ повелителемъ Литвы, владѣнія которой простирались къ западу до Малой Польши, къ югу до верховьевъ рѣки Буга и Приняти, къ востоку до Смоленскаго княжества и заключали въ себѣ черную Русь, Полѣсье, нынѣшнія губерніи Виленскую, Ковенскую, Гродненскую и Мнскую. Въ продолженіи своего княженія Войшелгъ постоянно оставался въ дружескихъ отношеніяхъ съ Даніиломъ и даже третьяго его сына, Шварна, своего зятя, назначилъ литовскимъ княземъ. Послѣ смерти Даніила, старшій его сынъ, Левъ, умертвилъ Войшелга, но не могъ воспрепятствовать упроченію на литовскомъ престолѣ Шварна.

Княженіе Шварна, умершаго въ молодости, продолжалось не долго и по смерти его обладаніе литовскимъ престоломъ снова перешло въ руки туземца въ лицѣ знаменитаго Гедмина. Одаренный обширнымъ умомъ, изворотливостью и храбростью, Гедминъ не только достигнулъ обладанія литовскимъ престоломъ посредствомъ убійства князя Буйвида, но и сумѣлъ организовать сильное княжество, сдѣлавшись великимъ княземъ литовскимъ и русскимъ. То оружіемъ, то хитростью,

то супружескими связями своих сыновей, Гедиминъ присвоилъ себѣ, одно за другимъ, многія русскія княжества. Хотя потомъ русскіе князья южной Руси и сознали опасность, соединились между собою, призвали даже на помощь татаръ, но въ битвѣ на берегахъ Ирпени были разбиты. Гедиминъ овладѣлъ Киевомъ, Брестомъ, Овручемъ, Житомиромъ и всю старинною Кривскою областю (Бѣлоруссіею). Сознывая трудность удержанія за собой сдѣланныхъ завоеваній, онъ дѣйствовалъ чрезвычайно искусно: пользуясь верховной властью и достоинствомъ великаго князя, онъ не изгонялъ прирожденныхъ князей, уважалъ народныя обычаи, нисколько не стѣснялъ православія, — хотя самъ былъ язычникомъ, — и позволялъ новымъ подданнымъ зависѣть въ церковныхъ дѣлахъ отъ московскаго митрополита. Какъ этими мѣрами, такъ и защитой отъ ордынскихъ набѣговъ, онъ успѣлъ привлечь къ себѣ народную любовь и тѣмъ упрочилъ единство княжества.

Съ княженія Гедимина начинаются постоянныя отношенія Литвы съ московскою Русью: Новгородцы избираютъ себѣ въ защитники сына Гедимина, Париманта, князь тверской Александръ ищетъ защиты въ Литвѣ отъ московскаго гнета, сынъ московскаго князя женится на дочери Гедимина и т. п. Отношенія эти становятся все сильнѣе и тѣснѣе... преслѣдованіе одной и той же цѣли наконецъ поставило ихъ лицомъ къ лицу. Въ это время на русской территоріи явилось два центра: Москва и Вильна.

Г Л А В А IV.

Иоаннъ Даниловичъ. Его отношенія къ церкви, къ орду и русскимъ князьямъ.

Иоаннъ Даниловичъ, четвертый сынъ Данила Московскаго, младшаго сына Александра Невскаго, шолъ неуклонно дорогой отца и дѣда. Если онъ не выказалъ блестящихъ воинскихъ дарованій дѣда, то нельзя отказать ему въ способностяхъ дальновидныхъ политическихъ соображеній. Слѣдуя указанію Невскаго на единственный способъ освобожденія

изъ подъ ига орды—способъ возвышенія единоличной власти великаго князя и лишенія самостоятельности второстепенныхъ князей, онъ достигалъ предположенной цѣли мирно, незамѣтно, не раздражая бесполезными спорами и не увлекаясь славой воинскихъ подвиговъ, обыкновенно тяжело лежащихъ на народѣ. Во все время его княженія не возникло ни одной разорительной войны. Ободравный то грабительствами, то налогами ордынцевъ, то княжескими усобицами, народъ отдохнулъ и сталъ набираться силъ. Для достиженія цѣли онъ пользовался двумя средствами, самыми могучими и дѣйствительными въ то время—самими монголами и влїяніемъ церкви. По личному характеру Іаннъ Даниловичъ былъ прежде всего хорошимъ, рачительнымъ хозяиномъ—скопидомомъ. Онъ понималъ необходимость и важность хозяйскаго глаза и личнаго наблюденія, недовѣрялъ случайности и не любилъ рискованности,

Никто изъ нашихъ великихъ князей не бывалъ такъ часто въ ордѣ, какъ Іоаннъ Даниловичъ и нѣто не старался быть ей столько угодливымъ. Первые поѣздки его относятся къ тому времени (1320), когда, послѣ казни Михаила Ярославича, положеніе Юрія Даниловича дѣлалось въ ордѣ все болѣе и болѣе шаткимъ. Безъ всякаго сомнѣнія онъ своевременно замѣтилъ неблагопріятный оборотъ счастія брата и заранѣе старался проторить себѣ дальнѣйшій путь. А средствъ къ расчисткѣ этого пути, онъ, вѣроятно, имѣлъ не мало, такъ какъ ни Юрій Даниловичъ, весь поглощенный спорами и непрерывными поѣздками то въ орду, то въ Новгородъ, то на Двину, ни Афанасій, занятый дѣлами Новгорода, ни Александръ и Борисъ, уѣхавшіе въ Тверь, не могли заниматься своими имуществами и сборомъ съ нихъ доходовъ. При своихъ поѣздкахъ къ хану, Іоаннъ Даниловичъ не щадилъ ни своего самолюбія, ни казны, но за то въ его княженіе орда почти совершенно не вмѣшивалась во внутреннія дѣла сѣверо-восточной Руси и не появлялось въ ея предѣлахъ ни одного ордынскаго грабителя-вельможи. „Сѣде князь Иванъ Даниловичъ, говоритъ Никонъ Лѣтописецъ (III. 142. П. С. Р. Л. IV. 51), на великомъ княженіи и бысть тишина велика крестъ-

яномъ по всей русской землѣ на 40 лѣтъ, и престаша Татаре воевати русскую землю⁴. Состоя у хана единственнымъ представителемъ Руси, онъ этимъ сличивалъ свое отечество въ одно цѣлое. Затѣмъ, въ преслѣдованіи этой послѣдней цѣли, онъ сумѣлъ и успѣлъ найдти себѣ надежнаго союзника въ церкви. Сознавая важность все болѣе и болѣе усиливающагося вліянія церкви, а можетъ быть и по собственному религиозному чувству, онъ успѣлъ убѣдить митрополита Петра перенести въ 1325 году митрополию изъ Владиміра въ Москву.

Личность митрополита Петра имѣетъ огромное историческое значеніе. Хотя, по недостатку положительныхъ лѣтописныхъ указавій, трудно опредѣлить всю сущность вліянія этого святителя на политическія событія того времени и выяснитъ всѣ подробности его отношеній къ Калитѣ, но тѣмъ не менѣе нельзя не признать существованія этихъ отношеній и неизбежнаго вліянія въ виду положенія современной церкви и развитаго ума митрополита. Въ ряду русскихъ іерарховъ этотъ московскій святитель, просвѣщенный сподвижникъ и руководитель Калиты, занимаетъ самое видное мѣсто. Соединяя съ жьвительнымъ духомъ христіанской религіи вѣрный политическій тактъ, онъ много содѣйствовалъ къ развитію духовнаго просвѣщенія, къ правильному установленію отношеній церкви къ обществу и, главное, къ упроченію преобладающаго вліянія Москвы.

Митрополитъ Петръ родился въ Волынской землѣ ¹⁾ и съ отроческихъ лѣтъ предавался изученію церковной литературы. Двѣнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ монастырь; единственный въ то время проводникъ образованія, — и всѣмъ существомъ проникнулся высокимъ ученіемъ Христа. Черезъ нѣсколько лѣтъ, уже по посвященіи въ священника, онъ удалился изъ монастыря въ пустыню, близъ рѣки Раты, гдѣ впоследствии образовался пзвѣстный Ратскій монастырь. Высокія нравственныя достоинства молодого инока привлекли къ нему глубокое уваженіе всѣхъ отъ княжескаго стола до очага поселанна. Поэтому то, по смерти митрополита Максима, по

¹⁾ Степен. кн. I. 410.

настоянію галицкаго князя, съ письмомъ отъ послѣдняго къ константинопольскому патріарху Афонасію, Петръ отправился въ Царьградъ, гдѣ и посвященъ былъ въ санъ Русскаго митрополита. Прибывъ во Владиміръ, столицу митрополіи; новый святитель съ неутомимою дѣятельностью принялся за исполненіе своихъ обязанностей. Къ сожалѣнію, въ то время раздоры волновали наше церковное вѣдомство, раздѣлявшее мірскіе, интересы и неспособное всъзвыситься до уровня своего назначенія. Противъ новаго митрополита образовалась партія, во главѣ которой сталъ *епископъ тверской*. Посыпались клеветы и обвиненія, послужившія поводомъ къ созванію собора въ Переяславль, на которомъ положительно обнаружилась невинность Петра.

Взглядъ митрополита на обязанности духовенства весьма рельефно высказанъ имъ въ его высоко-поучительномъ, краснорѣчивомъ окружномъ посланіи къ пгуменамъ, священникамъ и діаконамъ: „помните дѣти, писалъ онъ, въ какое достоинство вы призваны Богомъ. Вы называетесь стражами церкви, пастырями словесныхъ овецъ, за которыхъ Христосъ пролилъ свою спасительную кровь. Будьте же истинными пастырями, а не наемниками... Будьте, дѣти, образцомъ для своего стада по слову Спасителя, говорившаго своимъ апостоламъ: вы свѣтъ міра, вы соль земли. Таеъ да просвѣтитса свѣтъ вашъ передъ людьми, чтобы они, видя вашъ добрый дѣла, прославили отца вашего, который на небесахъ. Прежде всего вамъ должно просвѣтитса сими добродѣтелями: кротостію и смиреніемъ; также блюстиса отъ всѣхъ дѣлъ непростойныхъ, которыми міръ соблазняется. Оградившиса страхомъ Божиимъ, отсѣйте отъ сердець вашихъ всякую страсть, пагубную для души: гнѣвъ, злость, зависть, ненависть, пьянство, которое есть корень всякому злу и смѣхотворство. Будьте, дѣти, въ домѣ Божіемъ, какъ маслина плодовая и приносите плоды духовные-святость. *Упражняйтса въ чтеніи священныхъ книгъ и въ ученіи день и ночь.* Нужно, чтобы дѣла ваши соответствовали имени вашего священства: вѣра безъ дѣлъ мертва есть. Облекитса какъ избранные Божіи въ оружіе свѣта...

Бога ради старайтесь всѣми силами проводить жизнь въ страхѣ Божиємъ, чтобы упасти себя и стадо свое“. Въ заключеніи святитель проситъ молитвъ о себѣ: „прошу васъ помолитесь о моемъ недостойнствѣ, по словамъ писанія: молитесь другъ за друга, яко да испѣлѣвите“.

Подобное краснорѣчіе могло вылиться только изъ души, прочувствовавшей высказанная истины въ самой себѣ, только въ глубокомъ сознаниіи своего нравственнаго назначенія и въ полномъ отреченіи всякихъ мірскихъ выгодъ и интересовъ. Естественно, что при такомъ руководствѣ, при такомъ направленіи, наше духовенство не могло идти путемъ духовенства западнаго и если не отрѣшалось отъ земныхъ благъ, то тѣмъ не менѣе не только не стремилось къ приобрѣтенію политической власти, но даже постоянно служило прочнымъ орудіемъ верховной, свѣтской власти, самымъ твердымъ ея оплотомъ.

Доказательствомъ того, каковымъ глубокимъ уваженіемъ пользовался митрополитъ Петръ отъ современниковъ не только православныхъ, но даже отъ язычниковъ, служитъ данная Узбекомъ русскому духовенству, льготная грамота, въ которой находится значительное прибавленіе протгвѣ грамоты хана Менгу-Тимура (1270) относительно правъ духовенства на церковный судъ. «Да никто, говорится въ ярлыкѣ, не обидитъ въ Руси церковь соборную, Петра митрополита и людей его, архимандритовъ, игуменовъ, поповъ и проч. Ихъ грады, волости, села, земли, ловли, борти, луга, лѣса, винограды, сады, мельницы, хуторы, свободны отъ всякой дани и пошлины: пбо все то есть божіе, пбо сія люди молитвою своею блюдутъ насъ и наше воинство укрѣпляютъ. Да будутъ они подсудны единому митрополиту, согласно съ древнимъ закономъ ихъ и грамотами прежнихъ царей ордынскихъ. Да пребываетъ митрополитъ въ тихомъ и кроткомъ житіи; да правымъ сердцемъ и безъ печали молитъ Бога за насъ и дѣтей нашихъ. Кто возметъ что нибудь у духовныхъ, заплатитъ втрое, кто дерзнетъ порицать вѣру русскую, кто обидитъ церковь, монастырь, часовню—да умретъ и проч. Конечно, эта грамота не устано-

вила новыхъ гражданскихъ отношеній ¹⁾ церкви, но она утвердила на всегда ея высокое положеніе.

Близкія, хорошія отношенія связывали Іоанна Даниловича съ великимъ святителемъ. Часто видѣлись и бесѣдовали между собою великій князь и митрополитъ еще въ то время, когда послѣдній находился во Владимірѣ, и безъ всякаго сомнѣнія бесѣда не разъ касалась общественныхъ современныхъ интересовъ. Невозможно одними дружескими отношеніями или пріятнымъ мѣстоположеніемъ московскихъ окрестностей объяснить такое многоязельное событіе, каково было перенесеніе митрополіи въ Москву и совершенное такимъ проникательнымъ человѣкомъ, каковъ былъ митрополитъ Петръ. Безъ всякаго сомнѣнія, святитель находилъ Москву обладающею всѣми условіями для дальнѣйшаго развитія, способнаго стать въ послѣдствіи средоточіемъ русской жизни. Самое перенесеніе составляло немаловажный шагъ въ исторіи ея развитія. Дѣлаясь главою церкви, Москва становилась государственною столицею всѣхъ русскихъ княжествъ. Такъ смотрѣлъ на это и самъ святитель, какъ это можно видѣть изъ пророчества его, переданнаго митрополитомъ Кипріяномъ въ описаніи жизни св. Петра: „если ты, говорилъ св. митрополитъ Петръ великому князю, успокоишь мою старость и воздвигнешь здѣсь храмъ, достойный Богоматери, то будешь славнѣе всѣхъ иныхъ князей и *родъ твой возвеличится*; кости мои останутся въ семь градѣ; святители захотятъ обитать въ немъ, *руки его въздуютъ на плечи враговъ нашихъ* ²⁾. Особенно замѣчательно въ приведенномъ выраженіи указаніе на общность интересовъ церкви и государства, на общихъ ихъ враговъ. Исполняя желаніе митрополита, Іоаннъ Даниловичъ заложилъ 4-го августа 1326 года каменную церковь Успенія Богородицы, въ стѣнѣ которой святитель устроилъ себѣ вѣчное жилище. Но великій іерархъ не дождался окончанія храма, скончавшись 20 декабря 1326 г., съ благословеніемъ своему московскому другу и съ мольбою при послѣднемъ вздохѣ за Русь. Храмъ освященъ уже въ 1327 г. ростовскимъ епископомъ Прохоромъ.

¹⁾ П. С. Г. Г. и Д. т. II. № 7.

²⁾ Степен: Книг. I 419. Никон. Лѣт: III. 135.

Говоря о построении церквей вкратце замѣтитъ, что самую древнюю церковь въ Москвѣ, кажется, должно считать соборъ Спаса Преображенія на бору, находящійся на нынѣшнемъ царскомъ дворѣ, также какъ и въ древности. По преданію, въ половинѣ XII вѣка на мѣстѣ этого собора существовала въ дремучемъ лѣсу хижина отшельника Вукола, а впоследствии построена деревянная церковь съ мужскимъ монастыремъ, куда сначала и привезено было тѣло Михаила Ярославича. Въ 1330 году Іоанномъ Даниловичемъ вмѣсто деревянной церкви построена каменная, затѣмъ уже въ 1333 году построенъ имъ же Архангельскій соборъ.

Положеніе, данное московской церкви св. Петромъ, не измѣнилось и при преемникѣ его грекѣ митрополитѣ Θεогностѣ, прибывшемъ изъ Царьграда въ Москву въ 1328 году и поселившемся на митрополичьемъ дворѣ. Да и немогло измѣниться это направленіе: въ это время началась дѣятельность нашихъ великихъ духовныхъ іерарховъ, св. митрополита Алексѣя, знаменитаго крестника Калиты и св. Сергія Радонежскаго.

Заручившись благоволеніемъ хана и надежной поддержкой церкви, московскій князь могъ дѣйствительно назваться великимъ княземъ всея Руси. Но при всемъ томъ положеніе политическихъ дѣлъ требовало крайней осторожности. Повидимому, судьба Твери вполне стала зависѣть отъ воли великаго князя московскаго, казалось, настала возможность присоединить ее къ московскимъ владѣніямъ, но въ дѣйствительности подобная попытка была бы чрезвычайно рискованной. Практическій умъ Іоанна Даниловича не могъ не предвидѣть тѣхъ опасностей, которыя неминуемо возникли бы при первомъ шагѣ къ присоединенію. Ослабленная катастрофой, Тверь все еще была сильна и духомъ жителей и слишкомъ еще свѣжимъ преданіемъ и потому всякая попытка на уничтоженіе ея самостоятельности не могла не вызывать серьезнаго противоудѣйствія какъ со стороны ея населенія, такъ и со стороны другихъ князей.

При оставленіи же самостоятельности княжества, естественно возникъ вопросъ о назначеніи князя тверскаго. По положенію обстоятельствъ, разрѣшеніе этого вопроса весьма много завѣсло отъ московскаго князя, который былъ, *de facto*, сильнѣе всѣхъ и который при томъ по связямъ своимъ имѣлъ сильную поддержку въ ордѣ, гдѣ недавняя ревность, оказанная имъ при усмиреніи Твери, давала ему нѣкоторое право на уваженіе къ его голосу. Дальновидный умъ московскаго князя рѣшилъ вопросъ въ пользу князей тверскаго дома. Нельзя не отдать справедливости глубокой обдуманности и основательности этого рѣшенія. Тверской домъ сдѣлался для Москвы не страшенъ, да и не могъ быть опаснымъ по своимъ наследственнымъ качествамъ. Борьба между Тверью и Москвою рѣшилась навсегда въ пользу послѣдней и новаго домогательства безъ посторонней, вѣншей поддержки ожидать было трудно. Съ другой стороны, становясь обязаннымъ Москвѣ, дѣти честнаго Михаила Ярославича должны были видѣть въ Москвѣ свою покровительницу, подводить свои интересы къ ея интересамъ и такимъ образомъ укоренявшаяся была вражда между этими княжескими столами должна была постепенно сглаживаться и уступать мѣсто новой дорогѣ будущаго слиянія. Что подобные выводы вѣрны и не могутъ быть только измышленіями изъ предвзятой идеи современнаго историка — это доказывается всѣми послѣдующими дѣйствіями московской политики.

Изъ четырехъ сыновей Михаила Ярославича, старшій — Дмитрій Грозный Очи, казненъ въ ордѣ, второй, Александръ лишился княженія вслѣдствіе избіенія татаръ въ Успеневъ день, — затѣмъ оставались Константинъ и Василій. Въ лѣтописяхъ сохранилось извѣстіе, что тотчасъ же по вступленіи на великокняжескій столъ, князь Іоаннъ Даниловичъ, въ сопровожденіи новгородскихъ представителей, Федора Колесницы и Константина Михайловича отправился въ орду, гдѣ и было испрошено Константину Михайловичу княжество тверское ¹⁾. По утверженіи Константина, Узбекъ потребовалъ отъ великаго князя выдачи ему виновнаго Александра Михайловича. Великій

¹⁾ Никол. Лѣт. Ш. 141.

князь повиновался, но опять таки повиновался посвоему, сообразно со своими видами. Великому князю не было расчета въ конецъ губить Александра Михайловича, — тотъ не былъ ему опасенъ, напротивъ, даже при случаѣ могъ служить хорошимъ противовѣсомъ существующей княжеской власти въ Твери. Поэтому, воротившись въ отечество, великій князь ограничился только отправкой къ Александру Михайловичу въ Псковъ, куда тотъ убѣжалъ во время опустошенія тверскихъ владѣній, отъ себя и отъ Новгорода архіепископа Моисея и тысяцкаго Авраама (а по другимъ извѣстіямъ московскаго боярина Луку Прогасева), съ приглашеніемъ немедленно явиться къ хану. Но Александръ Михайловичъ, поддерживаемый псковитянами, отказался исполнить требованіе. Тогда Іоаннъ Даниловичъ, въ сопровожденіи митрополита Феогноста, князя Суздальскаго, Александра Васильевича; братьевъ Александра, Константина тверскаго и Василя и другихъ князей, двинулся, изъ Новгорода къ Пскову съ войскомъ, но шелъ медленно, видимо избѣгая напраснаго кровопролитія и давая достаточно времени одуматься. Когда же эта внушительная угроза не подѣйствовала, то вмѣсто битвы и осады великій князь прибѣгнулъ къ совершенно новому способу, заставилъ митрополита Феогноста положить проклятiе на ослушниковъ на князя Александра и всѣхъ псковитянъ. Мѣра оказалась дѣйствительной: Александръ убѣжалъ въ Литву къ Гедимину, митрополитъ снялъ проклятiе, а великій князь воротился, считая данное порученіе оконченнымъ ¹⁾.

Черезъ 18 мѣсяцевъ Александръ Михайловичъ, вѣроятно, по приглашенію псковитянъ, снова явился въ Псковъ уже въ достоинствѣ псковскаго князя. Въ то время псковитяны желали имѣть своего особаго князя. До сихъ поръ Псковъ, какъ пригородъ Новгорода, зависѣлъ отъ послѣдняго, получалъ отъ него посадниковъ и не имѣлъ особаго архипастыря. Между тѣмъ такая духовная и гражданская зависимость не могла не казаться тягостной для Пскова, достигнувшаго значительной степени развитія. Кромѣ того, положеніе его, какъ порубежнаго города,

¹⁾ П. С. Р. Л. IV. 4. Пов. 51. 1-я Псков. 185.

постоянно угрожаемого неожиданными нападеніями, требовало постоянного присутствія власти главнаго военачальника. Съ цѣлью добиться самостоятельности, псковитяне выбрали себѣ княземъ любимаго ими Александра Михайловича и, воспользовавшись вакантною архіепископскою кафедрою въ Новгородѣ, по случаю постриженія въ схиму Моисея, въ 1330 году, одновременно выбрали себѣ особаго епископа Арсенія, котораго и послали ставиться къ митрополиту ¹⁾). Послѣдній, однакожь, не уважил ихъ ходатайства, а посвятилъ архіепископомъ новгородскимъ, слѣдовательно и псковскимъ, избраннаго одними новгородцами, Василя, бывшаго священника Григорія Калѣку.

Не сохранилось свѣдѣнія, какъ отнесся великій князь къ своевольному избранію Псковомъ себѣ князя. Но такъ какъ со стороны Іоанна Даниловича не было заявлено никакой протестаціи, о чемъ, въ противномъ случаѣ, лѣтописцы не преминули бы сказать, то можно заключить, что онъ оставался къ псковскимъ событіямъ совершенно равнодушнымъ. Да оно и понятно. Отдѣленіе Пскова ослабляло Новгородъ, а ослабленіе послѣдняго совпадало совершенно съ видами московскаго князя. При ослабленіи Новгородъ имѣлъ болѣе нужды въ покровительствѣ и защитѣ князя, а слѣдовательно и тароватѣ былъ при выдачѣ ему субсидій, такъ необходимыхъ для поддержанія милостей хана.

Каждое княжеское путешествіе въ орду обходилось весьма дорого съ выходами или данью и подарками всѣмъ приближеннымъ хана, а князь Іоаннъ Даниловичъ бывалъ въ ордѣ весьма часто (въ 1328, 1331, 1333, 1336 и 1338 и проживалъ тамъ по нѣсколько мѣсяцевъ). Какъ разсчетливый хозяинъ, не желая раззорять *своихъ людей*, онъ, по необходимости, долженъ былъ особенно налегать на богатую область. Порой новгородцы отказывали князю, но каждый разъ все-таки платились—если не добровольно, то реквизиціей. Такъ въ 1332 году, по возвращеніи изъ орды, куда великій князь ѣздилъ вмѣстѣ съ Константиномъ Михайловичемъ Тверскимъ

¹⁾ Новг. л. 6839 г.

первый потребовалъ отъ Новгорода *закамскаго серебра*; а получивъ отказъ, въ сопровожденіи князей низовскихъ и рязанскихъ, занялъ Торжокъ, вызвалъ своихъ намѣстниковъ изъ Новгорода и сталъ опустошать новгородскія волости. Въ этомъ положеніи новгородцы пытались умилостивить князя, но напрасно послы его, архимандритъ Лаврентій, Твердиславъ и Варфоломеевъ молили о милости „свободы ся отступилъ по крестному цѣлованію и миръ взялъ“, напрасны были также старанія самого архіепископа Василя и даже предложенія 500 руб., великій князь оставался недовольнымъ и вѣроятно достигнулъ бы большаго результата, еслибы въ это время не принужденъ былъ снова ѣхать въ орду по зову ханскаго посла Саранчака (1333 г.) ¹⁾.

Прибывъ изъ орды въ слѣдующемъ 1334 году, великій князь неизвестно на какихъ условіяхъ помирился съ Новгородомъ чрезъ посредство митрополита Θεогноста и даже лично посѣтилъ вольный городъ. Мало того, въ 1335 году онъ съ особенной лаской угощалъ новгородскихъ пословъ у себя въ Москвѣ, обѣщалъ имъ изгнать навсегда изъ Руси князя Александра Михайловича и возвратитъ Новгороду его прежній пригородъ Псковъ. Но отъ обѣщанія до дѣла далеко. Не въ расчетахъ князя московскаго было заботиться объ усиленіи Новгорода и обѣщаніе оставалось безъ исполненія,—по крайней мѣрѣ въ лѣтописяхъ нѣтъ на это никакихъ указаній. Даже, напротивъ, вымогательная политика князя нисколько не измѣнилась. Такъ въ прямое нарушеніе клятвеннаго договора, онъ отправлялъ вооруженную рать на Двину, на волокъ, или для перехвата новгородской сибирской казны, или съ цѣлю изслѣдовать торговый путь для торговыхъ людей своего княжества. Однако экспедиція потерѣла полную неудачу и отъ незнакомыхъ утомительныхъ переходовъ и отъ противодѣйствія новгородскихъ ватагъ ²⁾.

Съ своей стороны и политика Новгорода также оставалась вѣрной себѣ, т. е. своимъ интересамъ. Во время борьбы Тве-

¹⁾ П. С. Р. Л. III. 77.

²⁾ Новг. л. 6845 г.

ри съ Москвою, Новгородъ постоянно дѣйтельно поддерживалъ послѣднюю, какъ для себя болѣе безопаснаго и болѣе отдаленнаго врага, но теперь, съ паденіемъ Твери, Москва стала ближе и едва ли не болѣе опасной. Болѣе опасной уже и потому, что Москва, не какъ Тверь, представляла плотное единое цѣлое, съ разумной единой волей, неувлекающейся идеальными рыцарскими побужденіями. Поэтому и необходимо было искать себѣ гдѣ нибудь поддержки, выставить Москвѣ соперника вѣскаго. А такъ какъ соперника въ средѣ русскихъ княжествъ не оказывалось, то, естественно, Новгородъ долженъ былъ обратиться къ Литвѣ, стремящейся къ одинаковой цѣли съ Москвою. Онъ такъ и поступилъ. Еще въ октябрѣ 1333 года, сынъ великаго князя литовскаго Гедимина, Наримантъ, по крещеніи Глѣбъ, предложилъ Новгороду свои услуги, въслѣдствіе чего Новгородъ отдалъ ему пограничныя области Ладугу, Орѣховъ, Кексгольмъ, Корелу и половину Капорья въ отчину и дѣдину ¹⁾). Иоаннъ Даниловичъ не протестовалъ противъ эгого, но замѣчательно, что въ этомъ же году совершился бракъ сына Иоанна Даниловича Симеона съ дочерью Гедимина Августой, по крещеніи Настасьей. Равнодушіе великаго князя московскаго къ своевольному поступку Новгорода, кажется, легко объясняется сознаніемъ своей безопасности съ этой стороны. Литва въ это время была языческой, слѣдовательно не могла пользоваться народной симпатіей Русс, да притомъ же поддержка хана давала ему рѣшительную силу.

Также спокойно смотрѣлъ великій князь и на попытку Новгорода сблизиться съ Псковомъ. Хотя эта попытка и казалась сначала удачной, такъ какъ новгородцы помирились съ княземъ Александромъ Михайловичемъ и даже архіепископъ Василій съ епископомъ былъ въ Псковѣ и крестилъ сына у князя, но едва ли не въ слѣдующемъ же году того же архіепископа въ Псковѣ встрѣтили уже холодно, не дали обыкновенной судной пошлины — десятой части всѣхъ судебныхъ, казенныхъ доходовъ и даже не обратили особеннаго вниманія

¹⁾ Никоп. III 160.

на объявленное на нихъ пастыремъ проклятіе. Интересы стараго города и пригорода, стремленіемъ къ господству перваго и желаніемъ высвободиться втораго, были до такой степени противоположны, что не допускали никакого значенія и прочности подобнымъ попыткамъ.

И дѣйствительно, московскій князь имѣлъ полное основаніе не обращать вниманія на подобныя интриги; онъ чувствовалъ себя великимъ княземъ по силѣ и могъ предвидѣть въ будущемъ еще большее развитіе неограниченной власти. Политика, вычтая гениемъ Невскаго, развитая даровитымъ отцомъ его Даниломъ и братомъ Юріемъ, привела къ прочнымъ послѣдствіямъ. Подтвержденіе этой мысли можно видѣть въ самовластныхъ распоряженіяхъ самого Іоанна Даниловича при всей его крайней осторожности.

Строго говоря, Іоаннъ Даниловичъ, по понятіямъ существовавшаго родоваго старѣйшинства, не имѣлъ права на великое княженіе, такъ какъ болѣе его имѣлъ правъ Александръ Васильевичъ суздальскій—старшій сынъ внука Ярославъ. Есть даже извѣстіе въ лѣтописяхъ, будто ханъ Узбекъ раздѣлялъ великое княженіе между Іоанномъ московскимъ и Александромъ суздальскимъ ¹⁾, назначивъ первому Новгородъ и Кострому, а второму Владиміръ и поволжье. Въ какой степени справедливо это извѣстіе, положительно сказать невозможно, хотя извѣстно, что Іоаннъ Даниловичъ считался единственнымъ великимъ княземъ, что Александръ суздальскій не только уступалъ ему первенство, но даже поддерживалъ его, постоянно присоединяя къ войскамъ великаго князя свои собственныя и, хотя извѣстно въ тоже время, что Александръ Васильевичъ безспорно обладалъ стольнымъ городомъ Владиміромъ и даже на одно время перевозилъ владимірскій вѣчевой колоколъ съ Богородицы къ себѣ въ Суздаль.

По смерти же Александра Васильевича (1333 г.), умершаго бездѣтнымъ, московскій князь сталъ распоряжаться совершенно самопроизвольно, не далъ меньшему брату умершаго Константину Васильевичу, женатому на дочери (своему

¹⁾ Карамз. примѣч. 302. къ IV т.

зятю), какъ бы слѣдовало по родовымъ понятіямъ, Владиміра, а посадилъ въ Ростовъ воеводами своего московскаго боярина Василя Кочеву и нѣкоего Миняя, которые распоряжались тамъ, какъ въ исконной отчинѣ ¹⁾). Лѣтописецъ описываетъ отношенія Ростова къ Москвѣ весьма характеристично: «Увы, увы, тогда граду Ростову, паче же и княземъ ихъ, яко отъясилъ отъ нихъ власть и имѣніе и честь и слава; и потягнуша къ Москвѣ». Далѣе объ образѣ дѣйствій московскихъ уполномоченныхъ (Кочеву и Миняя) лѣтописецъ говоритъ: «едва видоша во градъ Ростовъ, тогда возложиша велику нужу на градъ и на вся живущая въ немъ, и не мало отъ ростовецъ москвичемъ имѣнія своя съ нужею отдаваху, а сами противу того раны на тѣлеса своемъ съ укоризною взимающе... Толко дерзновенія надъ Ростовомъ содѣяша, яко и Епарха градскаго, старѣйшаго боярина, именовемъ Аверкія, стремглавъ обѣсаша и возложиша на ня руцѣ свои, и оставиша поругана точию жива». Нельзя не видѣть въ этомъ краснорѣчивомъ описаніи лѣтописца увлеченія, подѣ влияніемъ оскорбленной гордости. Трудно представить, чтобъ осторожный Іоаннъ Даниловичъ могъ послать уполномоченными людей, способныхъ такъ безпощадно грабить; да и воспоминаніе недавней самостоятельности было еще слишкомъ живо, чтобъ не опасаться открытаго возстанія. Но тѣмъ не менѣе фактъ самопроизвольнаго распоряженія московскаго князя остается неоспоримымъ.

Отношенія Москвы къ Рязани оставались прежнія: еще при предшественникѣ Іоанна Даниловича, Юрьѣ Даниловичѣ, послѣдняя значительно ограничилась въ своей самостоятельности. Ярославское княжество точно также выдерживало рѣшительное и тягостное влияніе Москвы, что можно видѣть изъ того, что князь Василій Ярославичъ, не смотря на то, что былъ женатъ на дочери Калиты не приминулъ стать на сторону его враговъ, какъ только представилась къ тому возможность. Изъ остальныхъ княжествъ—опасныхъ не выдавалось; они были малосильны и за потерей независимости ста-

¹⁾ Никои. Л. IV. 204. Повѣсть о св. Сергін.

рѣйшими городами, могли пользоваться своей самостоятельностью, какъ милость.

Съ этихъ поръ княжескія отношенія сѣверо-восточной Руси почти уже не представляли собою прежняго федеративнаго устройства.

Г Л А В А V.

Иоанпъ Даниловичъ. — Его смерть. — Состояніе московскаго княжества.

Москва стала въ главѣ русской семьи, но не прежней главой до монгольскаго ига, какой былъ Кіевъ, главой безурядной и порывистой, но сдержанной, ровной, умѣвшей выжидать и пользоваться обстоятельствами. Князь Іоаннъ Даниловичъ умѣлъ ревниво охранять интересы Москвы, какъ интересы свои собственныя и понимая, что ея интересы есть единственно вѣрное орудіе свободы и будущаго развитія. Скоро представился случай тяжкаго испытанія и онъ съумѣлъ восторжествовать безъ риска, не подводя свой народъ къ тяжкимъ жертвамъ.

Бѣжавшій изъ Твери отъ татарскаго погрома князь Александръ Михайловичъ, при поддержкѣ Гедимина, успѣлъ утвердиться въ Псковѣ въ достоинствѣ князя. Народъ псковскій полюбилъ его, какъ вообще любили въ Твери и его и весь симпатичный родъ Михаила Ярославича, отличившійся добродушіемъ и привѣтливостью. Но самъ князь Александръ не считалъ своего положенія прочнымъ; онъ понималъ, что Новгородъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ отдѣленію своего пригорода и что рано или поздно, при всякомъ удобномъ случаѣ, онъ снова подчинитъ Псковъ и что тогда ему придется быть свитальцемъ по русской землѣ. Это убѣжденіе, а можетъ быть и воспоминаніе о дорогомъ отечествѣ, гдѣ княжилъ его братъ Константинъ Михайловичъ, заставило его снова искать себѣ доли въ родномъ краю. На содѣйствіе великаго князя московскаго конечно онъ не могъ рассчитывать,

кровавья тѣни слишкомъ близкихъ, родныхъ лицъ стояли между нимъ и москвичемъ,—завоевать открытой силой прежнее достояніе не было возможности, а потому и оставалось только одно средство: дѣйствовать черезъ хана. Онъ такъ и сдѣлалъ. Но предварительно окончательнаго шага онъ рѣшился послать въ орду на развѣдки своего сына Федора. Въ 1336 году Федоръ воротился изъ орды съ позывомъ къ отцу отъ хана. Вѣроятно вѣсти, привезенныя сыномъ, не были безпосредственными, по крайней мѣрѣ они заставили рѣшиться ѣхать лично къ хану съ повинной. Лѣтописецъ передаетъ намъ рѣчь Александра къ Узбеку: «господине великій царю! аще много зла сотворихъ ти, но приидохъ къ тебѣ или смерть, или животь отъ тебе пріятн, како тебѣ Богъ навіститъ: на все есмь готовъ. Аще по своему царскому величеству даси ми животь, благодарю Бога и твою милость. Аще ли смерти предаси мя, достоинъ есмь смерти и се глава моя предъ тобою есть». Униженная ли рѣчь Александра, или привезенныя имъ подарки подѣйствовали благоприятно на хана, извѣстно только, что князь Александръ Михайловичъ воротился на Русь съ послами ханскими Капдыкомъ и Авдуломъ въ достоинствѣ князя тверскаго ¹⁾).

Назначеніе Александра Михайловича княземъ тверскимъ ставило великаго князя московскаго въ весьма затруднительное положеніе. Оно снова поднимало старый вопросъ о старшинствѣ, вопросъ о старомъ и новомъ порядкѣ, о федераціи и единоначаліи. Не могъ забыть этихъ вопросовъ Александръ Михайловичъ, въ глазахъ котораго пали невинными, по его убѣжденіямъ, жертвами его любимый отецъ и братъ; онъ выросъ и созрѣлъ въ понятіяхъ права родства. Сдѣлавшись снова княземъ и именно въ той области, гдѣ онъ прежде былъ *великимъ княземъ*, онъ долженъ былъ продолжать старые счеты не безъ нѣкоторыхъ шансовъ на успѣхъ. Тверское княжество во время его отсутствія, благодаря заботливости Константина Михайловича, успѣло отдохнуть, окрѣпнуть и собраться людьми ²⁾); число князей недовольныхъ московскимъ поряд-

¹⁾ Троицк. Лѣт. 6846 г.

²⁾ Никоп. Л. IV. 167.

комъ и готовыхъ поддержать тверскаго князя, какъ представителя любимой ими старины, было вѣроятно немалое. Въ числѣ недовольныхъ, даже открыто взявшихъ сторону Твери, находился, напримѣръ, зять Калиты Василій Давыдовичъ Ярославскій. И безъ всякаго сомнѣнія это число еще болѣе увеличилось бы, если бы перевѣсъ сколько нибудь склонился на сторону Твери. Но разумно воспользоваться всѣми этими благоприятными обстоятельствами не въ состояніи была хотя и симпатичная, но опрометчивая природа дѣтей Михаила Ярославича. Мало того, что князь Александръ не воспользовался ими, онъ даже самъ передалъ врагу своему одно изъ могущественныхъ орудій противъ себя. Въмѣсто того, чтобы, по возвращеніи въ Тверь, сплотить около себя, закрѣпить за собою интересы влиятельнаго класса народа, онъ, наоборотъ, успѣлъ возбудить его противъ себя. Привезя съ собою въ Тверь изъ Пскова прежнихъ любимыхъ сотрудниковъ своихъ и оказывая имъ явное предпочтеніе, онъ возстановилъ мѣстныхъ тверскихъ бояръ и заставилъ ихъ перевѣзжать въ Москву. На одного изъ такихъ псковскихъ любимцевъ наши источники указываютъ на нѣкоего нѣмца Доля, уроженца Вдова (Виндау), по крещеніи Васплія, сдѣлавшагося въ Твери при Александрѣ знатнымъ бояриномъ ¹⁾).

Переѣхавшіе въ Москву недовольные бояре, конечно, не замедлили передать московскому князю все, что знали о замыслахъ Александра, а знать они могли все, такъ какъ у князя Александра, какъ у покойныхъ его отца и брата, душа была нараспашку. Да и кромѣ ихъ Іоаннь Данпловичъ могъ получить полныя свѣдѣнія черезъ своихъ расторопныхъ слугъ въ Лптовѣ, по непосредственнымъ родственнымъ сношеніямъ съ домомъ Гедимина. Заручившись такимъ образомъ достаточнымъ обвиненіемъ противъ соперника, онъ воспользовался имъ сообразно съ своей расчетливостью, не объявляя рискованной для себя войны, а передалъ это обвиненіе хану. Обвиненія заключались въ подтвержденіи прежнихъ замысловъ тверичей, съ помощью Лпвы понизивъ Москву, стать самымъ во главѣ

¹⁾ Родосл. кн. род. Левашовыхъ.

русскихъ княжествъ и свергнуть его монгольское. Цѣль достойная благороднаго русскаго сердца, но не сбыточная по способу исполненія. Силы федеративныхъ княжествъ не только не были достаточно окрѣпшими для уничтоженія ига, но они сами гибли въ непрерывныхъ столкновеніяхъ эгоистичныхъ притязаній. Въ примѣрахъ недостатка вѣтъ, они слишкомъ обильны и сами бросаются въ глаза: въ описываемую эпоху (1339 г.) козельскій князь Андрей, убитъ былъ своимъ братаничемъ Васпиемъ Пантелеевичемъ, въ томъ же году рязанскій князь Іоаннъ Коротополь, встрѣтивъ на дорогѣ родственника своего князя Александра пронскаго, ѣхавшаго въ орду съ данью, схватилъ его, ограбилъ и убилъ, той же зимой коромольницы брянцы „шедшеса вѣчемъ убиша князя Глѣба Святославича“. При такихъ порядкахъ только одни легковѣрные умы, къ которымъ нельзя не причислить князей тверскихъ, могли мечтать о дружномъ противодѣйствіи ордѣ.

Въ 1339 году, Іоаннъ Даниловичъ, вмѣстѣ съ своими двумя старшими сыновьями Симеономъ и Іоанномъ отправился въ орду къ хану Узбеку, около котораго онъ имѣлъ много доброхотовъ, подкупаемыхъ подарками и потому всегда готовыхъ проводить его мысли. Вѣроятно черезъ этихъ то доброхотовъ московскій князь передалъ Узбеку свѣдѣніе о замыслахъ князя Александра. Въ новгородской лѣтописи прямо указывается на участіе великаго князя Іоанна *«его же думою»* прислаше татарове за Александромъ; въ Никоновской же лѣтописи говорится неопредѣленно: *«царю Узбеку много клеветаша нѣщии на князя Александра и уши цареви наполниша многіе горести 1)»*. Впрочемъ вопросъ о томъ, кто былъ непосредственнымъ обвинителемъ, дѣлается совершенно безразличнымъ, при званіи истиннаго, хотя и скрытаго источника. Гораздо болѣе важенъ вопросъ о степени справедливости обвиненія Александра, о томъ, долженъ ли князь московскій назваться клеветникомъ, достигающимъ предположенной цѣли всѣми законными и незаконными средствами. Соображая внимательно существовавшія отношенія и характеры лицъ, нельзя не признать спра-

1) П. Р. С. Л. III. 79. Никон. III. 164.

ведливости обвиненія тверскаго князя. Близость сношеній князя Александра съ Литвой и со всѣми врагами московскаго дома не подлежитъ никакому сомнѣнiю, а бывшая катастрофа Успеньева дня достаточно доказываетъ цѣль и характеръ этихъ сношеній. Въ глазахъ же Иоанна Даниловича князь Александръ казался человѣкомъ спокойнымъ, возмутителемъ общественнаго порядка и безцѣльно губившимъ дѣло спасенія своего отечества. Если у людей, ближе стоявшихъ къ тому времени, болѣе подвергавшихся влиянiю симпатичныхъ натуръ тверскихъ князей, не встрѣчается прямаго обвиненія въ черной клеветѣ, то тѣмъ болѣе не должно существовать такого обвиненія у потомства, совершенно безпристрастно относящагося къ значенiю событiй. Да и трудно видѣть чернаго клеветника въ близкомъ человѣкѣ и сподвижникѣ такого высоко-нравственнаго лица, какимъ былъ митрополитъ Петръ.

Вслѣдствiе полученныхъ свѣдѣнiй, ханъ Узбекъ отправилъ гонца Истречея, съ мпlostивымъ приглашенiемъ явиться въ орду, къ князю Александру, къ князю Василю Ярославичу и къ друг. Князь Александръ, подозрѣвая истину, что нѣкоторымъ образомъ тоже указываетъ на справедливость обвиненiя, не рѣшился ѣхать самъ, а предварительно, для узнанiя положенiя дѣлъ, предпочелъ послать въ орду сына Федора и затѣмъ, только впослѣдствiи, по полученiи втораго приглашенiя, рѣшился отправиться лично. Князя тверскаго сопровождали князь Романъ бѣлозерскiй и князь Василiй Давыдовичъ ярославскiй ¹⁾).

Неласковый приѣмъ ожидалъ Александра Михайловича въ орду. Хотя его и поддерживали сама царица и нѣкоторые изъ ордынскихъ вельможъ, но или обвиненiе было слишкомъ явно, или подкупное усердiе московскихъ доброхотовъ слишкомъ велико, только по истеченiи мѣсяца ожиданiя состоялось повелѣнiе хана казнить тверскаго князя, какъ измѣнника. Карамзинъ приписываетъ казнь Александра прямому и непосредственному внушенiю князя московскаго. Такъ онъ говоритъ, что прибытiе сыновей Иоанновыхъ рѣшило дѣло Александра ²⁾. Это

¹⁾ *ibid.*

²⁾ П. Г. Р. Карамз. т. IV стр. 237 изд. Смирд.

извѣстіе невѣрно. Іоаннъ съ сыновьями былъ въ ордѣ до прибытія туда Александра, а совершить другое путешествіе въ орду въ такое короткое время, по тогдашнему состоянію сообщеній, при сопровожденіи свиты и вершниковъ,—было положительно невозможно. 28 октября совершилась казнь князя Александра и сына его Федора съ тѣмъ же отвратительнымъ безчеловѣчіемъ, какимъ постоянно характеризуются казни того вѣка «и разонмаша быша но съ ставомъ»¹⁾. Со смертью этого князя кончилась политическая передовая роль тверскаго княжества. Гибельный примѣръ Михаила Ярославича, сыновей его Дмитрія и Александра съ молодымъ сыномъ послѣдняго Федоромъ Александровичемъ, тяжело доказалъ силу московской политики и полную невозможность дальнѣйшей борьбы. Распоряженіемъ московскаго князя въ Москву перевезенъ былъ и соборный колоколъ Твери, въ чемъ нельзя не видѣть особеннаго значенія.

Изъ остальныхъ событій времени Іоанна Даниловича, остается упомянуть только объ отношеніяхъ Москвы къ Новгороду и о вооруженной демонстраціи къ Смоленску. Изъ предшествующаго изложенія видно было, что Новгородъ искалъ въ Литвѣ себѣ поддержки противъ корыстолюбивыхъ и властолюбивыхъ домогательствъ Москвы. Но расчеты оказались невѣрными. Несмотря на доброе согласіе съ княземъ литовскимъ, шайки литовскихъ бродягъ, въ 1335 году, грабили новгородскія области и опустошали предѣлы Торжка, въ отмѣстку за что московскіе поля разорили нѣсколько городовъ: Рясну, Осѣчекъ и др. Приглашенный князь Наримантъ, не только не оберегалъ свои порубежныя новгородскія области, но даже въ 1337 году, при нападеніи шведовъ, уѣхалъ въ Литву и вызвалъ изъ Орѣхова своего сына Александра. Такимъ образомъ Новгородъ, безъ всякой внѣшней поддержки, принужденъ былъ выносить давленіе Москвы. Впрочемъ это давленіе въ эту эпоху проявлялось единственно въ усиленномъ требованіи дани. Такъ по окончаніи войны Новгорода съ шведами, Іоаннъ Даниловичъ, недовольствуясь только что

¹⁾ Никои. II. 166.

полученной данью, потребовалъ другаго, еще большаго выхода, подъ прелогомъ будто бы требованія хана. Новгородъ, ссылаясь на свои договорныя грамоты, по которымъ онъ былъ свободенъ отъ чрезвычайныхъ налоговъ, отказалъ, за что Иоаннъ объявилъ вольному городу свое неудовольствіе и вызвалъ оттуда своихъ намѣстниковъ. ¹⁾ Но дальнѣйшихъ послѣдствій для Новгорода не произошло за отвлеченіемъ вниманія князя на другой предметъ, а потомъ за вослѣдовавшею смертью князя.

Другое событіе послѣдняго года княженія Иоанна Даниловича составляетъ смоленскій походъ. Въ 1340 году по приказанію хана Узбека двинулись къ Смоленску монгольскіе полки подъ начальствомъ Товлубея, а изъ русскихъ, рязанскіе съ княземъ Иоанномъ Коротополомъ и московскіе или великокняжескіе, въ рядахъ которыхъ находились князья: Суздальскій, Ростовскій, Юрьевскій, Друцкій, Фоминскій и друг. ²⁾ Наши лѣтописи не высказываютъ причины похода, но вѣроятно смоленскій князь, желая высвободиться изъ подъ орды, заключилъ союзъ съ Литвой, къ которой тянули и другія западныя русскія области и ясно выказалъ независимость отъ хана. Походъ не имѣлъ послѣдствій. Подойдя къ городу, союзныя силы не приступали къ осадѣ его и, простоявъ нѣсколько дней, воротились. Вѣроятно ордынскій воевода былъ удовлетворенъ или данью, или подарками, а русскіе князья лично отъ себя не имѣли повода продолжать войну. Въ описаніи этого похода замѣчательно выраженіе лѣтописца о томъ, что великій князь, пославъ свою рать отпустилъ... (имена князей) а съ ними воеводу Александра Ивановича и Феодора Агпѣевича. Въ этомъ извѣстіи ясно пробиваются новыя воззрѣнія Москвы. Прежде князь былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первый друженникъ и если не шолъ самъ начальствовать, то его мѣсто заступалъ князь старшій въ родѣ, тогда какъ теперь московскою ратью начальствуютъ мѣстные воеводы.

¹⁾ П. С. Р. I. Ш. 79.

²⁾ Никон. III. 171.

Смоленскій походъ былъ послѣднимъ распоряженіемъ великаго князя Іоанна Даниловича (Калиты) московскаго, умершаго 31-го марта 1341 г. отъ тяжелой болѣзни. Передъ кончиною онъ подъ вліяніемъ глубокаго религіознаго чувства и по обыкновенію, весьма распространенному въ то время въ княжескихъ семьяхъ, отрекся отъ міра и принялъ схиму.

Послѣ Калиты осталось 2 духовныхъ завѣщанія, изъ которыхъ 1-е составлено имъ еще въ 1328 году передъ поѣздкой въ орду. Изъ этихъ завѣщаній можно видѣть составъ тогдашняго московскаго княжества. Къ сожалѣнію въ нихъ не могли войти всѣ тѣ прибавленія, которыя сдѣланы были имъ самимъ послѣ составленія завѣщаній, и эти прибавленія должны были быть довольно значительными, судя по хозяйственной дѣятельности князя. Извѣстно, напримѣръ, изъ завѣщанія Донскаго, что дѣдомъ его (Калитою) куплены были города: Угличъ, Бѣлозерскъ, Галичъ, Сурожикъ, Мушкенину гору, Радонежское, Бѣли, Воря, Черноголовль, на Вори свободна Сафроновская, Вохла, Дѣйково Раменье, Данишова свободна, Матевъ, Селка, Гуслица, Раменье, а села: Михайловское, село Луцнское, село Уозера, село Радонежское, село Дѣйгушинское, село Тыловское, Ротожъ, село Протасьевское, Аристовское, село Лопастеньское, село Михайловское на Яузѣ. Но объ нихъ въ завѣщаніяхъ не упомянуто ни одного слова. ¹⁾ Въ 1-мъ завѣщаніи великій князь назначаетъ: ²⁾ «приказываю сыномъ своимъ *отчину свою Москву*; а се есть имъ раздѣль учинилъ. Се далъ есть сыну своему большему Семену: Можескъ, Коломну со всеми коломенскими волостями... Городску, Мѣзыню, Пѣсочку, Похряне, Устьмерську, Брошеву, Гвоздну, Иваны деревни, Моковецъ, Левчикъ, Секулневъ, Кацевъ, Гжелю, Горѣтову, Горки, село Астафьевское, село на

¹⁾ Разпорѣчіе извѣстія о покупкѣ Іоанномъ Даниловичемъ городовъ Углича, Бѣлозерска и Галича съ извѣстіемъ о княженіи въ нихъ своихъ князей даже послѣ Калиты весьма основательно объясняется нашимъ уважаемымъ ученымъ С. М. Соловьевымъ тѣмъ, что вѣроятно покупка была произведена подъ условіемъ оставленія пожизненнаго владѣнія въ тѣхъ городахъ продавцовъ (прим. 417 къ III т. Ист. Рос.).

²⁾ С. Г. Гр. Дог. т. I. ст. 31—35.

Сѣверьскѣ въ Похрянскомъ уѣздѣ, село Константиновское, село Орипинское, село Островское, село Копотеньское, сельце Микуньское, село Малаховское, село Напрудское у города. Ивану: Звенигородъ, Кремичку, Рузу, Ѡмниское, Суходоль, Великую свободу... Замотьскую свободу, Уголь, Ростовци, Окатьева свобода, Скирминовьское, Тростна, Нѣгуча; а села: село Рюховское, село Каменичьское, село Рузьское, село Бѣлжпньское, село Максимовское, село Андреевское, село Вяземское, село Домонтовское, село въ Замошской свободѣ, село Семьчпньское... Андрею, Лопастку, Сѣверьску, Нарунпжьское, Серпоховъ, Нивну, Темку, Голячяни, Щитовъ, Перемышль»... Растовець, Тухачевъ, а села: село Талежьское, село Серпоховское, село Колбочинское, село Нарьское, село Перемышльское, село Битяговское, село Труфоновское, село Ямковское, село Коломнпньское, село Когашинское. Княгиня (умершей въ 1332 г.) съ меньшими дѣтьми села бывшія въ ея владѣнія... также оброки городскихъ волостей, за исключеніемъ купеческихъ пошливъ, слѣдовавшихъ въ доходъ сыновьямъ. Затѣмъ въ завѣщаніи высказывался, что въ раздѣлъ идутъ купленные люди, численные же какъ платившіе общую государственную дань, подлежали общему вѣдѣнію. Въ завѣщаніи помѣщено распоряженіе о недвижимомъ имуществѣ, послѣ котораго говорится: «а приказываю тебѣ сыну своему Семену братю твою младшую и княгиню свою съ меньшими дѣтьми, по Божѣ ты имъ будешь печальникъ». Завѣщаніе писалъ дьякъ князя великаго Костромы, а свидѣтелямъ подписались отцы душевные Ефрѣмъ, Федосій и попъ Давыдъ. Второе завѣщаніе составляетъ повтореніе перваго слово въ слово ¹⁾ съ прибавленіемъ только распоряженій о купленныхъ селахъ: «а опрочъ московскихъ селъ даю сыну своему Семену села своя купленная: село Ава-

¹⁾ Въ заключительной статьѣ г. Чичерина „духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей“ высказывается, что во второмъ завѣщаніи Калиты не помѣщено уже распоряженій о печалованіи Семеномъ своей младшей брати и княгини, но это вѣрно. Распоряженіе о печалованіи существуетъ и во второмъ завѣщаніи, но оно только къ концу отчего и ускользнуло отъ вниманія почтеннаго ученаго (опыты по истор. Рус. Права стр. 241 и 287. 2 Лапѣра Рус. Геральд. стр. 124 и 232.

ковское въ Новѣгородѣ на Удалѣ, другое въ Володимери Борисовское. А что есмь купилъ село Петровское и Олекспнское, Вседобрнчъ и Павловское на Масѣ, половину есмь купилъ, а половину есмь смѣнилъ съ Митрополитомъ... а селца на Масѣ, что есмь купилъ у Афинѣя, то даю сыну своему Ивану». Купленные села Варварьское и Мѣловское, назначены Андрею, затѣмъ изъ купленныхъ сель Павловское («Бабы наше купля»), новое село и Олександръ святой (на Костромѣ) назначены княгинѣ. И наконецъ изъ купленныхъ же сель Богородичьское (въ Ростовѣ) отдано какому то Бориску Воркову до тѣхъ поръ пока онъ *«служить дѣтямъ своимъ, села на Кержечи, Леонтевское и Шароповское назначили въ поминанье. Второе завѣщаніе точно также какъ и первое подписано тѣми же самыми свидѣтелями, но въ немъ нѣтъ надписа дьяка Костромы.*

Къ какому времени должно отнести составленіе втораго завѣщанія? Многіе ученые, считая его предсмертнымъ распоряженіемъ Калиты (Загоскина Исторія Права московскаго государства 1877 г. стр. 157) относятъ составленіе его къ 1341 году. Но самая сущность распоряженій опровергаетъ это мнѣніе. Такъ какъ во второмъ завѣщаніи помѣщены назначенія сель княгинѣ, умершей въ 1332 году, то слѣдовательно и самое составленіе должно быть отнесено къ болѣе раннему времени. Въ собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ время составленія его опредѣлено 1328 годомъ т. е. тѣмъ же годомъ, когда было составлено и первое завѣщаніе, но едва ли возможна покупка въ какіе-нибудь нѣсколько мѣсяцевъ такого значительнаго числа сель. Поэтому, кажется, вѣроятнѣе отнести это время составленія втораго завѣщанія къ 1331 году. Даже и при этомъ предположеніи цифра покупокъ въ теченіи 3-хъ лѣтъ, отъ 1328 до 1332 г., представляется весьма солидной; невольно рождается вопросъ о количествѣ всѣхъ покупокъ до 1341 годъ. Но когда бы ни было совершено завѣщаніе, во всякомъ случаѣ неоспоримъ фактъ, что московскіе князья сдѣлалсь самыми богатыми князьями того времени. Къ грамотѣ, писанной на пергаминѣ, привѣщана двусторонняя княжеская печать съ изображеніемъ Спасителя

п Иоанна Богослова п надписью вокругъ: печать великаго князя Ивана». На это обстоятельство необходимо обратить вниманіе. Какъ въ вѣчевомъ періодѣ южныхъ княжествъ, такъ п въ сѣверовосточныхъ княжествахъ не существовало особаго государственнаго герба, и грамоты обыкновенно скрѣплялись частными печатями князей, на которыхъ изображались или пил Спасителя или Богоматери, или того святаго, имя котораго носилъ князь. Первое употребленіе особаго, государственнаго герба (двуглаваго орла) встрѣчается не ранѣе Иоанна III. При Иоаннѣ IV замѣчается уже положительное различіе въ употребленіи государственнаго герба и княжеской печати. На всѣхъ государственныхъ документахъ Иоанна IV находится печать государственнаго герба т. е. двуглаваго орла, частная же, неофициальная, переписка этого государя обыкновенно печаталась изображеніемъ единорога или «нирога» ¹⁾. Образование новаго государственнаго начала необходимо должно было потребовать и особеннаго проявленія своего въ внѣшней формѣ. Относительно великокняжескаго стола въ завѣщаніи не находится никакого упоминанія, что очень естественно, если сообразить время составленія завѣщанія до поѣздки въ орду, рѣшившей его избраніе. Что же касается до предоставленія Москвы въ общее вѣдомство, то въ этомъ распоряженіи нельзя не видѣть заботливости отца о равномѣрномъ раздѣленіи самой доходной статьи, какъ это ясно видно изъ завѣщанія Дмитрія Иоанновича ²⁾.

Кратковременное двѣнадцатилѣтнее княженіе Иоанна Даниловича не выдается никакими рельефными подвигами, напротивъ того, оно рѣзко выдѣляется отъ предшествующаго времени сдержанностью, расчетливостью, умѣньемъ выжидать п пользоваться обстоятельствами. Но между тѣмъ, внимательно разсматривая всѣ изложенныя событія въ совокупности ихъ, нельзя не признать за ними значенія наиболѣе вліятельнаго, наиболѣе плодотворнаго; они укрѣпили за Москвою неоспоримое право быть руководителницею въ предстоящемъ государственномъ ходѣ.

¹⁾ Лакіера Рус. Герольд. стр. 124 п 232.

²⁾ С. Г. Гр. п Дог. т. I. 51.

Въ началѣ княженія Іоанна Даниловича, Московское княжество было почти ничтожно; оно простиралось отъ юга къ сѣверу въ длину немного болѣе 150 верстъ, а въ ширину отъ востока къ западу имѣло немного болѣе 50 верстъ и заключало въ себѣ поселенія, находящіяся между двумя главными, крайними пунктами, Москвою и Переяславль-Залѣскимъ. Во время же правленія Калиты княжество увеличилось болѣе чѣмъ въ шесть разъ и заключило въ себѣ города Коломну, Серпуховъ, Звенигородъ, Можайскъ, Волокъ Латскій, Зарайскъ, Угличъ, Бѣлозерскъ и Галичь. При этомъ интересно замѣтить на сколько расширеніе московскихъ владѣній совершалось по указаніямъ торговыхъ вдовъ: Сначала пріобрѣтено обладаніе всѣмъ виднымъ путемъ рѣки Москвы, до Оки; затѣмъ верховьемъ Оки и наконецъ теченіемъ Цны, Мокши (последнее пріобрѣтеніе хотя и завершилось послѣ Калиты, но было совершенно подготовлено имъ). Къ сѣверу Московскія владѣнія расширились областью теченія Шексны, а по присоединеніи Углича и частью рѣки Волги. Наконецъ города Ростовъ и Владиміръ, почти потерявшіе самостоятельность и подчинявшіеся волѣ Іоанна Даниловича, доставили водный путь по клязьмѣ и Волгѣ. Такимъ образомъ изъ небольшого княжества съ небольшимъ черезъ 12 лѣтъ Москва является уже довольно крупнымъ владѣніемъ, имѣющимъ достаточныя средства не только къ поддержанію своего первенства, но и къ дальнѣйшему развитію.

Изложивъ политическія событія времени образованія великаго княжества московскаго, остается сказать нѣсколько словъ объ общей характеристикѣ перваго его строителя.

Значеніе великаго князя Іоанна Даниловича Калиты, какъ основателя политическаго строя, сознавалось даже самими его современниками. Въ словѣ современника Дмитрія Донскаго о житіи послѣдняго говорится: «бысть внуць православнаго князя Івана Даниловича събрателя русской земли». Выраженіе очень мѣткое. Оно указываетъ на внѣшнее присоединеніе къ Москвѣ различныхъ волостей и на единеніе національнаго духа. Москва стала русскимъ представителемъ не потому, что сдѣлалась великокняжескимъ столомъ, но потому, что

въ дѣйствительности стала фокусомъ всѣхъ русскихъ интересовъ. И этимъ она всецѣло обязана разумной дѣятельности своего перваго великаго князя, направленной не на внѣшнія войны, но на опредѣленія внутреннихъ распоряжковъ. Сознавая губительное вліяніе непосредственнаго вмѣшательства во внутреннія русскія дѣла ордынцевъ, изъ которыхъ каждый приходящій на Русь считалъ себя въ полномъ правѣ обогащаться, безнаказанно грабя, разоряя народъ и увводя въ полонъ, онъ сумѣлъ частыми поѣздками въ орду (что по состоянію тогдашняго общества и путей сообщеній было дѣломъ самоотверженія) и подарками отстранить попытку ордынскихъ вельможъ ¹⁾. Съ другой стороны онъ заботился объ упроченіи спокойствія и порядка, о безопасности личности и имущества своихъ подданныхъ: „злодѣйственныхъ разбойниковъ, хищниковъ и татьбу содѣвающихъ упраздни отъ земли своея ²⁾. И онъ имѣлъ счастье видѣть еще при жизни своей плоды заботъ своихъ. Народъ, обеспеченный въ безопасности, обратился къ производительной дѣятельности и общее благосостояніе стало быстро развиваться.

Установленіе спокойствія и порядка въ московскомъ княжествѣ имѣло прямымъ и непосредственнымъ послѣдствіемъ увеличеніе его населенія переселенцами всякаго рода, естественно предпочитавшихъ мирный трудъ непрерывнымъ усобицамъ и грабежамъ. Въ лѣтописяхъ упоминается о переселеніяхъ нѣкоторыхъ лицъ, богатствомъ своимъ и значеніемъ не мало способствовавшихъ усиленію Москвы. Къ числу такихъ лицъ принадлежать наприм. выходець изъ орды татарскій Мурза-Четь, предокъ Бориса Годунова, а изъ Кіева, бояринъ Родіонъ Нестеровичъ (родоначальникъ Квашинныхъ), приведшій съ собою въ Москву 1,700 дѣтей боярскихъ. Невозможно съ положительностью опредѣлить въ какой мѣрѣ справедливо сказаніе лѣтописца объ услугѣ, оказанной Іоанну Даниловичу бояриномъ Нестеровичемъ въ битвѣ подъ Переяславлемъ въ 1304 году съ тверскою ратью, гдѣ этотъ новый бояринъ московскій отрубилъ голову врагу своему боярину

¹⁾ Никон. Ш. 142. П. С. Р. Л IV, 51.

²⁾ Стецен. кн. I. 406.

Акинфу, переѣхавшему изъ Москвы въ Тверь по завѣсти на лестный пріемъ, оказанный Нестеровичу, но извѣстно, что Родіонъ Нестеровичъ получилъ отъ Іоанна Даниловича половину волока и волость у рѣки Восходни, а расчетливый московскій князь не далъ бы такой награды безъ основательнаго повода. Еще въ числу такихъ переселенцевъ принадлежатъ также родоначальникъ фамиліи Плещеевыхъ, бояринъ Бяконтъ, переѣхавшій въ Москву изъ Чернигова по нѣкоторымъ извѣстіямъ при Калптѣ, по другимъ же, болѣе достовернымъ извѣстіямъ, во время правленія Даниіла Александровича. Имя этого боярина, вкрестника Калпты, по свѣтскому имени Елевѣерій, по постриженіи Алексѣй — извѣстный іерархъ русской церкви. Какъ переселившіеся, такъ и туземные бояре, получивъ отъ московскаго князя богатыя помѣстья въ московскомъ княжествѣ, невольно должны были связать свои интересы съ интересами князя, *которому служимъ*, предпочитать его интересы интересамъ его родичей ¹⁾).

Другимъ естественнымъ послѣдствіемъ установленія тишины и безопасности было значительное развитіе торговли. Кроме Москвы, какъ пункта, сосредоточившаго торговныя сношенія запада (черезъ Новгородъ), востока и Греціи основались новые значительные торговые пункты. Къ этому времени можно отнести торговое развитіе холмогорскаго городка, въ Ярославской области, на устьѣ Мологи. Мѣсто это и нынѣ называемое старымъ холмогорскимъ; находится, Ярославской губерніи, моголскаго уѣзда, въ дачахъ Мусина-Пушкина. „Рѣка же великая Молога полна судовъ была въ пристани своей на устьѣ широкомъ, яко по судамъ тогда для перевозовъ проходили людіе рѣку ту Мологу и Волгу на лугъ моголскій, великій и прекрасный, иже имѣетъ въ округъ свой 7 верстъ. Сребра же того пошлиннаго пудоваго по 180 пудовъ и болши собираху въ казну великаго князя“ ²⁾). Хотя это количество можетъ быть и не вѣрно, но во всякомъ случаѣ оно было значительно, что можно видѣть изъ того, что въ завѣщаніи Іоанна Даниловича купеческія пошлины въ селахъ, назпачае-

¹⁾ Прим. 324 къ IV т. Карамз.

²⁾ Карамз. примѣч. 323 къ IV т.

мыхъ княгинѣ и меньшимъ дѣтямъ, переданъ въ доходъ сыновьямъ.

Понятно, что пользуясь благодѣтельнымъ покровительствомъ Иоанна Даниловича, современники были ему благодарны и цѣнили его высоко. Въ исторію перешло прозваніе Калиты. Трудно опредѣлить, что именно послужило основаніемъ такому прозванію; выраженіе ли оно христіанскаго милосердія князя или его хозяйственной способности? Кажется вѣрнѣе первое предположеніе. Извѣстно, что этотъ князь всегда имѣлъ при себѣ мѣшокъ (калиту) съ деньгами для раздачи бѣднымъ. Иоаннъ Даниловичъ отличался глубокимъ религіознымъ чувствомъ; никто изъ его предшественниковъ не построилъ столько храмовъ, никто болѣе его не любилъ бесѣдовать съ иноками, единственно просвѣщенными людьми того времени. Для большаго облегченія частыхъ свиданій онъ даже перевелъ мужскую обитель, основанную его отцемъ при церкви св. Давида, къ своему дворцу, къ построенной имъ церкви Преображенія. Затѣмъ, кромѣ этой церкви, имъ построены еще храмы: Успенскій соборъ, Архангельскій (каменный), усыпальницу князей московскихъ, церковь на площади кремлевской, церковь во имя св. Иоанна Лѣствинника и церковь во имя св. Петра. Наконецъ къ послѣднимъ постройкамъ великаго князя принадлежитъ обнесеніе въ 1339 году Москвы дубовыми стѣнами.

Въ заключеніе обзорѣнія княженія Иоанна Даниловича остается упомянуть объ общественныхъ бѣдствіяхъ, не разъ постигавшихъ Москву. Двукратный пожаръ опустошилъ городъ въ 1331 и 1337 г., изъ которыхъ въ одинъ сгорѣлъ даже кремль или 18 церквей, а въ 1332 году постигъ голодъ, названный рослою розью.

ГЛАВА VI.

Симеонъ Иоанновичъ Гордый. — Его отношенія къ церкви, къ орду и къ русскимъ князьямъ сѣверовосточной группы.

Смерть великаго князя Иоанна Данчловича Калиты открыла наслѣдство двоякаго рода: наслѣдство велпковняжеское, владимірское, главенства сѣверовосточной русской федераціи и наслѣдство московскаго князя, какъ вотчинника. Наслѣдство перваго рода зависѣло исключительно отъ воли ордынскихъ хановъ, смотрѣвшихъ на русскихъ князей, какъ на своихъ улусниковъ. Правда, въ своихъ назначеніяхъ орда руководствовалась, въ особенности въ первыя времена, понятіями о правахъ, существовавшихъ у самихъ русскихъ, но это руководство не имѣло никакой опредѣленной формы и принималось только въ видѣ соображенія. Да и у самихъ русскихъ понятіе о правѣ на княжескій столъ въ это время стало совершенно измѣняться: старшинство дядей встрѣтило протестъ со стороны племянниковъ. Это измѣненіе видно даже въ тѣхъ городахъ, гдѣ старый порядокъ укрѣплялся болѣе глубокими корнями. Такъ въ спорѣ дяди Василія Михайловича Тверскаго съ племянникомъ Михаиломъ Александровичемъ въ 1366 г., отданномъ разбору третейскаго суда духовнаго лица, послѣднее признало преимущественное право уже племянника.

Конечно, такая неопредѣленность понатій не могла не отразиться на ханскихъ приговорахъ въ особенности при тогдашнемъ состояніи ханскаго двора. Богатая добыча и грабежъ завоеваній совершенно измѣнили права орды; вмѣстѣ съ роскошью явились изнеженность и жажда наслажденій, которыя въ свою очередь вызвали корыстолюбіе, постоянное требованіе подарковъ и продажность. Приближенные и любимцы, имѣвшіе рѣшительное вліяніе на ханскія рѣшенія, отдавали свой голосъ въ пользу болѣе дорогаго покупщика. При такомъ положеніи дѣлъ московскіе князья, сыновья Калиты, должны были имѣть преобладающее право на великокняжеское достоинство Владимірское, такъ какъ разумная полптика

и хозяйское умѣнье ихъ дѣда и отца, при поддержкѣ богатаго Новгорода, доставили имъ такія средства, бороться съ которыми другимъ князьямъ оказывалось рѣшительно невозможнымъ.

Что же касается до наслѣдства частнаго, московскаго, то на такого рода наслѣдство Іоаннъ Даниловичъ имѣлъ неоспоримое право и онъ воспользовался этимъ правомъ въ оставленныхъ имъ духовныхъ завѣщаніяхъ. Въ силу этихъ завѣщаній Москва, какъ вотчина, какъ значительная доходная статья, приказывалась въ общее владѣніе сыновьямъ, какъ частнымъ же владѣльцамъ. Въ завѣщаніяхъ нѣтъ ни одного слова, ни одного намека, опредѣлявшаго отношенія княжеской власти въ смыслѣ государственномъ.

Для разрѣшенія вопроса о великокняжествѣ послѣ смерти Калиты, отправились къ хану дѣти покойнаго московскаго князя, Симеонъ съ братьями и другіе князья совѣро-восточной Руси. Рѣшеніе не могло быть сомнительно. За Симеона стояли и богатство его и усердная служба отца и устанавливавшееся преимущество нисходящей линіи; изъ другихъ же претендентовъ только двое, а именно Константинъ Михайловичъ Тверской и Константинъ Суздальскій имѣли въѣкоторое право и могли выставить за себя весьма не въское, утрачивающее значеніе права родоваго старшинства по боковой линіи. Ханъ Узбекъ назначилъ великимъ княземъ Владимірскимъ Симеона, при чемъ, по сказанію лѣтописи, *все князи русскіе въ рунъ го даны* ¹⁾. Усердная служба Калиты не пропала даромъ. По извѣстію Татищева (IV. 146), ханъ не ограничился однимъ назначеніемъ, онъ клялся оставлять и на будущее время обладаніе великокняжескимъ столомъ за родомъ Калиты, давалъ совѣты Симеону жить въ мирѣ и съ своей стороны общался не принимать никакихъ доносовъ.

Съ перваго же времени Симеонъ выказался сыномъ Калиты, способнымъ продолжателемъ его дѣятельности. При немъ остались тѣже отношенія къ ордѣ и тѣже отношенія къ другимъ князьямъ съ тѣмъ только измѣненіемъ, что подготови-

¹⁾ Воскрес. Лѣт. II. 311—312.

тельная работа отца доставляла ему большую силу, большее влияние въ сношеніяхъ и большую самостоятельность. Воротившись изъ орды, какъ добрый сынъ и добрый братъ, Симеонъ прежде всего занялся установленіемъ родственныхъ отношеній на тѣхъ именно основаніяхъ, какія были положены въ завѣщаніи отца. До насъ дошелъ договоръ ¹⁾, заключенный въ 1341 году великимъ княземъ Симеономъ съ родными братьями Иоанномъ и Андреемъ о взаимныхъ ихъ отношеніяхъ между собою. Эти отношенія главнымъ образомъ опредѣлены слѣдующимъ образомъ: «Быти ны за одинъ до живота, а брата своего старѣйшаго имѣти ны и чтити во отцево мѣсто; а брату нашему насъ имѣти...» къ сожалѣнію, слѣдующаго опредѣляющаго слова въ договорѣ разобрать невозможно, да и вообще этотъ договоръ дошелъ до насъ въ очень поврежденномъ видѣ. Далѣе въ договорѣ опредѣляется: «А кто будетъ брату нашему старѣйшему недругъ, то и намъ недругъ, а кто будетъ брату нашему старѣйшему другъ, то и намъ другъ. А тобѣ, Господине Князь великій, безъ насъ не доканчивати ни съ кимъ». Здѣсь обращаетъ на себя особенное вниманіе выраженіе къ *Господину князю великому*, вмѣсто прежняго обращенія къ брату. Основываясь на смыслѣ опредѣленія, въ которомъ употреблено это обращеніе, нельзя не видѣть въ немъ перваго проявленія, безъ всякаго сомнѣнія, еще неяснаго для самихъ договаривающихся сторонъ (князей) понятія объ отношеніяхъ государственныхъ помимо отношеній родства. Договоръ скрѣпился клятвою при гробѣ отца и, какъ видно будетъ изъ послѣдующаго изложенія, ни разу не нарушался.

Изъ отношеній вѣдшихъ, отношенія къ Новгороду для князей московскихъ составляли самый насущный интересъ какъ самый легкій и сподручный способъ возмѣщенія издержекъ ордынскихъ путешествій. Такъ и теперь. Воротившись отъ Хава съ истощенной казной, великій князь, послѣ торжественнаго вступленія на столъ *великаго княженія всея Руси* въ великой соборной церкви св. Богородицы во Владимірѣ,

¹⁾ С. Г. Г. п. Д. I. ст. 35.

тотчасъ же отправилъ сборщиковъ (Бориса, Семенова сына и другихъ «борцей») въ Торжекъ для сбора дани. Но или требуемая дань превышала опредѣленную норму, или требовалась преждевременно, или при сборѣ борцами допускались насилия,—на послѣднее обстоятельство встрѣчается прямое указаніе въ лѣтописи: «и начаша сильно дѣяти»¹⁾, — или по совокупности всѣхъ этихъ обстоятельствъ только новоторжцы или, вѣрнѣе сказать, новоторжскіе бояре жаловались своему городу Новгороду и тотъ, пославъ къ нимъ бояръ Матвѣя Варфоломеевича, Терентія Даниловича съ братомъ, Варфоломеемъ, посадника сына Остафина и Федора Аврамова съ вооруженнымъ отрядомъ, въ то же время, или еще прежде, отправилъ въ Москву посла Кузму Твердиславля съ жалобой на насилия и съ напоминовеніемъ о своей вольности. Между тѣмъ бояре новгородскіе въ Торжекѣ поступили слишкомъ круто, схватили намѣстниковъ великаго князя Михаила Давыдовича и Ивана Рыбника сына, заковали ихъ и стали укрѣплять городъ. Въ такомъ напряженномъ положеніи прошелъ мѣсяць, обѣщанная вспомогательная рать изъ Новгорода не подходила, а опасность со стороны великаго князя московскаго все болѣе и болѣе приближалась. Отъ боязни неминуемой и тяжелой отвѣтственности народъ торжковскій или *чернь* собралась на вѣчѣ, вооружилась, прогнала новгородцевъ, силою освободила намѣстниковъ и сборщиковъ московскихъ, возстала на бояръ, какъ на виновниковъ крамолы противъ Москвы, и разграбила ихъ дома. Бояре бѣжали въ Новгородъ, но одинъ изъ нихъ, Семень Внучекъ, былъ убитъ.

Въ то же время великій князь, въ сопровожденіи брата своего Ивана, князя Константина суздальскаго, князя Константина ростовскаго, князя Василя ярославскаго и другихъ князей, а также митрополита Теоноста и съ великою ратью всей низовской земли, двинулся къ Торжку. Новгородцы, узнавъ о походѣ князя, хотя и приготовились къ оборонѣ, но предварительно попытались уладить дѣло мирнымъ путемъ. Они послѣшили отправить къ нему послами владыку Василя

¹⁾ П. С. Р. Л. Ш. 80.

и Авраама Тысячкого съ мирными предложеніями. Заключенъ былъ договоръ по старымъ грамотамъ, но съ условіемъ уплаты новгородцами *чернаго бора* со всѣхъ волостей и кромѣ того еще 1000 руб. съ Торжка ¹⁾. Татищевъ (IV. 147) говоритъ еще объ одномъ весьма унижительномъ для новгородцевъ требованіи великаго князя: «аще хошуть милости и мира отъ меня, сказали будто бы великій князь, да приндуть предъ ми посадники и тысячкій бои, просятъ при всѣхъ князѣхъ на колѣняхъ». Нельзя безусловно отвергать существованія со стороны великаго князя подобнаго требованія. Князь не могъ не быть крайнѣ раздраженнымъ противъ своевольныхъ и дерзкихъ поступковъ новгородцевъ, заковавшихъ его намѣстниковъ и при всякомъ удобномъ случаѣ грабившихъ его людей. Еще въ то время, когда онъ находился въ ордѣ, новгородскіе молодцы напали и разграбили Устюжну ²⁾, затѣмъ опустошили Бѣлозерскъ, купленный Калитою и потому бывший собственностью московскаго князя. Поэтому понятное желаніе Симеона Гордаго укротить необузданность вольнаго города, смирить его самонадѣянную кичливость, а гордый, самовластный характеръ Симеона могъ дѣйствительно создать подобное оскорбительное условіе.

Было ли это условіе или нѣтъ, во всякомъ случаѣ извѣстно, что крамолы новгородцами въ княженіе Симеона Гордаго больше не повторялись; напротивъ того извѣстно, что въ 1347 году, слѣдовательно черезъ 6 лѣтъ, великій князь по приглашенію архіепископа новгородскаго, пріѣзжавшаго за этимъ въ Москву, самъ ѣздилъ въ Новгородъ, былъ тамъ честиимъ и пробылъ недѣли три ³⁾. Впрочемъ, со стороны Новгорода и не могло быть серьезнаго противодѣйствія Москвѣ вслѣдствіе его внутренняго состоянія. Новгородъ, по своеобразности мѣстныхъ условій, не подвергался непосредственному вліянію новыхъ порядковъ на сѣверовостокѣ, а жилъ все еще прежнею жизнью славянскихъ волостей и выносилъ всю не-

¹⁾ Никон. Лѣт. Ш. 173.

²⁾ Новгор. Л. 6849 г.

³⁾ Новгор. Л. 6854 г.

урядицу внутреннихъ отношеній. Князь, въ лицѣ намѣстника своего, пользовался тамъ судебною властью, административною и правомъ предводительствовать войскомъ, но при совмѣстномъ существованіи вѣча, какъ главнаго правительственнаго органа. Одни и тѣже причины производятъ одни и тѣже явленія. Какъ было въ южныхъ, старыхъ городахъ, такъ и теперь въ Новгородѣ внутреннія смятенія потрясали общественный организмъ. Вѣче постоянно раздиралось партіями, посадники назначались и смѣнялись вооруженной силой, при кровопролитныхъ схваткахъ между концами города, или между одной половиною города и другой.

Въ 1341 году умеръ ханъ кипчакской орды, извѣстный Узбекъ, игравшій такую рѣшительную роль въ борьбѣ Москвы съ Тверью и бывший однимъ изъ главныхъ, хотя и невольныхъ пособниковъ усиленія московскаго княжества. Умершій, исповѣдуя мухамеданство, отличался весьма широкою вѣротерпимостью. Онъ покровительствовалъ русскому духовенству, давалъ ему льготныя грамоты, вмѣстѣ съ тѣмъ велъ сношенія съ Папой Венедиктомъ XII и нисколько не препятствовалъ ему распространять католичество въ земляхъ, прилегающихъ къ черному морю. Послѣ Узбека осталось трое сыновей: Тиньбекъ, Чаньбекъ и Хадырбекъ, изъ которыхъ на ханскій престолъ вошелъ старшій, Тиньбекъ. Впрочемъ, этотъ ханъ царствовалъ недолго, такъ какъ въ 1342 году вошелъ на престолъ второй сынъ Чаньбекъ, умертвившій обоихъ братьевъ, какъ старшаго, такъ и младшаго ¹⁾).

По установленному порядку, каждая смѣна хановъ вызывала новое утвержденіе въ княжескомъ достоинствѣ, а слѣдовательно и новую поѣздку въ орду съ обычными подарками и издержками. Такъ и теперь. На поклонъ къ новому хану въ орду отправилась великій князь Симеонъ, князья суздальскій, ростовскій, ярославскій и митрополитъ Феогностъ ²⁾. Скоро всѣ они воротились съ новымъ утвержденіемъ, за исключеніемъ митрополита Феогноста, задержаннаго въ ордѣ денежнымъ вопро-

¹⁾ Карамз. примѣч. 334 къ IV т.

²⁾ Никои. Лѣт. III. 178—179.

сомъ. Нѣкоторые изъ русскихъ, которыхъ при ханскомъ дворѣ, вѣроятно, проживало не мало, донесли хану о богатствѣ русскаго митрополита, о множествѣ у него золота и серебра. Наученный ими, корыстолюбивый ханъ потребовалъ отъ Θεогноста платежа ежегодной дани, но платитъ дань Θεогностъ, не смотря на угрозы и стѣсненія, рѣшительно отказался, ссылаясь на данные прежними ханами льготные ярлыки. Впрочемъ дѣло уладилось посуломъ со стороны Θεогноста заплатить одновременно 600 руб., и затѣмъ были подтверждены всѣ прежніе льготные ярлыки, какъ это видно изъ ярлыка жены хана Тайдулы ¹⁾).

Добрыя отношенія Московскаго князя къ ордѣ продолжались во все время княженія Симеона. Четыре раза онъ былъ въ ордѣ и каждый разъ возвращался оттуда облаканный милостью ханской. Отъ этого при Симеонѣ въ Московскомъ княжествѣ не было, какъ и при покойномъ его отцѣ, ни одного баскака, ни одного раззорительнаго ханскаго посольства, ни одного опустошительнаго набѣга, за исключеніемъ только единичнаго случая въ 1347 г., когда ордынскій князь Темиръ подступалъ къ Алексину и опустошалъ его окрестности. Послѣдствія подобной политики, какъ и въ предшествующее время, оказывались чрезвычайно важными. Благосостояніе увеличилось, народъ отдохнулъ и окрѣпъ, а територія Московскаго княжества быстро наполнялась все болѣе и болѣе прбывающими поселеніями изъ другихъ княжествъ. И наконецъ кромѣ этого невольнаго благотворнаго вліянія, ордынскіе ханы оказывали болѣе дѣйствительную услугу, принимая сторону Москвы въ столкновеніяхъ ея съ Литвою.

Не то было въ другихъ сосѣднихъ княжествахъ сѣверо-восточной Руси. Усобицы продолжались попрежнему; княжескіе столы захватывались то подъ предлогомъ правъ родства, то по праву силы, то по праву ханскаго ярлыка.

Въ Рязанскомъ княжествѣ распри происходили между домами князя Коротопола и князя пронскаго. Еще во время княженія Калиты Іоаннъ Коротополь, встрѣтивъ родственника

¹⁾ С. Г. Г. и Д. II ст. II.

своего, ѣхавшаго въ орду, князя Александра пронскаго, ограбилъ его на дорогѣ и убилъ. Но сынъ убитаго князь Ярославъ, преслѣдовалъ цѣль отца и успѣлъ ее достигнуть. Въ 1342 году онъ воротился изъ орды съ ханскимъ войскомъ, посломъ Киндякомъ и съ ярыкомъ хана Чанибека на великое княженіе рязанское. Коротополь заперся въ Переяславлѣ рязанскомъ, гдѣ цѣлый день отбивался отъ осаждающей рати Киндяка и Ярослава, но видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, ночью неизвестно куда бѣжалъ ¹⁾. Затѣмъ въ лѣтописи встрѣчается только извѣстіе объ убіеніи Коротополя подъ 1343 годомъ, но кѣмъ и по какому случаю неизвестно. Ярославъ Александровичъ сдѣлался великимъ княземъ рязанскимъ, выбравъ стольнымъ городомъ Ростиславль (на берегу Оки). Каждая смѣна князей, въ особенности при участіи ордынцевъ, приносила съ собою страшныя бѣдствія. Съ одной стороны восторжествовавшій князь старался вымѣстить свои убытки и потери на боярахъ и приверженцахъ своего предшественника, тѣснилъ ихъ, разорялъ ихъ села, а съ другой ордынскіе послы пользовались случаемъ обогатиться полономъ и грабежемъ. Такъ и при настоящемъ случаѣ по сказанію лѣтописи „Киндякъ войдя въ городъ, многихъ христіанъ полонилъ, а пныхъ избилъ“ ²⁾. Къ довершенію несчастія, княженіе князей пронскихъ продолжалось весьма недолго: Ярослава не болѣе 3-хъ, а брата его, Василія Александровича, не болѣе 6 лѣтъ. Въ 1350 году занялъ рязанскій столъ сынъ Коротополя, извѣстный въ нашей исторіи Олегъ Іоанновичъ, вѣроятно съ своей стороны давшій почувствовать свое неудовольствіе сторонникамъ пронскихъ. Такое нестроеніе рязанскаго княжества не могло не отзываться для Москвы самыми благоприятными послѣдствіями. Люди трудолюбивые спѣшили высѣляться въ спокойную сосѣднюю волость и тѣмъ, естественно, увеличивали доходность московскаго княжескаго хозяйства.

Не менѣе нестроенія и усобицы волновали и тверское княжество. Казненному въ ордѣ Александру Михайловичу

¹⁾ Никол. Лѣтоп. III. 178.

²⁾ Троиц. 6850 г.

наслѣдовалъ, при содѣйствіи покойнаго Калиты, братъ его Константинъ. Обязанный княженіемъ Москвѣ и сознавая въ тоже время беспіліе и пстощеніе своей волости, Константинъ Михайловичъ не думалъ о соперничествѣ съ Москвою во все время своего княженія. Раздоры начались внутри княжескаго семейства, между нимъ и Анастасею, вдовою казненнаго Александра и сыномъ ея, Всеволодомъ Александровичемъ, княземъ холмскимъ. Что было пменно причиною неудовольствій— неизвѣстно; лѣтописи, не передавая объ этомъ никакихъ свѣдѣній, говорятъ только, что въ 1346 г. князь Константинъ утѣснялъ и захватывалъ бояръ и слугъ Анастасіи и Всеволода ³⁾. Эти стѣсненія вынудили Всеволода Александровича ѣхать съ жалобою сначала къ зятю своему, князю московскому, Симеону, а потомъ въ орду. Вслѣдъ за племянникомъ уѣхалъ въ орду и дядя Константинъ, но вскорѣ по прибытіи туда умеръ. Всеволодъ Александровичъ добылъ себѣ ханскій ярлыкъ на княженіе и уже съ ханскимъ посломъ возвращался домой, когда на обратномъ пути, въ городѣ Бездежѣ, встрѣтился съ дядей Василиемъ Михайловичемъ, княземъ кашинскимъ. Услыхавъ о смерти брата Константина, Василий Михайловичъ собралъ дань съ волости отсутствующаго племянника Всеволода и съ ней отправился въ орду. При встрѣчѣ племянникъ съ помощью ханскаго посла ограбилъ дядю, отчего послѣдній, зная бесплодность поѣздки въ орду безъ денегъ, принужденъ былъ воротиться, а Всеволодъ Александровичъ сѣлъ на тверской столъ. Но въ Твери въ это время еще крѣпко держались старыя понятія о старшинствѣ родства и права дяди находили у тверичей дѣйтельное содѣйствіе. Началась ссора и съ ней неизбѣжное людское стѣсненіе со стороны обѣихъ князей, дяди и племянника, и „многіе люди тверскіе, по словамъ лѣтописи, отъ такого нестроенія разошлись“. Наконецъ уже въ 1349 году епископу Ѳедору удалось примирить враговъ - родичей. Всеволодъ Александровичъ уступилъ великокняжескій Тверской столъ дядѣ Василию Михайловичу и удовольствовался холмскимъ удѣломъ „и укрѣпишася межн собою

³⁾ Ников. Л. III. 184.

крестнымъ цѣлованіемъ и Василій нача жити съ братанпчемъ своимъ тихо и смирно и *пойдоша люди* отвсюду въ землю тверскую и умножишася“. Тишина продолжалась, впрочемъ, не долго. Въ 1352 году, по полученіи отъ ордынскаго посла Ахмата ханскаго ярлыка, князь Василій Михайловичъ вспомнилъ прежнее нелюбье съ племянникомъ и сталъ снова тѣснить бояръ и слугъ холмскихъ.

Эти тверскія нестроенія, какъ и рязанскія, служили къ возвышенію Москвы. Имя московскаго князя стояло высоко, его псакали, его покровительствомъ дорожили и его вліяніе въ дѣлахъ тверскаго княжества признавалось неоспоримымъ. Есть положительное свидѣтельство, указывающее на верховенство москвы и низведеніе Твери со ступени великаго княжества на удѣльное. Герберштейнъ говоритъ: былъ споръ о великомъ княжествѣ тверскомъ; когда князь Симеонъ Іоанновичъ просилъ его себѣ у Чапбека, то послѣдній требовалъ отъ него годовой дани. Вельможи, подкупаемые богатыми подарками Симеона, вступились за него и сдѣлали дѣло такъ, что онъ не заплатилъ дани. Это вліяніе Москвы ясно выражалось, между прочимъ, и въ желаніи породниться съ московскимъ домомъ: сестра Всеволода была замужемъ за княземъ Симеономъ, а дочь Симеона за Мпхапломъ Васильевичемъ, сыномъ тверскаго князя Васплія Михайловича.

Послѣ соединенія южныхъ и западныхъ русскихъ княжествъ подъ верховенствомъ великаго литовско-русскаго княжества, Литва стала на юго-западѣ въ такое же положеніе, какое занимала Москва на сѣверо-востокѣ. Оба эти центра политическихъ тѣлъ стремились къ одинаковой цѣли расширенія своихъ предѣловъ и присоединенія къ себѣ сосѣднихъ болѣе мелкихъ волостей. Такое стремленіе должно было неминуемо повести къ столкновенію ихъ между собою, къ борьбѣ за существованіе. Положеніе Москвы находилось въ болѣе выгодныхъ мѣстныхъ условіяхъ. Она находилась въ средѣ единоплеменнаго населенія и не выносила ударовъ сильнаго и дѣятельнаго сосѣда. Напротивъ того Литва, кромѣ московскаго княжества, имѣла другого врага, съ которымъ должна была

постоянно бороться, врага неутомимаго, всегда готоваго къ бою — въ нѣмецкомъ ордень рыцарей.

Въ княженіе Симеона литовскія отношенія къ Москвѣ хотя не выражались въ открытыхъ непріязненныхъ военныхъ дѣйствіяхъ, но тѣмъ не менѣе носили на себѣ своеобразныя характеристическія черты. Въ октябрѣ 1341 г. литовская рать съ княземъ витебскимъ Ольгердомъ сдѣлала набѣгъ на можайскую волость, осаждала самый городъ, но, не взявъ его, воротилась, опустошивъ окрестности ¹⁾. Что было причиною отступленія литовцевъ, въ лѣтописяхъ невыясняется, но вѣроятно смерть Гедимина вызвала Ольгерда къ семейнымъ дѣламъ. По раздѣлу Гедимина изъ литовскихъ областей принадлежали: старшему Евнутію Вильна съ достоинствомъ великаго князя, второму Ольгерду Кревь и Витебскъ, Монтвиду Керновъ и Слонимъ, Нариманту Пинскъ, Кейстутію Троки, Коріяду Новгородокъ и Любарту—Волынь ²⁾. Изъ нихъ выдѣлялись: Кейстутій необыкновенной отвагой и Ольгердъ въ особенности обширнымъ умомъ, счастливыми способностями, удивительною въ то время трезвостью, образованностью, властолюбіемъ и хитростію. Недовольные своими удѣлами Ольгердъ и Кейстутій соединенными силами рѣшились выгнать братьевъ и завладѣть всѣмъ наслѣдствомъ отца. Въ 1345 году Евнутіій бѣжалъ изъ Вильны сначала въ Смоленскъ, а потомъ въ Москву къ великому князю Симеону, а Наримантъ къ хану татарскому. Симеонъ ласково принялъ бѣглеца, расчитывая видѣть въ немъ вліятельное орудіе въ отношеніяхъ съ Литвой, тѣмъ болѣе, что Евнутіій и его литовская дружина вскорѣ приняла христіанскую вѣру, при чемъ Евнутіій названъ былъ Іоанномъ ³⁾.

Принимая молодаго литвина и оказывая ему радушное гостепріимство, Симеонъ Іоанновичъ однакожъ не выказалъ намѣренія поддержать права изгнанника военной силой. Съ другой стороны и Ольгердъ не объявилъ войны московскому князю. Въ это время дѣла его съ нѣмецкимъ орденомъ требовалъ

¹⁾ Никол. Лѣт. III. 174.

²⁾ Длуг. Hist. Pol. кн. X. ст. 60.

³⁾ Троиц. 6853 г.

напряженія всей его энергiи. До вступленія его на литовскій столъ борьба его съ нѣмецкимъ орденомъ имѣла характеръ взаимныхъ пограничныхъ набѣговъ, въ которыхъ, обыкновенно, ограничивались только опустошеніемъ непріятельскихъ земель. Но прибытіе въ 1336 году на помощь ордену маркграфа бренденбургскаго, графа геннебергскаго и графа немурскаго съ значительными силами дало возможность предпринять уже болѣе рѣшительныя дѣйствія противъ язычниковъ. Какимъ характеромъ отличались войны рыцарей съ литвинами, можно видѣть изъ описанія осады одного небольшого острожка.

Союзное рыцарское войско вторгнулось въ Литву и осадило острожекъ Пувэ, въ которомъ въ то время находилось не болѣе четырехъ тысячъ литовцевъ. Рыцари окружили острожекъ, устроили стѣнобитныя машины и повели подкопы. Осажденные мужественно оборонялись, дѣлали частыя вылазки, но вскорѣ должны были убѣдиться въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія: одна часть стѣны сильно раскачалась таранамъ, а другая часть грозила паденіемъ отъ подкоповъ, сами же осажденные были почти всѣ покрыты ранами. Въ такомъ отчаянномъ положеніи литвины рѣшились погнубить: сначала перебили своихъ женъ и дѣтей, сожгли трупы ихъ на кострѣ, а потомъ стали убивать другъ друга. Въ этой кровавой бойнѣ въ особенности отличались начальникъ острожка, Маргеръ, и какая-то старуха, обезглавившая топоромъ сто воиновъ и потомъ убившая себя. Оставшаяся горсть воиновъ съ Маргеромъ впереди бросилась навстрѣчу входившему непріятелю и погнуба отъ его руки за исключеніемъ Маргера, который бросился въ подземелье, гдѣ была спрятана его жена, убилъ ее, а потомъ убилъ и себя. Съ 1345 года, съ избраніемъ въ магистры ордена Генриха фонъ-Арфберга, война съ Литвою приняла еще большіе размѣры. Новый магистръ опустошилъ литовскія владѣнія до самыхъ Трокъ и, встрѣтивъ войско Ольгерда, разбилъ его на голову. Ольгердъ не былъ лицомъ способнымъ потеряться въ опасности: онъ набралъ новое войско и съ нимъ вторгнулся въ предѣлы орденскихъ владѣній, страшно опустошая и разоряя. Но въ несчастію войско литовское уже на обратномъ пути съ громадной добычей было

снова достигнуто магистромъ и послѣ упорной и кровопролитной сѣчи снова разбито ¹⁾).

Тѣснымъ орденомъ, Ольгердъ не только не могъ дѣйствовать противъ Москвы, но долженъ былъ искать себѣ сильнаго союзника. На помощь русскихъ княжествъ сѣверовосточной Руси, гдѣ самовластно руководилъ Симеонъ Иоанновичъ, онъ конечно не могъ рассчитывать, а въ союзникѣ предстояла крайняя необходимость. Въ такомъ положеніи онъ обратился къ ордынскому хану. Этотъ поступокъ Ольгерда обваруживаетъ его основательный политическій тактъ. Онъ зналъ, что орда по отдаленности и положенію своему не могла быть опасною для Ляввы, а между тѣмъ, заручившись ея помощью, онъ приобрѣталъ сильное оружіе не только противъ нѣмцевъ, но столько же, если не болѣе, противъ Москвы. Въ такихъ расчетахъ Ольгердъ въ 1348 г. послалъ къ хану Чанибеку брата своего Коріяда съ просьбою отправить къ нему на помощь сильную рать. Вѣроятно желаніе Ольгерда и исполнилось бы, еслибъ онъ не встрѣтилъ бдительнаго противника въ московскомъ князѣ. Безъ всякаго сомнѣнія Симеонъ имѣлъ дѣятельныхъ и неуспынныхъ наблюдателей при дворѣ своего шурина, доносившихъ ему о всѣхъ дѣйствіяхъ Ольгерда. Предувѣдомленный вовремя о посылкѣ Коріяда, московскій князь поспѣшилъ отправить къ Чанибеку своихъ пословъ Ѳедора Глѣбовича, Амива и Ѳедора Шубачеева съ жалобой на Ольгерда за опустошеніе русскихъ княжествъ—*ордынскихъ улусовъ*, и съ предвареніемъ о тайныхъ политическихъ замыслахъ литовскаго князя противъ даже самой орды. Чанибекъ, постоянно видѣвшій въ дѣйствіяхъ московскихъ князей добрую услужливость, послушался сдѣланныхъ предостереженій и не только отказалъ въ просьбѣ Ольгерду, но даже самихъ пословъ литовскихъ выдалъ головою Симеону, отправивъ съ царевичемъ Тотуемъ въ Москву самого Коріяда, пословъ и всю ихъ литовскую дружину ²⁾).

Такимъ образомъ попытка Ольгерда найдти себѣ поддержку

¹⁾ Карамз. прим. 341 къ IV.

²⁾ Никон. лѣт. III. 187. Троиц. 6856 и 6857 г.

въ ордѣ, совершенно не удалась, благодаря бдительности московскаго князя; а между тѣмъ внѣшнія отношенія Литвы становились все болѣе и болѣе стѣснительными. Кромѣ постоянныхъ, враждебныхъ столкновений съ нѣмецкимъ орденомъ, къ этому времени относятся непріязненные отношенія съ Польшей. Вслѣдствіе мирнаго договора съ Казиміромъ, королемъ польскимъ, вся юго-западная Волинь находилась во владѣніи братьевъ Ольгерда — Любарта и Кейстутя, но въ 1349 году польскій король въ прямое нарушеніе заключеннаго условія Волинь присоединилъ къ своимъ владѣніямъ, оставивъ Любарту только Лупкъ, а прочимъ князьямъ только временное управленіе ¹⁾. Къ этимъ полптическимъ раздорамъ присоединился и религіозный вопросъ. Всѣ жители Волини исповѣдывали православную вѣру, начавшую распространяться около этого времени и въ сѣверныхъ областяхъ, собственно литовскихъ, — правительство же короля Казиміра, подъ вліяніемъ Римскаго двора и убѣжденій папы Климента VI, всѣми средствами старалось стѣснить православіе и, наоборотъ, пропагандировать католицизмъ „и много зла христіаномъ створиша, а церкви святыя претвориша въ латинское богомерское служеніе“ ²⁾.

При такомъ положеніи естественной опорой представлялась православная Москва. И дѣйствительно, вмѣсто непріятныхъ отношеній, чего можно было бы ожидать по случаю вмѣшательства Симеона Іоанновича у Чанибека, Ольгердъ въ 1349 г. отправилъ къ великому князю московскому посольство съ дружескими изъявленіями и предложеніями за своего брата Коріяда и его дружину богатыхъ даровъ «и многое серебро отложилъ» ³⁾. Симеонъ Іоанновичъ дары привялъ, Коріяда и его дружину отпустилъ съ изъявленіями и съ своей стороны дружескаго расположенія. Вскорѣ эти мирныя отношенія скрѣпились брачными союзами. Черезъ годъ литовскіе князья Ольгердъ и Любартъ, овдовѣвшіе въ одинъ годъ, просили у Свя-

¹⁾ Наруш. Hist. narod. Polsk. VI 218. Длугом. Hist. Pol. IX. 1088.

²⁾ Новгор. лѣт. 6857.

³⁾ Никон. лѣт. III 187.

меона Иоанновича въ супружество его родственницъ, сначала Любартъ племянницу (сестричну), дочь князя Константина ростовскаго, а потомъ Олегердъ свояченицу (свѣсть) княжну Ульяну тверскую, дочь Александра Михайловича. Согласившись на первый бракъ, великій князь затруднился было разрѣшеніемъ второго, имѣя въ виду близость родства, а потому и спрашивалъ согласія митрополита Теоноста. Соображая пользу, какую могла привести княжна Ульяна относительно утвержденія православія въ странѣ еще наполненной язычниками, митрополитъ не затруднился дать свое разрѣшеніе ¹⁾). Наконецъ и проживающій въ Москвѣ Евнутій по крещеніи Иоаннъ возвратился въ Литву съ полученіемъ въ свое владѣніе города въ минской области.

Вѣроятно установившіяся мирныя отношенія не соблюдались строго съ обѣихъ сторонъ. Въ лѣтописи подъ 1352 годомъ встрѣчается извѣстіе о томъ, что великій князь ходилъ къ Смоленску съ великой ратью, съ братьей и со всѣми князьями, но подоидя къ Вышгороду (на рѣкѣ Протвѣ выше Боровска), встрѣтилъ пословъ отъ литовскаго князя Ольгерда со многими дарами и съ предложеніями мира. Великій князь *не оставя Ольгердова слова*, заключилъ миръ, а самъ пошелъ дальше къ Угрѣ, куда пріѣхали къ нему смоленскіе послы. Простоявъ на Угрѣ съ недѣлю и заключивъ миръ со Смоленскомъ, Симеонъ Иоанновичъ воротился въ Москву ²⁾). Что именно было причиною похода, лѣтопись не объясняетъ, но по совмѣстности совершенія мира съ Смоленскомъ и Литвой можно заключить о какомъ нибудь нарушеніи договора со стороны Смоленска, подъ вліяніемъ Литвы, или въ качествѣ союзника Литвы.

Изъ обзора московско-литовскихъ отношеній видимъ совершенно различный характеръ этихъ отношеній съ той и другой стороны. Насколько литовскіе князья держались политики завоевательной, старались оружіемъ расширить предѣлы своихъ владѣній, настолько въ дѣйствіяхъ московскихъ князей Калиты, и Гордаго, высказывалась простая оборонитель-

¹⁾ Ник. лѣт. III. 192. Троиц. с. 84.

²⁾ П. С. Р. Л. IV. 60. Ник. лѣт. III. 195.

ная система, сдержанность, предоставляющая жизненным условиям действовать самим за себя, без напрасного пролития крови. И действительно, до тех поръ, пока литовские князья язычники расходились въ религиозныхъ вѣрованіяхъ съ подданными христіанами, литовская власть не страшна была Москвѣ. Народъ единился съ Москвой, мѣсто пребываніемъ религіознаго главы, и для поддержанія этого единенія было достаточно однихъ только духовныхъ мѣръ. Какое вліаніе оказывала религія на отношенія Литвы, ясно видно изъ положительнаго указапія лѣтописи: Псковитяне приглашали Ольгерда быть ихъ княземъ, но съ условіемъ пріятія имъ христіанской вѣры. Ольгердъ не согласился и Псковъ не могъ слиться съ Литвой. Ольгердъ при всемъ своемъ обширномъ умѣ не понималъ великаго значенія христіанства, не только не покровительствовалъ христіанамъ, какъ покойный его отецъ, напротивъ того, онъ выказывался часто суровымъ гонителемъ ихъ, чѣмъ и пользовалась московская церковь. Для примѣра беремъ слѣдующій случай.

Изъ числа приближенныхъ Ольгерда двое, Нежила и Круглецъ (Іоаннъ и Антоній), тайно исповѣдывали христіанскую вѣру. Литовскій князь долго не зналъ этого обстоятельства, но наконецъ замѣтивъ ихъ постоянное уклоненіе отъ исполненія языческихъ обрядовъ, спросилъ о причинѣ. Молодые люди объявили себя христіанами и, не смотря на настойчивыя требованія Ольгерда, не согласились на отреченіе. Сначала ихъ заключили въ темницу, потомъ били и мучили и наконецъ повѣсили. Такимъ же истязаніямъ и такой же казни подвергнулся и третій христіанинъ Евстафій. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ совершенія казни, московскій митрополитъ Алексій причислилъ этихъ трехъ мучениковъ къ числу святыхъ и установилъ совершать ихъ память 14 Апрѣля, не обративъ вниманія на непродолжительность времени отъ совершенія событія и не снѣсаясь въ такомъ важномъ обстоятельствѣ съ патріархомъ Цареградскимъ. Въ такомъ поспѣшномъ дѣйствіи митрополита нельзя не видѣть, кромѣ религіозной ревности, и политической стороны: поддержанія тѣс-

наго единенія съ Москвой и твердаго противодѣйствія литовской княжеской власти.

Смоленскій походъ Симеона, какъ и такой же походъ Калиты, точно также оказался послѣднимъ актомъ дѣятельности князя по отношенію къ вѣшнимъ событіямъ княжества. Великій князь Симеонъ Иоанновичъ Гордый умеръ 26 Апрѣля 1353 года.

ГЛАВА VI.

Симеонъ Иоанновичъ Гордый. Его смерть. Состояніе московскаго княжества и причины его возвышенія.

Въ послѣдніе годы княженія Симеона почти во всѣхъ русскихъ княжествахъ свирѣпствовала страшная моровая язва, извѣстная подъ именемъ *черной смерти*. Болѣзнь начиналась появленіемъ желѣзъ въ губахъ членовъ, на мягкихъ мѣстахъ, потомъ человекъ начиналъ харкать кровью и черезъ два или три дня умиралъ. Моровое повѣтріе началось на востокѣ въ ордѣ, въ Орлачѣ (при устьи Дона), въ Сараѣ и въ Бездежѣ, распространилось по сосѣднимъ областямъ и произвело страшное опустошеніе у Бесерменъ (Хивинцевъ), Татаръ, Орменъ (Армянъ), у Обезы (Абазинцевъ), Жидовъ и у Фрязъ (генуезцевъ и венеціанцевъ). Завезенная въ западную Европу торговыми кораблями, язва обошла Англію, гдѣ въ одномъ Лондонѣ умерло до 50 тысячъ жителей, Францію, Италію и Германію, оставляя позади себя вмѣсто многолюдныхъ городовъ почти пустыни. Изъ Швеціи болѣзнь перешла въ Псковъ и Новгородъ. Въ Псковѣ появился моръ весною 1352 г., по свидѣтельству лѣтописца ¹⁾ на цѣтвой недѣлѣ, и продолжался все лѣто до самой осени, „уже предъ зимою преста“. О количествѣ умершихъ конечно въ тѣ времена никакихъ свѣдѣній не могло быть, но что опустошеніе было страшное, это можно видѣть изъ описанія лѣтописца: „Попове не можаху проводить по одному изъ дворовъ, но веляху ко-

¹⁾ Псков. Лѣт. 6860 г.

муждо своя мертвыя на церковныя дворы приводити и всѣмъ единыя проводъ отпѣваху... тако полагаху по трое или по пяти головъ во единыя гробъ".¹⁾

По уменьшеніи смертности въ Псковѣ, зараза развилась въ Новгородѣ, гдѣ съ 15 Августа въ продолженіи всей зимы до Пасхи унесла множество жертвъ. Одновременно съ Новгородомъ язва свирѣпствовала и въ южныхъ русскихъ предѣлахъ кievской и черниговской областяхъ. Лѣтописи рассказываютъ о смертности въ смоленской и суздальской областяхъ, говорятъ о неимоверной смертности въ Глуховѣ и Бѣлозерскѣ, но вѣтъ положительнаго упоминанія о смертности въ Москвѣ, хотя дѣйствія ея тамъ не подлежатъ никакому сомнѣнію. 11-го Марта 1353 г. умеръ въ Москвѣ митрополитъ Θεогностъ, за нимъ черезъ нѣсколько дней умерли сыновья великаго князя Іоаннъ и Симеонъ, самъ великій князь умеръ 26 Апрѣля (тридцати шести лѣтъ отъ роду), а черезъ шесть недѣль младшій братъ великаго князя, Андрей.²⁾

Смерть митрополита Θεогноста не была чувствительной потерей для русской церкви. Чуждый по рожденію и воспитанію (грекъ), онъ вполне слѣдовалъ въ политическихъ движеніяхъ тому направленію, которое далъ московской церкви его знаменитый предшественникъ: вездѣ и во всемъ оказывался вѣрнымъ сотрудникомъ и исполнителемъ намѣреній московскихъ князей, сначала отца, Калиты, а потомъ сына, Симеона. Слабый здоровьемъ и не совсѣмъ знакомый съ русскимъ языкомъ (сохранились его официальные письма, подписанныя имъ по гречески³⁾), онъ внутреннее управленіе дѣлами церкви совершенно ввѣрилъ достойному представителю русскаго духовенства, прославленному угоднику Алексѣю, дѣятельность котораго, какъ преемника митрополита, имѣла неоспоримо громадное вліяніе и на церковныя и на княжескія отношенія того времени. Какимъ вліяніемъ обладалъ Святитель Алексѣй можно видѣть изъ того, что Симеонъ

¹⁾ Карамз. прим. 357 къ VI т.

²⁾ Никон. Лѣт. III. 201.

³⁾ Карамз. прим. 362 къ IV т.

Юанновичъ въ завѣщаніи своемъ поручаетъ братьямъ слушаться совѣтовъ Алексѣя, хотя тотъ въ то время не былъ еще митрополитомъ московскимъ.

Митрополитъ Алексѣй, старшій сынъ черниговскаго боярина Феодора Бяконта, родоначальника дворянскаго рода Плещеевыхъ, родился въ Москвѣ около 1293 года и при крещеніи названъ Елеверіемъ. ¹⁾ Съ юныхъ лѣтъ въ мальчикѣ замѣтна была склонность къ созерцательной жизни; онъ былъ молчаливъ, задумчивъ, постоянно удалялся отъ дѣтскихъ игръ и охотнѣе читалъ, какъ только выучился грамотѣ, священныя книги. Это чтеніе развило въ немъ религіозное стремленіе и возбудило желаніе посвятить себя служенію Богу поступленіемъ въ монашеское званіе. Двадцати лѣтъ онъ вошелъ въ московскій богоявленскій монастырь и при постриженіи получилъ имя Алексѣя. Строгая монашеская жизнь еще болѣе утвердила въ немъ высокія христіанскія истины. Двадцать лѣтъ онъ пробылъ въ богоявленскомъ монастырѣ и въ это время изучилъ греческій языкъ настолько, что могъ сличать славянскій переводъ священныхъ книгъ съ греческимъ подлинникомъ и дѣлать значительныя исправленія, которыя впоследствии послужили очень важнымъ пособіемъ при позднѣйшемъ исправленіи славянской библии. Въ чудовомъ монастырѣ хранится и въ настоящее время Евангеліе, исправленное имъ, которое въ дни посвященные его памяти выносятся во время литургіи.

Высокія достоинства инока Алексѣя, а главное знаніе имъ греческаго языка, не могли не обратить на себя вниманіе митрополита Феогноста, родомъ грека. Опѣнивъ достоинства Алексѣя, митрополитъ поручилъ ему управленіе церковными судами, имѣвшими тогда еще болѣе широкую юрисдикцію. Исправленіе этой обязанности заставило Алексѣя узнать во всей подробности истинное состояніе русской церкви. Затѣмъ пребываніе въ богоявленскомъ монастырѣ имѣло еще другое, не менѣе важное значеніе, оно познакомило его съ другимъ знаменитымъ дѣятелемъ русской церкви—Сергіемъ Радонеж-

¹⁾ Степен. кн. I. 444.

скимъ, котораго старшій братъ Стефанъ былъ настоятелемъ монастыря. Единство духа и стремленій сблизило Алексѣя и Сергія и ихъ дружба продолжалась во всю ихъ жизнь.

Митрополитъ Теононость желалъ имѣть Алексѣя своимъ преемникомъ. Съ этою цѣлью сначала онъ посвятилъ его въ 1352 въ епископы владимірской епархіи, а потомъ, вслѣдъ затѣмъ, съ послами Артеміемъ Воробьинымъ и Мпхаломъ грекомъ отправилъ въ Константинополь къ патріарху письмо съ просьбою не назначать въ русскіе митрополиты нкого кромѣ Алексѣя. Съ этою же просьбою отправились послы Дементій Давидовичъ и Юрій Воробьинъ отъ великаго князя къ императору Іоанну Кантакузину. Согласно этихъ просьбъ патріархъ вызвалъ къ себѣ Алексѣя, а между тѣмъ въ это время умерли Теононость и великій князь московскій. ¹⁾

Послѣдующая дѣятельность Алексѣя въ достоинствѣ московскаго митрополита, дѣятельность, полная пастырскихъ и политическихъ заботъ, принадлежитъ уже къ послѣдующему княженію, ко второй половинѣ XIV столѣтія. Сущность ученія и направленія достойнаго Іерарха ясно выражаются въ его пастырскихъ окружныхъ посланіяхъ и наставленіяхъ. Такъ, въ одномъ изъ этихъ посланій, онъ, напоминая прпчцу Спасителя о сѣятелѣ, увѣщаетъ быть землею доброю для пріятія истиннаго слова Божія, Евангелія, и для принесенія плода духовнаго въ тридцать, шестьдесятъ и во сто кратъ. Далѣе въ посланіи своемъ онъ говоритъ; вспоминаю вамъ, дѣти, слова Спасителя ученикамъ своимъ: заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга: посему узнаютъ, что вы ученики мои, если сохраните между собою любовь. Когда приходите въ церковь, имѣйте со всѣми миръ и со всѣми любовь и т. д.

Сотоварищъ Святителя Алексѣя, знаменитый основатель Троицко-Сергіевской Лавры, преподобный Сергій (по свѣтскому имени Вареоломей) ²⁾ родился въ 1314 году въ Ростовѣ отъ родителей боярскаго рода, хотя и недостаточныхъ. Рапо, съ семи лѣтъ, ребенка начали учить грамотѣ, но первые опыты

¹⁾ Новгород. Лѣт. 6860 г.

²⁾ Никон. Лѣт. IV 203.

не обнаружили блестящихъ способностей ученика, но зато доказали его прилежаніе и врожденную стойкость. Съ продолженіемъ ученія въ ребенкѣ начали развиваться способности и наклонность къ чтенію единственно бывшихъ въ то время книгъ священнаго писанія; это чтеніе повліяло на его впечатлительный умъ, совершенно отвлекло отъ свойственныхъ возрасту дѣтскихъ игръ и развило до крайней степени созерцательное настроеніе. Черезъ нѣсколько лѣтъ семейство Вареоламея должно было по домашнимъ обстоятельствамъ переселиться въ Радонежъ, поселеніе близъ Москвы, въ удѣлѣ брата Симеона, Андрея Іоанновича, гдѣ и раздѣлилось; старшіе братья поженились, а Вареоламей пожелалъ поступить въ монашество. Однако, желаніе его тогда не исполнилось по несогласію родителей и только со смертію послѣднихъ юноша вполне отдался своему влеченію, отказался отъ наслѣдства въ пользу младшаго брата и ушелъ для житія въ пустынные мѣстности. Тамъ присоединился къ нему старшій братъ Стефанъ, инокъ изъ Хотькова монастыря, куда поступилъ послѣ смерти жены. вмѣстѣ оба брата поселились среди густаго лѣса въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Радонежа, сначала изготовили себѣ шалашъ изъ хвороста и листьевъ, потомъ поставили келью и, наконецъ, срубили маленькую деревянную церковь во имя Св. Троицы. Изъ этого-то скуднаго, скрытаго отъ міра жилища образовалась наша знаменитая Лавра.

Вскорѣ послѣ освященія церкви Стефанъ ушелъ въ Москву, гдѣ и поступилъ въ Богоявленскій монастырь. Съ уходомъ брата еще труднѣе стало жить оставшемуся одинокому отшельнику, которому тогда пошелъ 24-й годъ, слѣдовательно та пора, когда полное развитіе физическихъ силъ неодолимо увлекаетъ къ удовольствіямъ жизни. Но молодой отшельникъ поборолъ чувственные страсти, и, получивъ постриженіе съ именемъ Сергія, продолжалъ неутомимо нести тяжкіе труды. Слухъ о святой жизни отшельника не могъ не распространиться по окрестности; къ нему стали приходять за благословеніемъ, совѣтомъ и наставленіемъ. Стали приходять и люди, пожелавшіе раздѣлить съ нимъ опасности отшельнической жизни и въ самомъ непродолжительномъ вре-

мени собралось около него до двѣнадцати братій. Потребовалась организациа новаго братства и назначеніе игумена или настоятеля. По общему выбору и по распоряженію мѣстнаго епископа Сергій посвященъ былъ игуменомъ новаго духовнаго общества.

Между тѣмъ слава о Радонежскомъ подвижникѣ распространялась все болѣе и болѣе; къ нему прибѣгали издалека, со всѣхъ сторонъ люди всѣхъ состояній: княжескаго, боярскаго и чернаго рода; даже духовные предпочитали жизнь полную лишеній и опасности около него своей обезпеченной и болѣе спокойной. Такъ архимандритъ Симеонъ, оставивъ свой монастырь въ Смоленскѣ, перешелъ къ Сергію, какъ простой послушникъ. Константинопольскій Патріархъ прислалъ ему крестъ, парамандъ и схиму. Но при всей своей духовной, созерцательной жизни и при всемъ отреченіи отъ міра Сергій не чуждался общественныхъ дѣлъ, бывалъ совѣтникомъ князя въ политическихъ вопросахъ, иногда принималъ на себя исполненіе порученій князя, иногда своимъ посредничествомъ предупреждалъ и умиротворялъ княжескія столкновенія. Хотя политическое участіе болѣе проявилось въ княженіи брата и племянника Симеона, но тѣмъ не менѣе его значеніе обнаруживалось и при самомъ Симеонѣ. Московское духовенство стояло во главѣ Руси и не столько своимъ вѣшнимъ положеніемъ, сколько своимъ нравственнымъ, духовнымъ вліяніемъ. Примѣры и ученія такихъ Святителей, каковы были митрополитъ Петръ, митрополитъ Алексѣй и Сергій Радонежскій воспитали послѣдующій рядъ выдающихся лицъ каковы были: Кириллъ Бѣлозерскій (1337 — 1427), Стефанъ просвѣтитель Пермь (1340 — 139), Іона Новгородскій и друг. Есть даже извѣстіе, что пѣтъ сыновей Симеона Гордаго, одинъ будто, оставшійся въ живыхъ, отказался отъ міра и сдѣлался юродивымъ подъ именемъ Мхалла Клонскаго.

Отношенія митрополита къ великому князю и при Симеонѣ Гордомъ оставались тѣми же, какъ и при Калитѣ. Духовенство дѣятельно поддерживало авторитетъ князя и не протестовало даже и тогда, когда въ дѣйствіяхъ московскаго князя проявлялось прямое нарушеніе правды каноническихъ,

какъ это видимъ на примѣрѣ въ дѣлѣ супружества Симеона Гордаго. Извѣстно, что Симеонъ былъ женатъ три раза: въ первый разъ, еще при жизни отца, на сестрѣ Ольгерда, Анастасіи, умершей вскорѣ послѣ смерти Калпты въ Черницахъ и схимѣ (положена въ Кремлевской церквѣ Преображенія), во второй разъ, въ 1345 году, на дочери какого-то смоленскаго князя Ѳедора Святославича, Евпраксіи, а въ третій въ 1347 году, послѣ развода съ Евпраксіей, на Тверской княжнѣ Марьѣ, дочери Александра Михайловича. Строго говоря, третій бракъ не могъ бы быть совершенъ, такъ какъ разводъ второго брака состоялся неправильно. Что супружество съ Евпраксіей совершилось по желанію Симеона, въ этомъ не можетъ возникнуть никакого сомнѣнія, какъ и по несуществованію принудительныхъ причинъ, по крайней мѣрѣ со стороны Симеона, такъ и по расположенію, которое оказывалъ московскій князь отцу Евпраксіи, презвавъ его къ себѣ и отдавъ ему вотчину *Волокъ совстьмъ*. Причину развода источники объясняютъ различно; по однимъ объясняется испорченностью княгини на свадьбѣ: ляжетъ съ великимъ княземъ и она ему покажется мертвецъ, по другимъ же нерожденіемъ дѣтей ¹⁾. Какъ бы то ни было, но великій князь отослалъ жену свою обратно къ отцу и велѣлъ отдать ее замужъ—вслѣдствіе чего князь Ѳедоръ и выдалъ ее за Ѳедора за краснаго, за большаго Фоминскаго, отъ котораго она имѣла 4-хъ сыновей. Сравнивъ оба извѣстія нетрудно видѣть причину развода въ тайной склонности княгини къ другому и можетъ быть къ этому же большому Фоминскому. Но если причина развода казалась основательною самимъ супругамъ, то тѣмъ не менѣе она не была законной и самъ лѣтописецъ, говоря о третьемъ супружествѣ, прибавляетъ, что князь «преступи законъ Божій». Однако, не смотря на это нарушеніе закона Божія, со стороны духовенства не встрѣтилось никакого явнаго протеста.

Симеонъ Іоанновичъ имѣлъ 6 сыновей, изъ которыхъ четверо Василий, Константинъ, Михайлъ и Давидъ умерли задолго до смерти отца, а двое Симеонъ и Іоаннъ въ Мартѣ

¹⁾ Никон. Лѣт. III. 181. Рус. Врем. I. 173.

1353 года на одной недѣлѣ съ митрополитомъ Теогностомъ п мѣсяцемъ ранѣе отца ¹⁾). Слѣдовательно, въ моментъ смерти Гордаго, въ живыхъ изъ многочисленнаго княжескаго семейства остались только вдова и двое братьевъ Іоаннъ и Андрей, изъ которыхъ послѣдній тоже вскорѣ умеръ.

Умрѣвъ 36 лѣтъ въ схимѣ подъ именемъ Созонта, великій князь оставилъ духовное завѣщаніе ²⁾, въ которомъ высказаны распоряженія точно такія же, какъ и въ завѣщаніи Калпты, съ тою разницею, что въ духовной Симеона выражено болѣе нѣжной заботливости о любимой молодой женѣ. Всѣ завѣщательныя распоряженія Симеона, какъ и отца его, имѣютъ характеръ распоряженій собственника, распоряженій вотчинныхъ. Послѣ обычнаго религіознаго обращенія и заявленія о своей правоспособности (цѣлымъ умомъ) завѣщаніе говоритъ: даю рядъ своей княгинѣ: велѣлъ есмь у нее быти своему дядѣ Василью. А по Бозѣ приказываю своей братьѣ, князю Ивану и князю Андрею свою княгиню и своего... и свои бояре; положилъ есмь на Бозѣ и на васъ на своей братьи, тако именн блюсти *по нашему докончанью, како тогда мы цѣловали крестъ у отца гроба*. Затѣмъ, исчисляя города, волости и села, какъ предоставленные ему покойнымъ отцемъ; такъ и купленные имъ самимъ, а также и движимое имущество, великій князь отказалъ женѣ своей: «то есмь все далъ своей княгинѣ». Далѣе встрѣчается весьма знаменательное выраженіе, указывающее на существованіе различія между великимъ княженіемъ и московскимъ: „а что буди судимъ когда великомъ княженѣ и *вотчинѣ своей на Москвѣ*“... Наконецъ, послѣ распоряженія объ отпускѣ на свободу людей дѣловыхъ, прикупленныхъ, тиуновъ, поселскихъ, ключниковъ и старость въ заключеніи завѣщанія говорится: «а все есмь ее положилъ на Бозѣ, и на своей братьѣ на князѣ на Иванѣ и на князѣ на Андрѣѣ. А по отца нашего благословенью, что намъ приказалъ жити за одинъ; тако же и язъ вамъ приказываю своей братьи жити за одинъ; а ликихъ бы есте лю-

¹⁾ Никон. Лѣт. III, 201.

²⁾ С. Г. I. и Д. I. я 24.

дей не слушали, и кто имѣть васъ свазивати, слушали бы есте отца нашего Владыки Олексыя, такоже старыхъ боярь, кто хотѣлъ отцю нашему добра и намъ». Въ концѣ же духовной высказывается цѣль его составленія и мѣра огражденія: «А пишу вамъ се слово того дѣля, *чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша*, и свѣча бы не угасла. А кто сію грамоту иметь рушпш судить ему Богъ въ семь вѣцѣхъ и въ будущемъ». ¹⁾

Очевидно всѣ распоряженія имѣютъ характеръ распоряженій вотчинныхъ, распоряженій собственника, хозяина, но не государя. Прочитавъ его со вниманіемъ, можно было бы предположить, или что было другое завѣщаніе, касающееся если не собственно великаго княжеста, то княжества московскаго, или что престолонаслѣдіе было обставлено правилами, потребовавшими, по твердости своей, новыхъ подтвержденій. Но ни того, ни другаго не было. Единственное указаніе на опредѣленіе княжескихъ отношеній заключается въ ссылкѣ на докончанье (договоръ 1341 года) или, лучше сказать, на завѣщаніе Іоанна Калиты, такъ какъ докончанье служитъ только исполненіемъ того завѣщанія. А между тѣмъ въ завѣщаніи Калиты высказано было только: «приказываю дѣтямъ своимъ воичину Москву,» точно также, какъ и нынѣ всякій добрый отецъ семейства приказываетъ одну часть имѣнія, болѣе цѣнную, въ общее владѣніе дѣтямъ, а другую часть назначаетъ въ раздѣлъ. Что же касается до условій въ докончаньи имѣть младшимъ братьямъ врагами и друзьями тѣхъ, которые друзья или враги старшему брату и выступать въ походъ по распоряженію старшаго брата, то и въ этихъ статьяхъ, при рассмотрѣніи ихъ съ предшествующими и послѣдующими мѣстами договора, нельзя не видѣть условій членовъ дружнаго, крѣпко любящаго другъ друга семейства, именно такого семейства, какимъ счумѣлъ воспитать умный Калита. Доказательствомъ этой мысли служитъ заботливость братьевъ о томъ, чтобъ не держать другъ на друга никакого нелюбья и въ отсутствіи всякихъ мѣръ, которыя служили бы

¹⁾ С. Г. Г. и Д. т. I. ст. 37.

къ огражденію установленныхъ условій, что было бы совершенно необходимо при политическомъ характерѣ условій.

Княженіе Симеона Иоанновича, продолжавшееся около 12 лѣтъ, составляетъ продолженіе во всѣхъ отношеніяхъ княженія отца его. Также не любовь къ ратнымъ дѣламъ и во всякаго рода рискованнымъ, рѣшительнымъ дѣйствіямъ, то же стремленіе къ увеличенію своихъ доходовъ, къ приобрѣтенію покупокъ и вообще всякими способами сель и волостей, даже въ другихъ княжествахъ и то же унижительное заискиваніе въ ордынцахъ. Симеонъ, какъ уже было сказано, нѣсколько разъ былъ въ ордѣ и каждый разъ, по выраженію лѣтописцевъ, возвращался отъ хана съ великой честью. При немъ, точно также какъ и при Калитѣ, московскій народъ не звалъ ордынскихъ посланцевъ (хотя въ 1347 году и находился въ Москвѣ татарскій посолъ Кога, но въ лѣтописяхъ не упоминается о сдѣланныхъ имъ насиліяхъ) и, слѣдовательно, могъ безбоязненно отдаваться производительному труду. Промышленность развилась, а ея развитіе обусловило развитіе торговли, какъ внутренней, такъ и внѣшней по прежнимъ путямъ на западъ черезъ Новгородъ, на югъ съ греками и на югъ-востокъ съ ордынцами. Какъ дѣйтельны были торговля сношенія, можно видѣть уже и изъ того, что братское докончанье и завѣщаніе Симеона написаны на *бумагѣ*, бывшей въ то время большой рѣдкостью даже на западѣ.

При Симеонѣ встрѣчаются въ Москвѣ и собственные, доморощенные художники. Въ 1344 году ¹⁾ расписаны были двѣ каменные церкви св. Богородицы и св. Михаила: въ первой работали греки, писцы митрополита Теоноста, а во второй русскіе писцы князя Великаго Симеона Ивановича «въ нихъ же бѣ старѣйшины и начальники иконописцевъ: Захарія, Іосифъ, Николай и прочая дружна ихъ». Въ слѣдующемъ 1345 г. расписывалась церковь св. Спаса казною и велѣніемъ великой княгини Анастасьи мастеромъ, старѣйшиной иконописцевъ, Гейтаномъ, о которомъ въ Никоновской лѣтописи говорится: начальникъ былъ русскій родомъ, а греческій уче-

¹⁾ Троиц. лѣт. 6852.

вицы Гейтанъ и Семень и Иванъ». Затѣмъ въ слѣдующемъ 1346 г. упоминается о знаменитомъ литейщикѣ Борисѣ, слышавшемъ три большіе колокола и два малыхъ. Объ этомъ Борисѣ упоминаетъ и Новгородская лѣтопись подъ 1342 годомъ: Владыка Василій повелѣ сляти колоколъ великъ къ св. Софіи и приведе мастера съ Москвы челоуѣка добра, именемъ Бориса.

Гордый умеръ рано, 36 лѣтъ, слѣдовательно, до наступленія еще того возраста, когда страсти уступаютъ мѣсто холодному разуму, но не смотря на такія лѣта, во всѣхъ дѣйствіяхъ его видны холодная расчетливость и осторожность. Почему именно ему дано было названіе Гордаго, — по не имѣнію положительнаго факта, свидѣтельствующаго объ его надмѣнности, кромѣ извѣстія Татищева объ оскорбительномъ его обращеніи съ Новгородцами, — опредѣлять трудно. Вѣроятно, сознавая свою силу, онъ въ сношеніяхъ съ князьями поступалъ самостоятельно и требовалъ безусловнаго повиновенія. Въ отношеніяхъ же братскихъ онъ постоянно выказывалъ сердечную привязанность. Наконецъ, изъ его характеристики необходимо упомянуть еще объ одной чертѣ, которой лѣтописцы придавали особенную важность — это трезвость, не употребленіе никакого вина, въ чемъ лѣтописцы находили начало мудрости.

Говоря о характеристикѣ, встаетъ вспомнить мнѣніе о московскихъ князьяхъ нашего заслуженнаго ученаго, С. М. Соловьева. „Всѣ они (московскіе князья) похожи другъ на друга, въ ихъ *безстрастныхъ* ликахъ трудно уловить исторіку характеристическія черты каждаго; всѣ они заняты одною думою, всѣ идутъ по одному пути, *идутъ медленно*, осторожно, но постоянно неуклонно; каждый ступаетъ шагъ впередъ передъ своимъ предшественникомъ, каждый приготовляетъ для своего преемника возможность ступить еще шагъ впередъ“. Съ этимъ мнѣніемъ невозможно согласиться. Нельзя назвать безстрастною личность Данила Московскаго, энергически домогавшагося признанія за Москву значенія великаго княжества и принимавшаго дѣятельное участіе въ борьбѣ братьевъ Андрея и Дмитрія Александровичей, еще менѣе безстрастенъ Юрій Даниловичъ, котораго все княженіе наполнено неутомимой

борьбой, веденной съ страстнымъ увлеченіемъ, нельзя точно также назвать безстрастными и нехарактеристичными лицами Иоанна Калиту и Симеона Гордаго, хотя ихъ княженія, продолжавшіяся оба совокупно только около 24 лѣтъ, не ознаменованы никакими разными чертами, несвойственными тогдашнему складу московской жизни. Да историкъ и не нужно крупныхъ событій для характеристики историческихъ лицъ. При внимательномъ изученіи памятниковъ въ данной эпохѣ народной жизни, во всѣхъ ея проявленіяхъ, самый ничтожный фактъ, самый неясный намекъ лѣтописнаго извѣстія одѣваетъ историческую личность плотью и кровью. Нельзя согласиться также и съ заключеніемъ о медленности дѣйствій московскихъ князей. О медленности не можетъ быть и рѣчи при существованіи факта развитія Москвы изъ простаго бѣднаго населенія въ великое княжество съ преобладающимъ значеніемъ въ какіе нибудь пол-вѣка. Если же эти дѣйствія князей были осторожны, если они не сопровождались кровавыми народными жертвами, если они были результатомъ чуткаго пониманія народной жизни и ея потребностей, то тѣмъ болѣе безспорно они заслуживаютъ вниманія историка.

Не смотря на полное отсутствіе крупныхъ, выѣшнихъ явленій, первая половина XIV столѣтія представляется намъ весьма важнымъ историческимъ моментомъ. Въ сѣверо-восточной Руси въ этотъ моментъ выдвинулось княжество, ставшее въ короткое время въ главѣ Руси и выработавшее въ себѣ тѣ жизненные силы, которыя въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ привели къ государственному строю. Съ этого момента исторія этого княжества становится исторіей Россіи. Какія же были причины такого возвышенія? Почему именно Москвѣ, а не другому какому либо княжеству выпала счастливая доля слѣдаться фокусомъ всѣхъ русскихъ интересовъ? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ лежитъ въ содержаніи изложенныхъ событій, въ должномъ освѣщеніи cadaго изъ этихъ событій въ отдѣльности и въ ихъ взаимномъ отношеніи другъ къ другу, въ правдивомъ представленіи значенія ихъ и смысла, именно того значенія и смысла, какое имѣли въ себѣ лѣтописныя

извѣстія и, наконецъ, въ представленіи, по возможности, отрѣшенномъ отъ всякой предвзятой идеи.

Вопросъ о причинахъ возвышенія Москвы занималъ многихъ, изъ нашихъ историковъ: Карамзина, Полеваго, Погодина, Каченовскаго, Соловьева и друг. и каждымъ изъ нихъ сказано вѣское слово. Но отдавая должную справедливость ихъ учености и провѣстительности, нельзя не замѣтить то неправильности, то односторонности въ освѣщеніи ими рассматриваемаго предмета, отчего значеніе нѣкоторыхъ фактовъ или оставлено въ тѣни, или получило невѣрные размѣры. Карамзинъ приписываетъ возвышеніе Москвы ордѣ. Онъ говоритъ: „могло пройти еще сто лѣтъ и болѣе въ княжескихъ междуособіяхъ: чѣмъ заключились бы оныя, вѣроятно, погибелью нашего отечества: Литва, Польша, Венгрія, Швеція могли бы раздѣлать оное: тогда мы утратили бы и государственное бытіе и вѣру, которыя спасены Москвою: Москва же обязана своимъ величіемъ ханамъ“ ¹⁾. Освѣтивъ такимъ образомъ одну сторону княжескихъ отношеній, сторону хотя и весьма важную, но далеко не единственную и особенно вліятельную, нашъ исторіографъ оставилъ въ тѣни полунеясными другія, болѣе существенныя явленія народной жизни, не обратилъ вниманія ни на значеніе служилаго сословія, ни на значеніе духовенства и, наконецъ, не придавалъ даже должнаго вѣса силѣ народнаго духа.

Покойный академикъ Погодинъ объясняетъ возвышеніе Москвы счастливымъ стеченіемъ благоприятныхъ для нея обстоятельствъ и, наоборотъ, неблагоприятныхъ для враговъ ея. „Всѣ болѣзни, по мнѣнію Погодина, посылались на Москву не вдругъ, а какой-то чередой, когда уже готовы для нихъ были врачеванія“. Въ числѣ этихъ счастливыхъ обстоятельствъ полагаются и существованіе такихъ первыхъ князей, какъ Іоаннъ Калита, выбравшихъ своей резиденціей Москву, и положеніе послѣдней въ средоточіи всѣхъ важныхъ княжествъ того времени, и принятіе московскими князьями на себя обязанности сборщиковъ ханской дани, и заслуги московской

¹⁾ И. Г. Р. т. V. гл. IV.

аристократіи и, наконецъ, самая смерть, отстранившая поводъ къ междоусобию московскихъ князей ¹⁾). Взглядъ покойнаго академика шире и многостороннѣе, но онъ далеко не обнимаетъ собою всей сущности вопроса. Такъ въ изложенномъ изясненіи счастливыхъ обстоятельствъ совершенно пропущено вліяніе духовенства, тогда какъ оно, составляя самую впечатлительную часть народа того времени, стояло во главѣ и не могло не имѣть вліянія на судьбу его. При томъ счастливость и несчастливость предполагаетъ понятіе случайности, а въ исторіи не можетъ быть случайныхъ обстоятельствъ; точно также странно встрѣтить въ ряду счастливыхъ обстоятельствъ самихъ факторовъ народной жизни.

Мнѣніе профессора Каченовскаго изложено въ статьѣ ученика его Станкевича о причинахъ постепеннаго возвышенія Москвы до смерти Іоанна III ²⁾). По основному мнѣнію этого ученаго возвышеніе Москвы главнымъ образомъ произошло отъ географическаго ея положенія. Занимая центральное положеніе между сѣверомъ и югомъ и разъединяя силы независимыхъ княжествъ, Москва расширялась изъ центра къ окружности, постепенно присоединяя къ себѣ сосѣднія владѣнія и образуя такимъ образомъ московское государство. Затѣмъ этому основному условію содѣйствовали, какъ полагаетъ Каченовскій, и другія вліянія, къ которымъ онъ относитъ: вліяніе монголовъ, духовенства и политику первыхъ московскихъ князей. Особенное достоинство взгляда профессора Каченовскаго состоитъ въ томъ, что онъ, кажется, первый у насъ обратилъ вниманіе на возможность вліянія природы, на историческую жизнь народа, но въ изслѣдованіи Станкевича замѣчается весьма важная неполнота въ игнорированіи вліянія московской аристократіи.

Однимъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ нашей исторіи до сихъ поръ служитъ вопросъ о степени вліянія орднцевъ вообще на русскую жизнь, въ особенности на усиленіе самодержавія, а слѣдовательно и на усиленіе Москвы. По этому

¹⁾ Историко-критич. отрыв. о Москвѣ 133—159. Очерк. Рус. Шт. 26.

²⁾ Учен. зап. Москов. Унив. 1834 г. 1.

поводу существуютъ два мнѣнія, діаметрально противоположныя. По мнѣнію однихъ историковъ (С. М. Соловьевъ) татары не способны были имѣть, и, дѣйствительно, не имѣли никакого вліянія на русскую государственную жизнь, подобно тому, какъ не имѣли вліянія предшественники ихъ—половцы ¹⁾. По мнѣнію же другихъ (Н. И. Костомаровъ) ²⁾ вліяніе татаръ напротивъ было рѣшительное и глубокое, вложивъ въ русскую жизнь идею самодержавія, осуществленную московскою княжескою властью, прототипомъ которой послужила власть ханская. Оба мнѣнія по увлеченіямъ къ крайностямъ ошибочны. Не отрицая вліянія орды въ ослабленіи самостоятельности народа, земства, о чемъ будетъ подробно сказано ниже,—нельзя согласиться вмѣстѣ съ тѣмъ и со сторонниками ордынцевъ. Антагонизмъ русскихъ и татаръ, несогласныхъ ни характеромъ, ни вѣрой, постоянно поддерживался угнета-тельнымъ образомъ дѣйствій послѣднихъ и уже вслѣдствіе одного этого обстоятельства не могъ ввести въ русскую жизнь прототипа власти.

Взглядъ извѣстнаго нашего ученаго, С. М. Соловьева, относительно причинъ возвышенія московскаго княжества, отличается большею разносторонностью и ефектностью. Собственно этотъ предметъ не былъ цѣлью его спеціального изслѣдованія, но онъ составлялъ необходимую часть его исторіи отношеній князей Рюрикова дома. Характеризуя бытъ русскихъ княжествъ до Андрея Боголюбскаго господствомъ родовыхъ отношеній, почтенный профессоръ отырываетъ въ развитіи Москвы стремленіе выдвинуть государственныя отношенія на мѣсто ослабѣвшаго родоваго быта, поставить князей другихъ русскихъ княжествъ изъ родичей на ступень подручниковъ. Причисляясь къ городамъ новымъ, въ которыхъ, въ противоположность городамъ старымъ, явилось новое понятіе о собственности и отдѣльномъ владѣніи, Москва подобно всѣмъ другимъ новымъ городамъ стремилась увеличиться и усилиться всѣми возможными способами. Что это стремленіе у мо-

¹⁾ Бестужевъ-Рюминъ, Рус. ист. I. 278.

²⁾ „Начало единоподержавія въ др. Русіи“ истор. мон. и изслѣд. т. XII.

сковскихъ князей оказалось не только болѣе плодотворнымъ и результатнымъ, по даже дѣйствительно подавляющимъ по отношенію къ сосѣднимъ княжествамъ, этому обстоятельству, по мнѣнію ученаго профессора, способствовали многія общія и исключительныя условія, къ которымъ онъ относитъ: территориальное положеніе Москвы, умную политику первыхъ московскихъ князей, ихъ расчетливость и хозяйскую способность, вліяніе духовенства, благопріятныя отношенія монголовъ и дѣятельность бояръ. Всѣ эти условія, въ особенности участіе бояръ обслѣдованы съ тою ясностью и логической послѣдовательностью выводовъ, которыми вообще отличаются труды этого ученаго. Но при всѣхъ этихъ капитальныхъ достоинствахъ изслѣдованія С. М. Соловьева имѣютъ характеръ увлеченія. Выставляя на первый планъ родовое начало и неутомимо слѣдя за нимъ въ княжескихъ отношеніяхъ, единственно доступныхъ обслѣдованію, онъ не обратилъ должнаго вниманія на внутреннюю народную жизнь и упустилъ взъ впда другія стороны общественнаго быта, между тѣмъ, какъ по вашимъ лѣтописнымъ извѣстіямъ княжескія отношенія составляютъ собою отдѣльныя явленія, не составляющія типа общественнаго строя того времени. Притомъ же самая теорія городовъ старыхъ и новыхъ еще не окончательно выяснена и доказана.

Возвышеніе Москвы составляло продуктъ предшествующей исторической жизни, естественное явленіе, въ которомъ, какъ и въ каждомъ естественномъ явленіи, не могло быть ничего удивительнаго, не могло быть никакихъ случайныхъ счастливыхъ обстоятельствъ. Наши лѣтописи рисуютъ состояніе славянскихъ волостей, до вторженія татаръ, въ постоянной борьбѣ внутреннихъ элементовъ, такъ какъ отношенія этихъ элементовъ оставались неопредѣленными, безъ органическаго строя. Вѣче, пзображая высшій законодательный и правительственный органъ, непрерывно сталкивалось съ княжеской властью, которая, обладая судебною, полицейскою и военными частями, не могла не выходить изъ неопредѣленныхъ и неясныхъ предѣловъ своего вѣдѣнія. Ряды, заключаемые вѣчемъ съ княжеской властью, при отсутствіи положительныхъ и обязатель-

ныхъ началъ, не могли, конечно, опредѣлить всѣхъ возможныхъ случаевъ, а потому и нерѣдко должны были представляться поводы къ неурядицѣ и борьбѣ. Такое положеніе постоянной борьбы, какъ внутри самой волости, такъ и въ столкновеніяхъ волостей и князей между собою, истощало силы обществъ и исключало всякую возможность къ прочному организованію. Доказательство этого вывода видимъ въ жизни Новгорода, сохранившаго до своего паденія, вслѣдствіе своего мѣстнаго положенія, первоначальную общественную форму. Несмотря на высокое развитіе торговыхъ сношеній и благосостоянія, онъ постоянно раздирался внутренними усобицами и не могъ выработать начала, способнаго къ дальнѣйшему прочному и живому развитію.

Татарская орда, разгромивъ славянскія волости, произвела существенное, хотя и не непосредственное вліаніе на ихъ судьбу. Многіе, какъ было сказано выше, изъ нашихъ историковъ совершенно отвергаютъ всякое вліаніе монголовъ на наши древнія общества, но такое отрицаніе слишкомъ поспѣшно. Правда, находясь сама на низкой степени цивилизаціи, орда не могла непосредственно и передать намъ начала гражданственности, но тѣмъ не менѣе вліаніе ея, хотя и посредственное, было значительно. Оно проявилось, главнымъ образомъ, въ разрѣшеніи въ славянскихъ волостяхъ свободного класса. Опустошительный грабежъ и полонъ ордынцевъ, естественно, всей своей тяжестью налегъ на свободный классъ, такъ какъ по состоятельности только этотъ классъ могъ удовлетворить ненасытной жадности къ добычѣ и такъ-какъ выкупъ могъ ожидать только отъ полоняниковъ изъ этого класса. И полоняники, послѣ выкупа, и ограбленные принуждались прибѣгать къ займамъ и вообще къ различнаго рода обязательствамъ, чѣмъ по необходимости становились уже въ разрядъ если не совершенно безправный, то во всякомъ случаѣ въ полуправный классъ, который такимъ образомъ долженъ былъ увеличиваться и дѣйствительно увеличивался въ громадномъ размѣрѣ, какъ это извѣстно изъ нашихъ источниковъ. А такъ какъ на вѣче участвовали только полноправные классы, то съ уменьшеніемъ количества послѣднихъ,

естественно, уменьшалось значеніе вѣча, и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшалось и противодѣйствіе княжеской власти. Затѣмъ при всей справедливости мнѣнія о томъ, что татары не касались ни до дѣлъ вѣры, ни вообще до дѣлъ внутренняго распорядка въ славянскихъ волостяхъ, нельзя, однакожъ, безусловно и рѣшительно отвергать всякое вліяніе простаго примѣра. Неограниченность ханской власти, тяготѣвшей надъ Русью въ теченіи многихъ вѣковъ, не могла не принизить русскаго народа, не могла не пзмѣнить его прежняго взгляда на власть княжескую, какъ только на верховно-судебную, полицейскую и военную. Притомъ же, служа представителемъ хана, а потомъ и баскакомъ его, русскіе князья у себя дома невольно стали подражать и стали считать себя въ правѣ требовать такой же авторитетности, какою пользовалась власть ханская въ ордѣ. Такое требованіе еще болѣе укрѣплялось въ томъ случаѣ, когда утвержденіе въ княжескомъ достоинствѣ какого либо княжества происходило въ преемственномъ родѣ.

Признавая такимъ образомъ важность посредственнаго вліянія татарскаго ига на ослабленіе вѣчевыхъ собраній и на усиленіе одновременно власти князей, должно замѣтить, что это вліяніе не могло быть одинаковымъ во всѣхъ волостяхъ. На югѣ, гдѣ существовавшій порядокъ имѣлъ глубокіе корни, гдѣ народъ вслѣдствіе естественныхъ условій живѣе чувствовалъ и проявлялъ свою дѣятельность, тамъ, конечно, татарское вліяніе не въ силахъ было измѣнить кореннаго порядка, но на сѣверѣ, гдѣ населеніе холоднѣе относилось къ своимъ правамъ, гдѣ оно болѣе заботилось о потребностяхъ своего существованія, гдѣ оно вынуждалось болѣе трудиться для своего содержанія, тамъ это вліяніе, конечно, отразилось въ болѣе существенномъ размѣрѣ и, наконецъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ не возникало прежняго устройства славянскихъ обществъ, тамъ образовались другой взглядъ и другой строй.

Этотъ-то новый порядокъ и установился въ Москвѣ подѣ вліяніемъ новыхъ условій. Въ Москвѣ не совершилось никакой ломки. Тамъ не было и не могло быть вѣчевыхъ собраній. Вотчина боярина Кучукъ, послѣ казни этого боярина, сдѣла-

лась вотчинной князи и населилась людьми обязанными къ нему, по всей вѣроятности полусвободными или совершенно несвободными. На это отношеніе указываетъ особенность Іустинской лѣтописи. Въ этой лѣтописи съ 1146 года всѣ великіе князья владимірскіе и суздальскіе, Андрей Боголюбскій, Всеволодъ Юрьевичъ (большое гнѣздо) и даже Александръ Невскій называются московскими князьями. Такъ подъ 6679 (1171) годомъ говорится ¹⁾: «и отселѣ внаде княженіе кіевское, а володимірское въ *Москву* вознесется, оттоли бо *московскіе князи* надъ кіевскими начата владѣти». Не указывается ли здѣсь прямо на вотчинную принадлежность, какъ собственности, Москвы великимъ князьямъ, подобно тому, какъ и въ настоящее время народъ называетъ мѣстныхъ правительственныхъ лицъ по именамъ ихъ вотчинъ: спасскій баринъ, березовскій баринъ и т. п. Вотчинныя отношенія Москвы къ князьямъ, отношенія собственности къ владѣльцамъ продолжались долго, до того времени, когда народная жизнь образовала органическое устройство государственныхъ элементовъ и опредѣлила ихъ отношенія между собою, когда сліяніе съ Москвою (при Іоаннѣ III) многихъ русскихъ княжествъ великихъ и невеликихъ вызвало необходимость въ регламентаціи частей, уже способныхъ къ самостоятельному существованію.

Такимъ образомъ основываясь на существенныхъ чертахъ народной жизни, было бы правильнѣе и основательнѣе назвать первые періоды русской исторіи вѣчевымъ — до образованія московскаго княжества и вотчиннымъ — до государстванія Іоанна III. Изложеніе образованія и постепеннаго сформированія государственныхъ элементовъ, совершившихся въ послѣдующее время, составитъ предметъ особаго изслѣдованія, — въ первой же половинѣ XIV вѣка государственныхъ элементовъ не находилось и всѣ сохранившіеся историческіе памятники не представляютъ ни малѣйшихъ слѣдовъ государственнаго начала, какъ въ древнемъ періодѣ до XIV столѣтія, гдѣ существовали первобытные славянскія общества, такъ и въ

¹⁾ П. С. Р. Л. П. (Іуст.) 311.

теченіи этого полустолѣтія, гдѣ совершалось развитіе вотчинной власти князя. Изъ этого видимъ, какъ медленно выростала русскій государственный организмъ. Да оно и понятно. Чѣмъ сложнѣе и грандіознѣе организмъ, говорятъ натуралисты, тѣмъ медленнѣе совершается его развитіе.

Для большаго выясненія вопроса обратимся къ подробному разсмотрѣнію въ первой половинѣ XIV столѣтія тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается государственное начало, къ разсмотрѣнію правительственной власти, народнаго состава и т. п.

Г Л А В А IX.

Правительственная власть.

Переходимъ къ разсмотрѣнію внутренняго состоянія московскаго княжества первой половины XIV вѣка, къ разсмотрѣнію общественнаго быта по отношенію къ основнымъ, по крайней мѣрѣ, его формамъ т. е. къ тѣмъ формамъ, которыя составляютъ содержаніе такъ называемаго государственнаго и частнаго права.

Какова была сущность московской княжеской власти? Въ древній до московскій періодъ въ волостяхъ существовали двѣ правительственныя власти: вѣчевая и княжеская, обѣ неопредѣленныя, смутныя, неразграниченныя въ предѣлахъ между собою, какъ и всѣ общественныя формы того времени и славянскаго міра въ особенности. Можно предположить въ общихъ чертахъ, что содержаніе вѣчевой власти составляли вопросы, касающіяся всей волости, вопросы о войнѣ и мирѣ, насколько они не были дѣломъ личнаго интереса князя, вопросы о призывѣ и удаленіи князей и т. п. Содержаніе княжеской власти составляли судъ и расправа, наложеніе и собираніе дани, охраненіе общественнаго спокойствія и безопасности и такъ называемая власть управленія. Что власть вѣчевая существовала какъ самостоятельная сила, это положительно доказывается заключеніями ряда-договора волостей съ князьями. Если бы

рѣшенія вѣчей о призывѣ или удаленіи князей были дѣломъ мятежнаго своеволія толпы, то въ этомъ случаѣ не могло быть заключаемо ряда-договора и этотъ договоръ не могъ быть записанъ лѣтописцемъ какъ нѣчто обязательное. Точно также нельзя сопоставить самодержавную власть съ частыми и почти безслѣдными переходами князей изъ одной волости въ другую. Самодержавіе по необходимости рождаетъ такія тѣсныя отношенія, при которыхъ немислима та легкость, съ какою князья мѣнялись волостями. Признавъ же существованіе двухъ властей, нельзя не признать въ этомъ одну изъ причинъ общественныхъ золъ и смутъ. Но эта причина, къ сожалѣнію, была не единственною.

Каждая волость имѣла свой столъ и своего князя, управлявшаго совершенно самостоятельно, по отношенію къ другимъ князьямъ и другимъ волостямъ, за исключеніемъ того обстоятельства, когда сынъ,—иногда даже малолѣтній,—получалъ часть волости отца еще при жизни послѣдняго,—въ этомъ случаѣ право управленія считалось за отцемъ и сынъ имѣлъ значеніе только намѣстника. Столы занимались, смотря по значеніямъ волостей, членами одного княжескаго дома Рюриковичей по степенямъ ихъ родства и близости къ общему родоначальнику, слѣдовательно по особому праву престолонаслѣдія, совершенно не совпадающему съ общимъ правомъ наслѣдованія, по которому имѣли участіе только прямыя нисходящія. И въ этомъ обстоятельствѣ также нельзя не видѣть доказательства несамодержавной власти князя, такъ какъ при самодержавіи, по отсутствіи въ то время государственныхъ понятій, естественно должно было развиться престолонаслѣдіе по частному праву.

Изъ всѣхъ князей выдѣлялся только одинъ съ значеніемъ великаго князя, занимавшій старѣйшій столъ первой волости (Кіевской) и имѣвшій на остальныхъ князей вліяніе отца („въ отца мѣсто“) на совершеннолѣтнихъ сыновей. Другими словами, великій князь имѣлъ право убѣждать, дѣлать выговоры и даже, при явномъ правонарушеніи, сплю возстановлять нарушенное. Само собою разумѣется, что впоследствии, при размноженіи княжескаго дома, счетъ степеней родства

становился затруднительнымъ и не могъ не подавать частыхъ поводовъ къ княжескимъ усобицамъ, въ чемъ и заключается главная и вліятельная причина междоусобныхъ войнъ и разединенности волостей. Для обузданія претензій власти одного великаго князя оказывалось уже недостаточнымъ и въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ и потому потребовалось новое учрежденіе съѣзда князей.

Составляя собою представительство существовавшихъ тогда правительственныхъ единицъ, и эта политическая форма носила въ себѣ общій характеръ неопредѣленности, присущей каждой единицѣ. Изъ источниковъ не видно, въ какой мѣрѣ были обязательны постановленія съѣзда, какимъ порядкомъ и кѣмъ они приводились въ исполненіе. Всего вѣроятнѣе предположить, что значеніе съѣзда, какъ и значеніе великаго князя, зависѣло отъ фактическихъ условій, отъ силы и вліянія постановившихъ опредѣленіе. Такимъ образомъ и эта форма не могла умиротворить русскую землю.

Такова была организація правительственной власти въ южныхъ русскихъ волостяхъ, такова же она была и въ сѣверо-восточныхъ, съ тѣми только отгѣнками, которые вытекли изъ мѣстныхъ особенностей. Выселенцы изъ старыхъ русскихъ родовъ на новую свободную землю приносили съ собою свои взгляды, убѣжденія и прежніе порядки. Образовались города съ тѣмъ же типическимъ устройствомъ, послужившимъ и съ своей стороны типомъ для своихъ пригородовъ. Такъ Суздаль послужила типомъ для Владимира, который тоже сдѣлался типомъ для послѣдующихъ выселеній.

Таковъ былъ общій порядокъ, но въ образованіи Москвы легло особое обстоятельство, которое не могло не имѣть вліянія при дальнѣйшемъ ея развитіи. Отвергая всѣ позднѣйшія вымыслы лѣтописцевъ объ основаніи Москвы, нельзя отвергнуть извѣстія, что на этомъ мѣстѣ прежде существовали поселенія, на вотчинной землѣ боярина Степана Ивановича Кучки, землѣ принадлежащей ему въ собственность. Казнивъ этого боярина, великій князь суздальскій Юрій Владимировичъ взялъ поселенія казненнаго въ свою собственность, и потомъ передалъ ихъ какъ собственность же, какъ свою вотчину, сыну

своему Андрею Боголюбскому вмѣстѣ съ рукою дочери Кучки, Улиты, и съ завѣщаніемъ населить еще болѣе новое приобрѣтеніе. Впослѣдствіи изъ этихъ новыхъ поселеній, — вѣроятно изъ несвободнаго класса, такъ какъ князь имѣлъ право располагать только поселеніями такого рода, — образовалась Москва отъ имени рѣчки Москвы. Конечно, по выгодности мѣстоположенія и другимъ удобствамъ эти поселенія постепенно разрастались прибавленіемъ новыхъ выселенцевъ изъ различныхъ городовъ, но тѣмъ не менѣе ядро, первоначальный составъ, образовали поселенцы вотчинной земли, платившихъ дани и пошлны собственнику, сначала боярину Кучкѣ, а потомъ князю. Отъ этого исключительнаго обстоятельства въ Москвѣ и не образовались вѣчевые порядки.

Въ лѣтописяхъ вовсе не упоминается о московскомъ вѣче за исключеніемъ только одного мѣста, внимательное разсмотрѣніе котораго ясно обнаруживаетъ употребленіе этого слова лѣтописцемъ, какъ указаніе на общее смущеніе, но ни въ какомъ случаѣ не въ смыслѣ опредѣленія дѣятельности фактора. Событіе, о которомъ говоритъ лѣтописецъ, относится къ концу XIV вѣка, къ тому времени, когда вѣчевой бытъ сталъ падать уже и тамъ, гдѣ онъ коренился глубоко. Въ 1382 году московскій князь Дмитрій Іоанновичъ, не имѣя достаточныхъ силъ къ отраженію ордынскаго хана, отступилъ изъ Москвы къ Костромѣ. Оставленные самими себѣ, москвичи смутились и естественно раздѣлились въ мнѣніяхъ „одинъ хотяку сѣсти въ градѣ и затворитися, а друзіи бѣжати помышляху, и бывше распрѣ межю ими велицѣи и *сотвориша вѣче*, позвониха во *всѣ колоколы*“¹⁾. Этотъ разсказъ, напротивъ, еще болѣе утверждаетъ мнѣніе о несуществованіи обычнаго вѣча въ Москвѣ, тамъ въ противномъ случаѣ не могло быть смущенія неожиданности, былъ бы призывъ только одного вѣчеваго колокола, а не тревожнаго звона во всѣхъ церквахъ.

Затѣмъ въ лѣтописяхъ имѣются еще два указанія на самовольныя распоряженія, какъ бы въ видѣ вѣча, но безъ употребленія этого слова, да и въ дѣйствительности не имѣющихъ

¹⁾ Воскр. 1382.

его значенія. Въ 1176 году москвичи, стоявшіе вмѣстѣ съ владимірцами за Михаила п Всеволода Юрьевичей противъ ростовцевъ и суздальцевъ, державшихъ сторону Ростиславичей пошли было изъ Москвы во Владиміръ сопровождать Михаила, но, узнавъ надорогѣ о предстоящемъ нападеніи на нихъ Ярослава Ростиславича, тотчасъ же воротились „блюдучи домовъ своихъ 1)“. Въ этомъ оставленіи москвичами Михаила для защиты домовъ своихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя видѣть вѣчеваго распоряженія во 1 по отсутствію общности, а во 2 потому, что Москва въ то время была только простымъ поселеніемъ, но не пригородомъ, тѣмъ болѣе княжествомъ. Наконецъ послѣднее, косвенное, только кажущееся указаніе на рѣшеніе вѣча, какъ на результатъ народной воли въ Москвѣ, относится къ половинѣ XV столѣтія, къ времени плѣненія московскаго князя Василія Васильевича ордынцами; въ извѣстіи, впрочемъ, не упоминается слово вѣче. Въ 1445 году, по случаю выѣзда изъ Москвы княжескаго семейства и бояръ, въ оставленной Москвѣ естественно возникли народное волненіе и неурядица, „а граждане въ величїи тузѣ и волненіи баху: могущи бо бѣжати, оставивше градъ, бѣжать хотяху; чернь же совокупившися начаша врата градская прежде дѣлати“ 2). Ясно, что это собраніе черни не вѣчевое собраніе; оно состоялось вслѣдствіе удаленія властей п вслѣдствіе неизбежной необходимости рѣшить вопросъ, какъ поступить въ виду приближенія ордынцевъ.

Вотъ единственныя лѣтописныя извѣстія, въ которыхъ можно было бы видѣть указанія на московское вѣче, но ближайшее разсмотрѣніе этихъ извѣстій приводитъ къ положительно противоположному результату, къ совершенному отричанію существованія вѣча въ Москвѣ, въ противоположность общепринятому мнѣнію нашихъ историковъ. Кромѣ отсутствія лѣтописныхъ извѣстій, составляющихъ собою твердую почву, самая исторія Москвы даетъ отрицательный отвѣтъ. Москва родилась, какъ видно было изъ предшествующаго, на вотчинной землѣ

1) Пат. 1176 г.

2) Воскр. 1445.

и развилась во время монгольского ига, въ то время, когда въ другихъ княжествахъ разгромленный, приниженный народъ переставалъ принимать участіе въ народномъ дѣлѣ. Съ монгольского ига во всѣхъ княжествахъ замѣчается усиленіе княжеской власти и стремленіе ее установиться въ своихъ владѣніяхъ, закрѣпить ихъ за собою и своимъ семействомъ, расширить всѣми возможными примыслами и, наконецъ, достигнуть полной независимости, достигнуть достоинства великаго князя. Значеніе родства начинаетъ стираться и уступаетъ мѣсто фактической силѣ.

Но то, къ чему въ другихъ княжествахъ стремились борьбой, непрерывными распрями и усобицами, Москвѣ было прирожденное, естественное положеніе, и князь московскій, когда пригородъ достигнулъ значительной степени развитія, является среди другихъ князей съ прочной обстановкой, является *хозяйномъ* своихъ вотчинъ-волостей. Въ московской исторіи не встрѣчается вовсе внутреннихъ смуть и междоусобій, характеризующихъ исторію другихъ княжествъ. Поэтому и задача московскихъ князей—обезопасить внутренній порядокъ, личность и имущества *своихъ людей* отъ частныхъ покушеній и стараться о приобрѣтеніи, примыслѣ. Эту задачу превосходно поняли первые московскіе князья—Даніилъ, Іоаннъ Даніиловичъ и сынъ послѣдняго—Симеонъ Іоанновичъ; во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ, въ особености послѣднихъ, вездѣ проявляется типъ разумнаго, осторожнаго хозяина. Послѣдствіемъ такого положенія верховной московской власти только и можно объяснить совершенно частный характеръ завѣщательныхъ распоряженій московскихъ князей и ихъ договоровъ между собою, о чемъ было сказано подробнѣе выше.

Мирное состояніе московскаго княжества привлекало къ себѣ новыхъ поселенцевъ, какъ производителей труженниковъ, такъ и лицъ высшаго класса и этимъ же объясняется общее тяготѣніе именно къ ней, а не къ другимъ болѣе старымъ и болѣе богатымъ городамъ—Суздаю, Ростову, Владиміру и друг. Народъ московскій казался смѣрымъ, послушливымъ народомъ и въ этомъ отношеніи иногда вызывалъ насмѣшку

вчливыхъ сосѣдей. Такъ въ болѣе, даже, позднее время лѣтописецъ, говоря о войнѣ Олега рязанскаго съ московскимъ княземъ Дмитріемъ Иоанновичемъ, высказываетъ: „Рязанцы суровы суще человекы, свирѣпы и високоумні... рѣша другъ другу: не емлемъ себѣ ни щитъ, ни копій, ни инаго оружія, токмо возьмемъ ужища, чѣмъ бы вязать москвичей“. Однако рязанцы были разбиты москвичами.

Оканчивая разсмотрѣніе вопроса о существѣ княжеской власти въ Москвѣ, остается повторить все сказанное немногими словами: московская княжеская власть была власть вотчинная, самодержавная, неограниченная ни волей народа, ни какой либо другой волей, но не власть самодержавная въ государственномъ смыслѣ. Поэтому, имѣя въ виду съ одной стороны самодержавную власть въ Москвѣ, а съ другой проявившееся и въ другихъ княжествахъ стремленіе къ удержанію власти въ одномъ семействѣ, вѣрнѣе было бы опредѣлить этотъ моментъ (XIV вѣкъ) русской исторіи вотчиннымъ періодомъ, какъ время предшествующее—періодомъ вѣчевымъ. Сообразно образовавшемуся основному направленію, въ московскомъ княжествѣ господствуетъ особый взглядъ и на престолонаслѣдіе: на мѣстѣ права родства стояли распоряженія о передачѣ наслѣдства въ нисходящую линію, какъ переходила частная собственность къ дѣтямъ, разумѣется съ тѣмъ отгѣпкомъ, которымъ, по необходимости, обусловливалось общественное значеніе наслѣдства этого рода.

Иныя явленія происходили въ другихъ княжествахъ. По понятіямъ родства, державшимся въ другихъ княжествахъ, дяди имѣли старшинство передъ племянниками и княжескій столъ доставался послѣ умершаго брату его по старшинству, а затѣмъ уже сыновьямъ. Не приводя въ доказательство примѣровъ изъ X и XI столѣтій, которые извѣстны каждому знакомому съ русской исторіей, интереснѣе привести случаи изъ болѣе позднѣйшаго времени, когда связь родства значительно уже ослабѣла. Въ половинѣ XII столѣтія (1141 г.) великій князь кievскій Мстиславъ Владиміровичъ преемникомъ своимъ по великому княженію назначаетъ брата своего Ярослава, а сыновьямъ

оставилъ Переяславль ¹⁾. Въ началѣ XIII столѣтія ²⁾ великій князь Владимірскій, Константинъ, назначилъ преемникомъ по великокняжескому столу брата Юрія, сыновьямъ же назначаетъ столы Ростовскій и Ярославскій. Такимъ же образомъ поступилъ и преемникъ Юрія великій князь Владимірскій, Ярославъ. Въ московскомъ же княжествѣ подобныхъ примѣровъ не встрѣчается и княжескій столъ постоянно поступаетъ въ руки старшаго сына.

Изложенные выводы очевидно доказываютъ, что въ Москвѣ впервые явилась идея *самодержавія въ видѣ вотчинной власти князя*. Но это мнѣніе не раздѣляется нашими учеными историками. Многие изъ нихъ и до сихъ поръ видятъ въ славянскихъ волостяхъ государственное устройство, а въ княжеской власти, власть самодержавно-государственную. Одинъ изъ молодыхъ нашихъ ученыхъ г. Загоскинъ въ сочиненіи своемъ „Исторія права московскаго государства“ ³⁾, хотя и признаетъ за древнимъ періодомъ характеръ удѣльно-вѣчевой, но въ тоже время находитъ въ немъ и начало самодержавія. Онъ говоритъ, что „идея самодержавія государственной власти существовала въ русской землѣ еще задолго до погрома татарскаго. Будучи впервые навѣяна византійскими воззрѣніями, принесенными греческимъ духовенствомъ, еще въ эпоху крещенія русской земли, идея самодержавія государственной власти неоднократно проявлялась въ сознаніи нѣкоторыхъ князей русскихъ. Намъ извѣстны стремленія Андрея Боголюбскаго, желавшаго основать неограниченное единодержавіе въ землѣ Ростовско - Суздальской, желавшаго, по выраженію лѣтописца, „единъ быти властель въ русской землѣ“. Самъ учредитель царскаго достоинства въ Россіи, грозный царь Іоаннъ IV Васильевичъ, признавая себя государемъ вполне самодержавнымъ, ставитъ въ образецъ власти своей не власть хановъ ордынскихъ, но самодержавную власть императоровъ римскихъ и ссылается на авторитетъ библіи. И такъ *визан-*

¹⁾ Ипат. 1141 г.

²⁾ Воскр. 1217 г.

³⁾ Ист. Пр. Москов. Госуд. Казань. 1877 г. с. 13.

тійскія государственныя традиции и воззрѣнія греческаго духовенства—вотъ основныя начала, заронившія въ русскую жизнь первое зерно идеи самодержавія; дѣло лишь въ томъ, что въ удѣльновѣчевомъ періодѣ не было почвы пригодной для проростанія этого зерна, не было обстоятельствъ, способныхъ дать толчокъ дальнѣйшему развитію этой идеи и внесенію ея въ сферу государственныхъ отношеній. И такъ молодой ученый въ единственно приводимомъ имъ въ доказательство фактѣ честолюбивыхъ стремленій Андрея Боголюбскаго видитъ идею самодержавія государственной власти, не смотря даже на то, что самовластныя дѣйствія этого князя возбуждали противъ него общее неудольствіе и послужили причиною его убіенія. Руководясь подобнымъ анализомъ, легко можно дойти до весьма странныхъ выводовъ. Авторъ не обратилъ вниманія на то, что Боголюбскій воспитывался въ сѣверныхъ областяхъ, гдѣ княжеская власть не встрѣчалась съ опредѣленно сложившимся характеромъ земства, и, однакожь, при всемъ томъ и тамъ самовластныя дѣйствія его считались злоупотребленіемъ. Впрочемъ, если считать за идею самодержавія государственной власти всякое стремленіе власти успѣлить себя, увеличить свое вліяніе, то, конечно, такая идея прирожденна каждому обществу, гдѣ только существуетъ власть, такъ какъ каждой власти прирожденно стремленіе оградить, обезпечить себя безъ всякаго занесенія идеи новымъ вѣдшимъ факторомъ. До сихъ поръ обыкновенно понималось подъ понятіемъ идеи самодержавія государственной власти—понятіе совокупности извѣстныхъ отношеній власти къ органически устроенному обществу, а такого общества въ древнемъ періодѣ нашей исторіи не было, да и не могло быть. Далѣе авторъ, развивая мысль свою о занесеніи къ намъ идеи самодержавія византійскимъ духовенствомъ и о перенесеніи къ намъ византійскихъ традицій, приводитъ въ доказательство ученіе духовенства о божественномъ происхожденіи монархической власти, о необходимости вслѣдствіе этого безусловнаго повиновенія ей: „всякая душа властемъ придерживающимъ да повинуется: нѣсть бо власть, аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть: тѣмъ же противляйся власти, Божию повелѣнію

противляется⁴. Совершенно вѣрно мнѣніе о важности вліянія христіанскаго ученія на усиленіе у насъ княжеской власти, не вѣрна только постановка этого вліянія; а вслѣдствіе того не вѣрно и освѣщеніе всего взгляда. Христіанское ученіе получило значеніе тогда, когда князья получили возможность пользоваться этимъ вліяніемъ, а византійскія традиціи въ данномъ отношеніи всегда оставались для нашей исторіи не причемъ. Чтеніе духовенства оказывало значительную поддержку стремленіямъ князей, но не было осовновнымъ факторомъ. Религіозныя идеи въ первые вѣка могли проникать не въ массу народа, гдѣ христіанское ученіе распространялось туго и медленно, а только въ высшій классъ, а между тѣмъ этотъ-то именно классъ менѣе всѣхъ симпатизировалъ ученію о самодержавіи. И, наконецъ, надобно обратить вниманіе и на то обстоятельство, что ученіе духовенства проповѣдывалось и во всѣхъ другихъ княжествахъ, а между тѣмъ самодержавіе во всей полнотѣ принялось только въ одной Москвѣ.

Г Л А В А X.

Органы верховной власти.

Соотвѣтственно по своему самодержавному значенію, московская верховная власть обнимала собою всецѣло всѣ главныя органы ея правленія: законодательство, судъ и управленіе во всѣхъ существовавшихъ въ то время отношеніяхъ и во всемъ своемъ неограниченномъ объемѣ. До московскаго періода во всѣхъ южныхъ русскихъ волостяхъ власть князя ограничивалась, напр. въ законодательной отрасли, участіемъ народа; было ли это ограниченіе и въ судебномъ отношеніи и во всѣхъ ли волостяхъ, или только одной новгородской, по недостатку источниковъ опредѣлить невозможно.

Переходя къ разсмотрѣнію различныхъ способовъ проявленія дѣятельности княжеской власти въ отношеніи къ внутреннему общественному быту, необходимо предварительно ска-

затѣ о крайней скудности въ этомъ отношеніи нашихъ лѣтописныхъ извѣстій и историческихъ документовъ, относящихся къ описываемому времени. Лѣтописцы, живя въ средѣ отношеній, извѣстныхъ въ его время всѣмъ и каждому, не находили удобнымъ входить въ подробности. Кромѣ того изъ лѣтописныхъ матеріаловъ, безъ сомнѣнія, много хранится въ складахъ и архивахъ нашихъ древнихъ монастырей еще неизданными, терпѣливо еще ожидающими новыхъ трудолюбивыхъ изслѣдователей. Обнародованіе этихъ матеріаловъ въ видѣ грамотъ нашихъ князей жалованныхъ и безсудныхъ ¹⁾, уставныхъ и судныхъ не можетъ не пролить много свѣта на эту еще темную сторону. Впрочемъ, и изъ тѣхъ грамотъ, которыя извѣстны намъ въ настоящее время, сопоставляя и сравнивая между собою извѣстія различныхъ лѣтъ, можно вывести безошибочно въ общихъ чертахъ понятіе о родѣ существовавшихъ въ то время общественныхъ отношеній.

Въ жизни простой и несложной не могло быть строгаго разграниченія различныхъ органовъ управленія и суда: одни и тѣже были правителями и судьями. Обладаніе небольшою властью давало князю полную возможность заниматься самому и лично входить во всѣ отрасли управленія. Въ поученіи дѣтямъ Монамахъ говорятъ: „судите вдвоицѣ сами, не давайте сильнымъ губить слабыхъ... не оставляйте больныхъ... въ хозяйствѣ сами прилежно за всѣмъ смотрите, не полагаясь на отроковъ и тиуновъ... на войнѣ будьте дѣятельны, служите примѣромъ для воеводъ... я самъ дѣлалъ все, что могъ бы велѣть отроку на охотѣ и войнѣ, днемъ и ночью, въ зной лѣтній и холодъ зимній не зналъ покоя, не надѣясь на посадниковъ и бирючей“. Такимъ лицамъ и были московскіе князья и по благотворительности и по хозяйственнымъ распоряженіямъ.

Но при всей готовности князя лично самому исполнять

¹⁾ Жалованная или безсудная (иначе несудимая) грамоты давались князьями разнымъ монастырямъ и другимъ юридическимъ лицамъ на освобожденіе ихъ по вотчиннымъ дѣламъ, а иногда и губнымъ въ полномъ объемѣ или частью отъ вѣдомства княжескихъ органовъ. Должно однакожъ замѣтить, что безсудными грамотами назывались также и окончательныя судебныя рѣшенія по такому дѣлу, когда отвѣтчикъ къ суду не являлся.

обязанности добраго правителя все такъ оказывалась необходимо въ лицахъ, ближе стоящихъ къ народу и замѣнявшихъ его, то по многосложности работы, то на время отсутствія, то по другимъ причинамъ. Необходимо эта увеличивалась съ расширеніемъ территоріи княжества, съ умноженіемъ населенія, съ развитіемъ и усложненіемъ общественныхъ отношеній. Замѣняя собою власть князя, эти установленные органы имѣли тотъ же характеръ смѣшенія властей въ предѣлахъ ихъ уполномочій: посадникъ, намѣстникъ волостей — былъ судья, правитель и начальникъ войска.

Всѣ существовавшіе въ московскомъ княжествѣ органы можно раздѣлить на центральные, мѣстные и исключительные. Къ центральнымъ органамъ, имѣющимъ вліяніе на все пространство княжества, относится княжеская дума. Собственно княжеская дума при первыхъ московскихъ князьяхъ не составляла правильно организованнаго постояннаго учрежденія, по крайней мѣрѣ на это въ нашихъ источникахъ нѣтъ никакого опредѣленнаго извѣстія. Указанія же на дѣйствительное существованіе думы встрѣчаются весьма часто и въ предшествующемъ періодѣ, „и начаста думати съ мужи своими“¹⁾, и въ послѣдующія вѣка. Московскій князь Симеонъ Іоанновичъ, сынъ Калиты, въ своемъ завѣщаніи говоритъ братьямъ... „и ликихъ бы людей не слушали... слушали бы отца нашего Алексѣя, такоже старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ“. Затѣмъ внукъ Калиты, князь Дмитрій Іоанновичъ, передъ своею смертію даетъ дѣтямъ послѣднее наставленіе... бояры своя любите... безъ воли ихъ ничтоже не творите²⁾. Существованіе думы можно вывести еще изъ обстоятельства частыхъ поѣздокъ въ орду князей и иногда съ ихъ сыновьями, изъ необходимости оставлять за собою людей преданныхъ, которымъ они могли бы поручать блюсти свой столъ во время отсутствія.

Каковы были условія существованія думы? Какъ учрежденіе безусловное ни временемъ, ни постояннымъ и извѣстнымъ

¹⁾ Ипат. 1147.

²⁾ Воскр. 1389.

составомъ членовъ, Дума собиралась только по призыву князя, по его усмотрѣнiю на совѣтъ по какому либо вопросу, состояла изъ лицъ его довѣренныхъ, приближенныхъ единственно его волею и продолжалась столько времени, сколько назначено было княземъ. Вообще дума, при личномъ присутствiи князя, имѣла характеръ чисто совѣщательный и члены имѣли право высказать только свое личное мнѣнiе, неимѣющее никакой обязательной силы. Говорятъ мнѣнiе не согласное съ мнѣнiемъ князя значило оказывать „встрѣчу“ и оцѣнка такого мнѣнiя совершенно зависѣла отъ характера князя. Нѣкоторые любили свободное выраженiе мнѣнiя, относились къ нему разумно и безпристрастно, другiе же не терпѣли никакого возраженiя. Такъ великiй князь Иоаннъ Васильевичъ любилъ противъ себя встрѣчи и даже жаловалъ тѣхъ, которые говорили противъ него, ¹⁾ а сынъ его Василiй Иоанновичъ, напротивъ, по каждой встрѣчѣ „опался“. Первые московскiе князья, какъ можно судить по личному ихъ характеру, вѣроятно, относились съ полнымъ уваженiемъ къ каждому разумному выраженiю мнѣнiя,—такъ можно заключить изъ приведеннаго указанiя Симеона Иоанновича на преданность бояръ.

Предметами совѣщанiй думы обыкновенно служили вопросы, касающiеся до всего княжества, вопросы о войнѣ и мирѣ, объ отношенiяхъ князей другъ къ другу, о приобрѣтенiяхъ или промыслахъ, покупкахъ, о доходахъ, пошлинахъ и повинностяхъ, о назначенiи размѣровъ штрафовъ и т. п. Вѣроятно обсужденiю же думы передавались по приказанiю князя и жалобы частныхъ лицъ на несправедливыя рѣшенiя судей и стѣснительныя распоряженiя служилыхъ людей. Хотя по этому предмету и не встрѣчается современныхъ извѣстiй XIV вѣка, но такъ какъ подобныя же вопросы подлежали совѣщанiямъ князей съ мужами и въ предшествующее и послѣдующее время, то нѣтъ основанiя отвергать такое вѣдомство и въ описываемую эпоху.

Какъ выборъ предметовъ для совѣщанiй думы вполне зависѣлъ отъ воли князя, точно также отъ него зависѣлъ и вы-

¹⁾ А. А. Э. т. I. № 127.

боръ членовъ-совѣтниковъ. Но такъ какъ въ интересѣ князя было придать рѣшеніямъ думы болѣе авторитетнаго значенія и фактической силы при исполненіи, то, естественно, выборъ его падалъ на лицъ, пользующихся большимъ авторитетомъ, владѣющихъ большою силою, слѣдовательно на бояръ. 1) Затѣмъ въ думу назначались приближенные къ князю лица, его служилые, его окольные, сокольничіе и т. п. Въ лѣтописяхъ есть извѣстіе, 2) доказывающее положительнымъ образомъ право князя на произвольный выборъ совѣтниковъ-членовъ думы даже и въ предшествующее время „п тогда Святославъ сдумавъ съ княгинею своею и съ кочкаремъ мплостникомъ своимъ и не повѣда мужемъ своимъ лѣпшимъ думы своея“. Если таково было право князя въ XII вѣкѣ, то тѣмъ болѣе должно признать его въ XIV столѣтіи при установленіи вотчиннаго взгляда на княжество за князьями московскаго дома.

Мѣстные органы управленія. Предварительно разсмотрѣнія института мѣстныхъ органовъ управленія, необходимо сказать нѣсколько словъ вообще о дѣленіи княжества на правительственныя единицы. Въ рассматриваемую эпоху въ источникахъ находится дѣленіе на 1) города съ уѣздами и 2) волости съ уѣздами. Первое подраздѣленіе составляло какой-либо городъ, какъ наибольшее населеніе, съ уѣздомъ т. е. съ тѣми селами, какія по близости своей къ городу и по общности экономическихъ условій естественно тянули къ нему и для которыхъ было особенно удобно управляться и судиться однимъ и тѣмъ же лицомъ—„московскій городскій уѣздъ“. Второе подраздѣленіе были волости, населенія пространствъ, опредѣленныхъ границами сообразно съ мѣстными условіями; самый населенный пунктъ составлялъ центръ волости, отъ котораго она получала свое отличительное названіе, а прочія села составляли уѣздъ волости („отъѣздъ, выѣздъ“). 3) Подраздѣленія городовъ и волостей нельзя считать всегда постоянными. По усмотрѣнію князя, по требованіямъ обстоятельствъ, смотря

1) Названіе мужъ въ эпоху княженій первыхъ московскихъ князей въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ уже болѣе не встрѣчается.

2) Плат. 1180.

3) С. Г. Гр. и Дог. I. 23, 27, 31.

напр. по важности назначаемого къ управленію ихъ лица, границы уѣздовъ городскихъ или границы волостей мѣнялись увеличеніемъ или уменьшеніемъ или даже соединеніемъ двухъ или болѣе. При этомъ необходимо замѣтить, что по неуставившейся опредѣленности технического языка иногда однимъ названіемъ выражались различныя понятія. Такъ названіе волость, кромѣ опредѣленія извѣстнаго правительственнаго округа, означало также и право, власть на какую либо извѣстную часть дохода; „а изъ городскихъ волостей даю княгиня своей *осмиче*, а тапгою и иными волостями подѣлятся. ¹⁾

Кромѣ городовъ и волостей встрѣчается еще названіе „станъ“. Но было ли это названіе опредѣленіемъ особаго правительственнаго округа рѣшить почти невозможно. Изъ нѣкоторыхъ грамотъ можно заключить совершенную одинаковость значенія волости и стана, изъ другихъ же, наоборотъ, видно различіе, но въ чемъ оно состояло, уловить весьма трудно. ²⁾ Проф. Соловьевъ признаетъ станъ за подраздѣленіе волости. ³⁾

Наконецъ извѣстно еще одно подраздѣленіе на *погосты*, но это подраздѣленіе не имѣло правительственнаго характера. Погостомъ считалась та сельская церковь, къ которой приписаны были окружающія села для исполненія церковныхъ требъ. Такъ какъ при церквяхъ происходило большее или меньшее стеченіе народа, то нельзя отвергать участія его особенно въ вопросахъ, подлежащихъ разсмотрѣнію общества, но въ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятникахъ на это нѣтъ никакого указанія.

Изъ мѣстныхъ общихъ органовъ управленія въ лѣтописяхъ, грамотахъ и договорахъ упоминаются: намѣстники, волостели, тгуны, поселскіе и сотскіе. Городами съ ихъ уѣздами завѣ-

¹⁾ С. Г. Г. в Д. I. 21 и 22.

²⁾ Ср. уст. и таможен. грам. бѣлозерцамъ А. А. Э. т. I. 123. С. Г. Г. в Д. I. 144. Не соответствуютъ ли названія волости и стана различнымъ правамъ поселенцевъ изъ свободнаго и несвободнаго классовъ? Признавъ это различіе, не трудно уже объяснить употребленіе въ бѣлозерскихъ грамотахъ этихъ названій то раздѣльно, то вмѣстѣ.

³⁾ И. Р. т. III. с. 38 2-е изд.

дывали намѣстники, а волостями съ уѣздами—волостели. Съ XIV столѣтія первые, замѣнивъ прежнихъ посадниковъ, представляли собою власть князя въ качествѣ правителя, судьи и воинскаго начальника: ¹⁾ „а правъ ли будетъ или виновать *городской человекъ*... и онъ въ правдѣ и въ винѣ намѣстникомъ. ²⁾ Приговоръ намѣстника былъ совершенно единоличный. Если городъ по обширности своей, завѣдывался двумя или болѣе намѣстниками, то въ этомъ случаѣ не было общаго завѣдыванія, но городъ раздѣлялся на части по числу намѣстниковъ, дѣйствовавшихъ самостоятельно и подчиненныхъ только волѣ князя. Это заключеніе можно вывести изъ того, что при общемъ завѣдываніи необходимо было бы опредѣленіе коллегіальныхъ отношеній, а въ нашихъ грамотахъ этого не только не встрѣчается, но напротивъ, говорится о блюденіи города «съ единого». Намѣстники и волостели назначались по избранію князя изъ первостепенныхъ служилыхъ людей, бояръ, а иногда и изъ боярскихъ дѣтей; срокъ службы точно также зависѣлъ отъ воли князя. ³⁾

Какимъ былъ для города намѣстникъ, точно въ такомъ же отношеніи находился волостель въ своей волости, съ тѣмъ только исключеніемъ, что послѣдній никогда не предводительствовалъ войскомъ, а потому и пользовался меньшимъ значеніемъ, какъ будто второстепеннымъ. Можно даже предполагать, что иногда судебная власть волостеля ограничивалась изытіемъ въ вѣдомство намѣстника важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ.

За службу свою намѣстники и волостели особаго жалованья отъ князя не получали, но пользовались опредѣленнымъ обязательнымъ приношеніемъ отъ подвѣдомственныхъ имъ лицъ или же частью доходовъ, слѣдующихъ князю—что называлось *кормленіемъ*. Хотя въ современныхъ уставныхъ грамотахъ о кормленіи и не упоминается, но сомнѣваться въ этой системѣ

¹⁾ А. А. Э. т. I. № 19, 28, 36, 37. А. П. т. I. № 83, 87, 88, и мн. др.

²⁾ А. А. Э. т. I. 136 и 139.

³⁾ А. П. т. II. 10. А. Б. 161.

вознагражденія невозможно, такъ какъ объ ней говорится еще въ Русской Правдѣ и затѣмъ въ позднѣйшихъ источникахъ. 1)

Накопецъ въ духовныхъ грамотахъ князей на ряду съ намѣстниками и волостелями иногда встрѣчаются *посельскіе*. За недостаткомъ указаній трудно опредѣлить права и обязанности этой должности „мой намѣстники и волостели, и посельскіе, и ихъ тиуны. 2) Сопоставленіе этихъ должностей, имѣющихъ своихъ тиуновъ, очевидно указываетъ на ихъ однородность. Вѣроятно, посельскіе были тѣже волостели, или управители, но только назначаемые въ такое княжеское поселеніе, которое по какому либо обстоятельству требовало особаго волостеля, постоянно въ немъ пребывающаго. 3)

Какъ князь въ качествѣ мѣстнаго органа управленія, намѣстники и волостели имѣли помощниковъ, извѣстныхъ подъ особымъ названіемъ *тиуновъ*. Эти чиновники, составляя высшій классъ служилыхъ людей, опредѣлялись самими тѣми лицами, при которыхъ состояли и выбирались иногда даже изъ рабовъ. Специальное назначеніе тиуновъ, кажется, составляло отправленіе правосудія, такъ по крайней мѣрѣ видно изъ опредѣленій Правды XIII столѣтія. Только впоследствии, съ развитіемъ гражданственности, когда судъ получилъ большее значеніе и сталъ передаваться если не намѣстникамъ, то особымъ введеннымъ бояринъ, тиуны лишились судебной власти, превратились въ простыхъ приставовъ-исполнителей распоряженій судьи, или въ домашнихъ служителей, въ родѣ влюшниковъ. Въ разсматриваемую же эпоху тиуны отправляли правосудіе вмѣсто намѣстниковъ и волостелей въ качествѣ власти единоличной. 4) Число ихъ при намѣстникѣ и волостелѣ зависѣло отъ количества возникшихъ дѣлъ, свойства ихъ и отъ пространства мѣстности: такъ были особый тиунъ *отницный* и *коношій*, за убійство котораго платилось 80 гривенъ и *сельскій* тиунъ, за убіеніе котораго платилось только 12 гривенъ. 5) Срокъ службы тиуна

1) С. Г. Г. и Д. т. I. № 33. А. А. Э. т. I. 123, 143, 144, 150.

2) Договор. грам. 1428 г.

3) А. А. Э. I. 43 и 83.

4) А. Ю. № 18 и 19.

5) Изсл. о Рус. Прав. Калачова стр. 110.

зависѣлъ отъ воли лица опредѣлившаго его, съ тѣмъ только ограниченіемъ, что увольненіе его не могло совершиться ранѣе года послѣ назначенія.

Послѣднюю степень служебной іерархіи занимали сотскіе и старосты. Изъ дошедшихъ до насъ источниковъ невозможно почерпнуть точныхъ и положительныхъ опредѣленій о ихъ правахъ и обязанностяхъ. Вѣроятно, это были полицейскіе служители, обязанные наблюдать за своевременнымъ и правильнымъ отбываніемъ натуральныхъ и другихъ повинностей, исполнять распоряженія намѣстниковъ и волостелей и охранять общественное спокойствіе. Неизвѣстно, было ли различіе въ обязанности этихъ должностей и, если было, то въ чемъ именно оно заключалось; судя же потому, что дѣленіе на сотни существовало въ военномъ отношеніи (тысячій—главный начальникъ военныхъ силъ княжества) должно видѣть въ сотскомъ лицо, назначенное правительствомъ, между тѣмъ какъ староста (старѣйшина), по всей вѣроятности, было лицо, выбранное обществомъ.

Спеціальныя органы управленія. Къ этимъ органамъ должно отнести: 1) изъятія изъ общаго порядка управленія и предоставленія юридическимъ и частнымъ лицамъ исключительнаго права управленія и суда и 2) управленіе и судъ въ особыхъ промышленныхъ поселеніяхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ путей. Сюда же принадлежитъ также завѣдываніе особыми имуществами князя, какъ частнаго собственника и какъ главы княжества, что въ то время было безразлично.

Изъятій изъ общаго вѣдомства правительственныхъ органовъ опредѣленныхъ округовъ и предоставленій права управленія и суда въ нихъ въ пользу юридическихъ лицъ: монастырей, церквей, и частныхъ лицъ: княгинь, князей и друг. въ первый московскій періодъ весьма много. Это предоставленіе совершалось или духовными, или жалованными грамотами и обвиняло или управленіе и судъ въ полномъ объемѣ, или съ ограниченіемъ. Послѣднихъ грамотъ т. е. съ ограниченіемъ значительно больше; обыкновенно князья оставляли за собою или право суда надъ важными уголовными преступленіями: душегубствами, разбоями, или оставляли за собою

нѣкоторыя пошлыны: ямъ или дань. По преимуществу пожалованія относились до тѣхъ поземельныхъ округовъ, которые принадлежали пожалованному лицу какъ собственность, но иногда пожалованіе распространялось и на округа, принадлежащіе постороннимъ лицамъ. Когда пожалованіе было полное, право суда, управленія и собиранія пошлынъ принадлежали всецѣло лицу пожалованному, которое могло передать свое право другому лицу; при пожалованіи же ограниченномъ пзъятые предметы оставались въ вѣдомствѣ общихъ правительственныхъ органовъ намѣстниковъ, волостелей и ихъ тиуновъ. ¹⁾

Второй разрядъ специальныхъ органовъ управленія завѣдывалъ тѣми поселеніями на княжескихъ земляхъ, которыя доставляли князю извѣстный доходъ, или которыя имѣли на рукахъ имущество князя. По свойству своей дѣятельности эти поселенія носили особыя названія путей: конюшеннаго, ловчаго, сокольничаго и друг., смотря по роду повинности къ князю, по содержанію его лошадей, собакъ, соколовъ и т. п. Этими поселеніями завѣдывали особыя органы, подъ своимъ характеристическими именами: конюшаго, ловчаго, сокольничаго и проч. А такъ какъ поселеній cadaго пути, вѣроятно, было не мало, то завѣдываніе ими ввѣрялись путному боярину. ²⁾ Конечно, подобное дѣленіе могло возникнуть только съ упроченіемъ княжеской власти, съ развитіемъ ея хозяйственной дѣятельности, слѣдовательно никакъ не ранѣе XIV столѣтія. До этого же времени немногосложнымъ княжескимъ имуществомъ завѣдывали дворскіе, казначей и ключники, встрѣчавшіеся и въ послѣдующее время, но уже имѣвшіе въ завѣдываніи только сбереженіе и охраненіе движимыхъ имуществъ, денежной казны, мѣховъ и т. п. ³⁾ Къ этому же разряду чиновниковъ должно отнести и встрѣчающееся въ источникахъ названіе дьяковъ, подъячыхъ и т. п.

Такимъ образомъ организація управленія носить по себѣ положительный характеръ частнаго владѣнія, хозяйственнаго

¹⁾ А. А. Э. т. I. № 5, 7, 17, 20, 34, 44, 45, 46 и др.

²⁾ А. А. Э. т. I. № 17, 34, 39. С. Г. Г. и Д. I. 23, 34, 40.

³⁾ А. А. Э. т. I. № 5. А. И. 1—15.

управленія вотчины, въ которомъ всѣ распоряженія лишены опредѣленности и общихъ началъ. Князья руководствуются только своими соображеніями, выбираютъ правительственные органы по личному усмотрѣнію изъ лицъ даже несвободнаго состоянія, измѣняютъ предѣлы вѣдомства этихъ органовъ, то сокращая, то расширяя, смотря по условіямъ даннаго момента, не стѣсняясь никакими не только обязательными, но даже общепринятыми правилами и наконецъ передаютъ даже право на значеніе правительственныхъ органовъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ.

Г Л А В А XI.

Контингентъ княжества.

При совершенномъ отсутствіи государственнаго начала вообще немислимо существованіе различныхъ состояній, имѣющихъ извѣстныя права и составляющихъ собою опредѣленный элементъ государственнаго строя. Неговоря уже о древнихъ русскихъ княжествахъ, такихъ состояній не могло быть и въ первобытномъ московскомъ княжествѣ. Существовало единственное рѣзкое раздѣленіе населенія княжества, основанное на соціальныхъ правахъ чловѣка, раздѣленіе на состояніе свободное и несвободное и затѣмъ существовали различныя группы по различнымъ видамъ дѣятельности, вызывающихъ извѣстныя законодательныя опредѣленія въ видѣ *особыхъ хозяйственныхъ мѣръ*.

Несвободное состояніе, рабство существовало у всѣхъ народовъ въ первые періоды ихъ жизни, какъ безъ сомнѣній оно существовало и у славянъ. Но у послѣднихъ при особыхъ условіяхъ развитія народной жизни, это состояніе приняло особенно значительныя размѣры. Для полнаго выясненія этого печальнаго, но естественнаго явленія необходимо прослѣдить историческій ходъ отъ возникновенія его до разсматриваемой эпохи и опредѣлить причины, способствовавшія его развитію.

У славянъ, какъ и у всѣхъ народовъ, кореннымъ и главнымъ источникомъ рабства обыкновенно служила война: плѣнникъ становился собственностью взявшаго въ плѣнъ, его вещь, его вознагражденіемъ за лишенія, труды и опасности боевой жизни. Вѣроятно у славянъ, по ихъ небраннолюбивому характеру, рабство не имѣло суроваго характера, можетъ быть у нихъ, какъ говорятъ греческіе писатели, ¹⁾ плѣнникъ находился въ рабствѣ только временномъ и по истеченіи нѣкотораго срока или возвращался на родину, или оставался свободнымъ, но тѣмъ не менѣе существованіе рабства въ самыя древнія времена нашей исторіи неоспоримо. Съ притокомъ воинственной варяжской дружины, искавшей главнымъ образомъ себѣ добычи, случаи плѣненія стали повторяться чаще и въ большихъ размѣрахъ. Въ мирныхъ договорахъ Олега и Игоря съ греками уже понадобились особыя условія о рабахъ, сдѣлавшихся предметомъ торговли. Затѣмъ контингентъ рабства все болѣе и болѣе увеличивался, вслѣдствіе войнъ первыхъ князей, сначала противъ сосѣдственныхъ племенъ, а потомъ между собою. Такъ Ольга по взятіи древлянскаго города Коростеня „овѣхъ избѣша, а иныя воемъ своимъ преда“. ²⁾ Такъ Ярославъ и Мстиславъ послѣ набѣга на ляхскую землю „мнози ляхи приведоша и раздѣлиша“. Каждая война, каждый набѣгъ доставлялъ полонъ и если сообразить количество войнъ въ XI, XII и XIII столѣтіяхъ, то неудивительно быстрое умноженіе рабовъ, неудивительны низкія цѣны на нихъ, неудивительно, что въ Новгородѣ за плѣннаго суздальца платили только двѣ погаты. ³⁾

Хотя въ договорныхъ грамотахъ встрѣчается условіе о размѣнѣ плѣнныхъ: „что будетъ у тебе того моего полоу или у твоихъ бояръ и у дѣтей у боярскихъ и тебѣ тотъ полонъ весь отдати... а кто будетъ того полоу запроданъ за рубежъ или индѣ гдѣ и тебе тотъ полонъ выкупити весь безъ хитрости и отдати мнѣ“ ⁴⁾ но эти условія заключались впо-

¹⁾ Карамз. т. I. прим. 132.

²⁾ Никон. Лѣт.

³⁾ Карамз. III. прим. 7.

⁴⁾ Догов. грам. 1433 г.

слѣдствіи, когда князья стали осѣдлыми, когда въ ихъ примѣнѣ интересъ было заботиться объ цѣлости и увеличеніи населенія своего княжества.

Плѣвъ составлялъ главный источникъ рабства, но далеко не единственный. Въ Русской Правдѣ уже встрѣчаются законодательныя опредѣленія различныхъ видовъ рабства: холопство полное „обѣльное“ и неполное „закупъ“ и исчисляются тѣ случаи, отъ которыхъ возникало холопство. Къ поводамъ полного холопства принадлежали: 1) продажа свободнымъ самаго себя въ рабство и купля холопа отъ хозяина. Законъ требовалъ, чтобы въ первомъ случаѣ продажа производилась при свидѣтеляхъ, а во второмъ въ присутствіи самаго холопа, такъ какъ показанія ихъ могли быть доказательствами совершенной сдѣлки. Впослѣдствіи, въ разсматриваемую эпоху по такимъ продажамъ составлялись полныя и докладныя грамоты; 2) женитьба на рабѣ безъ ряду, т. е. безъ выговоренія условія о своей свободѣ. Это правило относилось собственно къ мужу, но, безъ всякаго сомнѣнія, оно распространялось и на жену, тѣмъ болѣе, что для женщины вопросъ о самостоятельности не имѣлъ большой важности; 3) поступленіе на службу въ должность тиуна или ключника безъ рада. Мотивы этого опредѣленія очевидны: должность ключника или тиуна требовала особенной преданности и вѣрности интересамъ хозяина, а такой преданности можно было болѣе всего ожидать отъ человѣка вполне зависѣвшаго отъ воли хозяина; 4) неплатежъ долга. Впрочемъ по этому поводу Правда устанавливаетъ различіе по причинамъ неплатежа: отъ несчастныхъ ли обстоятельствъ, независѣвшихъ отъ должника произошелъ неплатежъ, или по собственной его винѣ, — въ первомъ случаѣ должника не насиловали, не подвергали продажѣ, но ждали болѣе благопріятнаго времени, во второмъ же случаѣ предоставлялось займодавцамъ право или отсрочить уплату, или продавать должника; 5) побѣгъ лица, находившагося въ личной зависимости (закупъ, ваймптъ) за долгъ или прожитки отъ своего хозяина обращалъ въ рабство „аже холопъ бѣжить отъ господо, то обѣль,“ исключая того случая, когда закупъ уходилъ явно искать денегъ для уплаты, или къ князю, или къ

судьѣ съ жалобою на обиду; 6) уплата хозяиномъ закупа за уворованное послѣднимъ, точно также приводило объѣзство и накопецъ; 7) наследственность рабства ¹⁾).

Всѣ эти случаи установленія холопства, исчисленные въ Русской Правдѣ не могли не довести контингентъ его до ужасающихъ размѣровъ, въ особенности при полной необеспеченности жизни свободнаго русскаго человѣка того времени, при непрерывныхъ княжескихъ усобицахъ, и при необузданномъ стремленіи личности къ господству, къ подчиненію себѣ другихъ менѣе сильныхъ. А такъ какъ сильными людьми являлись князья и приближенные къ нимъ дружинники и бояре, то естественно было бы ожидать особеннаго развитія аристократическаго элемента. Но этого не было, и не было вслѣдствіе тѣхъ условій, въ какія поставили себя князья и дружинники. Тѣ и другіе не были совершенно осѣдлыми, не проникались мѣстными интересами, бросали свои мѣста въ княжествѣ, или уступали ихъ какъ только представлялся выгодный случай. Такимъ явленіемъ характеризуется весь нашъ историческій ходъ до XIV столѣтія. Полная неопредѣленность отношеній: демократія не могла развиться вслѣдствіе ослабленія народнаго элемента чрезмѣрнымъ развитіемъ несвободнаго класса, а аристократія вслѣдствіе своего чуждаго положенія.

Накопецъ, къ особому развитію рабства въ значительной степени служили татарскіе набѣги. Каждый набѣгъ уводилъ полонъ и, конечно, полонъ такихъ лицъ, за которыхъ можно было ожидать хорошаго выкупа, каждый набѣгъ грабилъ, лишалъ оставшихся на мѣстѣ жителей ихъ прибытковъ и достояній, а тѣмъ самымъ заставлялъ входить въ займы, приводившіе неминуемо къ закрѣпленію въ холопство. Уводя полонъ и разрѣжая тѣмъ свободное населеніе, сами татары оказывали русской княжеской власти двойную услугу: освобождали отъ противодѣйствія и давали возможность князьямъ выкупомъ полонцовъ и поселеніемъ его на своихъ земляхъ увеличивать матеріальныя средства. Этими услугами и воспользовались московскіе князья, плотно засѣвшіе на одномъ мѣстѣ и зорко

¹⁾ Исслѣдованія о Рус. Правдѣ Калачова, ст. 82, 85, 87.

слѣдившіе за всевозможными примыслами. Выкупленные изъ полона и заслѣнные на княжескихъ земляхъ люди носили особое названіе ордынскихъ, о которыхъ, равно какъ и о другихъ купленныхъ людяхъ, встрѣчаются въ договорахъ князей особыя условія.

Ограниченіе случаевъ установленія рабства вовсе не входило въ расчеты начинавшей организовываться самостоятельной княжеской власти, а потому и не могло вызывать никакихъ ограничивающихъ обязательныхъ мѣръ. Только духовная власть во имя спасительнаго христіанскаго ученія печаловалась о тяжелой холопской долѣ и старалась при всѣхъ благоприятныхъ моментахъ объ освобожденіи рабовъ на свободу. Но христіанское вліяніе провѣвало въ народную массу постепенно и духовенство ограничивалось только частными случаями, стараясь избѣгать выказывать какое-либо противодѣйствіе свѣтской власти. Къ этимъ-то частнымъ случаямъ относятся отпущенія на волю въ духовныхъ завѣщаніяхъ князей и знатныхъ лицъ. Духовенство пользовалось податливимъ моментомъ послѣдняго страшнаго расчета человѣка съ жизнью, но не дѣлало, да и не могло дѣлать, никакой попытки къ сокращенію поводовъ рабства. Да и это частное вліяніе духовенства обнаружилось позднѣе, въ разсматриваемую же эпоху его въ нашихъ историческихъ памятникахъ почти не видно: даже въ духовной грамотѣ такого религіознаго человѣка, каковъ былъ Іоаннъ Даниловичъ Калита, вовсе не встрѣчается распоряженія объ отпускѣ на свободу.

Что же касается до вопроса о положеніи раба, объ юридическомъ отношеніи его къ обществу, то этотъ вопросъ положительно разрѣшается опредѣленіями Русской Правды и нѣкоторыми дошедшими до насъ грамотами.

Рабское состояніе было состояніе безправное; рабъ-холопъ, какъ вещь, могъ пріобрѣтаться и отчуждаться всѣми возможными способами наравнѣ со всякимъ имуществомъ. Онъ могъ быть уничтоженъ, убитъ безъ преслѣдованія уголовнымъ судомъ.... „а въ холопѣ и въ рабѣ нѣтуть виры, но же буде

безъ вины убіены, то за холопъ урокъ платити, или за рабу“ ¹⁾ собственнику цѣну раба. Самъ же хозяинъ не подвергался никакому взыскаіію, какъ это подтверждается даже позднѣйшимъ свидѣтельствомъ (въ концѣ XIV вѣка), Двинскою грамотою Василя Дмитріевича „а кто осподарь огрѣшитя ударить холопа или рабу, а случится смерть, то въ томъ намѣстники не судятъ, ни вины не сміють ²⁾.“ Рабъ, какъ вещь, могъ быть похищенъ и украденъ „аже кто познаеть челядинъ свой украденъ, а поимешъ и то оному вести по купамъ до третьяго свода“ ³⁾, а самая попража навлекала взыскаііе на похитителя... „а оже уведеть ножъ холопъ, либо рабу платити ему за обиду 12 гривенъ“ ⁴⁾. Рабъ не могъ приобрѣтать имущества въ личную собственность. Хотя объ этомъ нѣтъ въ Русской Правдѣ точнаго опредѣленія, но оно естественно вытекаетъ изъ всѣхъ другихъ ея положеній, какъ напр.: „оже холопъ бѣгая добудеть товару, то господину же и холопъ и долги господину же и товаръ“, или „аже отъ челяди плодъ или отъ скота, то все поимати лицомъ.“ Въ Правдѣ вообще исчисляются съ опредѣленностью только тѣ случаи, которые, или опредѣляли финансовую сторону, или могли возбуждать сомнѣвіе и споры; въ вопросѣ же извѣстномъ и всѣми одинаково повнимаемомъ не предстояло никакой надобности въ особомъ опредѣленіи.

Какъ существо безправное, рабъ не могъ свидѣтельствовать въ какомъ либо дѣлѣ „на послушество на холопа не вскладаютъ, но оже не будетъ свободнаго, то по нужди ти сложити на боярскаго тивуна на дворскаго, а на инѣхъ не вскладывати“ ⁵⁾. Но ни эти послѣдніе и никто вообще изъ рабовъ не могъ свидѣтельствовать противъ своего господина „тяже всѣ судятъ съ послухы свободными, будетъ послухъ холопъ, то холопу на правду не стати, но оже хочеть истецъ“ ⁶⁾,

¹⁾ Рус. Правда Калачова, стр. 112.

²⁾ А. А. Э., т. I, № 13.

³⁾ Рус. Пр. Калач., стр. 130.

⁴⁾ Ibid. стр. 119.

⁵⁾ Рус. Правда Калачова, стр. 124.

⁶⁾ Ibid., стр. 125.

т. е. за исключеніемъ того случая, когда самъ истецъ вызывалъ свидѣтельство холопа. Свидѣтельство на господина не принималось рѣшительно: „холопа и рабѣ на господина вѣры неяти“¹⁾. Рабъ безъ своего господина не могъ быть судимъ, „а старостѣ ни холопа, ни рабѣ безъ господаря.... судьямъ не судити“²⁾, да и вообще какъ вещь, онъ не подвергался личной судебной отвѣтственности и за его дѣйствія отвѣчалъ господинъ, отъ котораго зависѣло или платить за него, или выдать виновнаго. Только за одно дѣйствіе холопъ могъ подвергнуться личной отвѣтственности, а именно: за обиду нанесенную имъ свободному человѣку „аже холопъ ударитъ свободнаго мужа, а убѣжитъ въ хоромъ, а господина его не выдасть, то заплатити завъ господину 12 гривнѣ, а затѣмъ аче кдѣ надѣзетъ его удареный своего истъча, кто же его ударилъ велики князь Ярославъ (Володимеричъ) оставилъ убити нъ сынове оставиша на купы, любо бити развязавше, или взяти уговло за соромъ“³⁾.

Даже этихъ краткихъ указаній на юридическую обстановку несвободнаго состоянія достаточно для доказательства, какъ тяжела была доля холоповъ и тѣмъ болѣе тяжела, что она была безвыходна, безысходна, безъ воли самого хозяина. Только рабья-валожица господина послѣ его смерти дѣлалась свободной, вмѣстѣ съ своими дѣтьми; да еще дѣлался свободнымъ наймитъ, купленный какъ холопъ⁴⁾. Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ холопства собственно и не возникало, такъ какъ въ самой продажѣ заключался обманъ.

Названіе холопа относилось ко всякому лицу несвободнаго состоянія, былъ ли онъ земледѣлецъ „ролѣйный холопъ“, или дворской, но преимущественно этимъ названіемъ обозначались лица, находившіяся при господинѣ въ личной службѣ, хотя домашняя прислуга господина носила особое названіе челяди, челядинцевъ.

Такое печальное положеніе значительнаго по числу народ-

¹⁾ Договорн. грам. 1270 и 1307 г.

²⁾ Договорн. грам. 1305 г.

³⁾ Рус. Правда Калач., ст. 94.

⁴⁾ Изслѣд. Рус. Правды Калачова, стр. 87.

наго класса не могло не отразиться въ общемъ строе' и въ этомъ положеніи лежала одна изъ главныхъ причинъ возникновенія и упроченія вотчинной власти и тѣхъ отношеній, которыя установились между высшими и низшими общественными ступенями.

Полусвободное состояніе. Между холопомъ и свободнымъ лицомъ существовалъ особый классъ полусвободныхъ (закупы, наймиты), привавшихъ на себя извѣстныя обязательства (кабалы), съ ограниченіемъ ихъ свободы, но не превратившихся въ собственность. Къ числу такихъ лицъ принадлежали закупы и наймиты. Невозможно съ точностью сказать, существовало ли различіе между этими лицами относительно ихъ правъ и вообще юридической обстановки, но кажется, что различіе касалось только способа установленія зависимости, а не сущности самыхъ отношеній. Закупомъ называлось лицо, принявшее на себя добровольно зависимость и передавшее въ распоряженіе другаго свою дѣятельность, но не себя самаго, въ удовлетвореніе за полученное отъ хозяина одолженіе, въ чемъ бы это послѣднее ни состояло, въ денежномъ ли пособіи, въ ссудѣ ли хлѣбной и т. п. Наймитомъ же было лицо, обязавшееся представлять свою извѣстную, опредѣленную дѣятельность за извѣстное, условленное вознагражденіе. Но это различіе, такъ отчетливо понимаемое въ настоящее время, въ малоразвитомъ русскомъ обществѣ XIII и XIV вѣковъ, при полномъ отсутствіи опредѣленности даже въ самыхъ существенныхъ юридическихъ отношеніяхъ, сознавалось смутно. Права и обязанности закуповъ и наймитовъ смѣшивались и подлежали однимъ и тѣмъ же опредѣленіямъ,—что можно вывести изъ отсутствія отдѣльныхъ опредѣленій въ Русской Правдѣ и изъ сопоставленія рядомъ этихъ названій: „продасть ли закупа господина за обѣль то наймиту свобода“¹⁾.

Въ сравненіи съ холопами положеніе закуповъ и наймитовъ было несравнено лучше: не только жизнь, свобода, но даже личность обезпечивались. Въ приведенномъ мѣстѣ Русской Правды говорится, что за продажу его хозяиномъ за холопа,

¹⁾ Изсл. о Рус. Пр. Калач. ст. 89.

онъ ѣтолько получалъ освобожденіе отъ своего обязательства т. е. прощеніе сдѣланнаго имъ долга, но даже виновный хозяинъ платилъ ему за обиду и кромѣ того подвергался штрафу. Затѣмъ далѣе опредѣляется взысканіе за побои, сдѣланные за купу хозяиномъ безъ вины, наравнѣ какъ за побои свободному человѣку „аже господинъ бьетъ закупа про дѣло, то безъ вины есть, бьетъ ли не смысля пьянъ безъ вины, то яко въ свободнемъ платежъ такоже и въ закупѣ“¹. Даже правомъ судебной защиты пользовался закупъ; такъ онъ могъ жаловаться на несправедливость господина князю или судьямъ и получалъ судъ (правду). Изъ этого же мѣста Русской Правды видно, что закупъ могъ отлучаться отъ своей обязанности, но только требуется, чтобъ отлучка была не тайная и по основательной причинѣ, какъ напр. за деньгами для уплаты долга или жалобы¹). Въ отношеніи имущественномъ закупъ пользовался правомъ имѣть свою собственность, могъ располагать временемъ для своей работы и даже законодательство заботится оградить его при исполненіи принятаго обязательства отъ различныхъ начетовъ и взысканій хозяина: такъ закупъ обязывался удовлетворить хозяина за порчу бороны и плуга только въ томъ случаѣ если они портились на его работѣ, слѣдовательно какъ будто по его оплошности, точно также не обязанъ былъ удовлетворять хозяина за скотину, выведенную изъ забоя (огорожи или хлѣва) безъ его вины, но если пропажа произошла вслѣдствіе его оплошности или скотина загубилась на его работѣ, то обязанъ былъ вознаграждать²). Закупъ могъ свидѣтельствовать въ судѣ и показанія его, какъ свободнаго человѣка, принимались за доказательства въ дѣлахъ, впрочемъ, небольшой важности „а въ малѣ тяжѣ по нужи можиши на закупа“³). Слѣдовательно прибѣгали къ свидѣтельству закупа только по нуждѣ, за недостаткомъ другихъ доказательствъ и когда не было послуховъ изъ совершенно свободныхъ людей.

¹) *ibid.* ст. 87.

²) *ibid.* ст. 88.

³) *ibid.* ст. 124.

Зависимость закупа прекращалась уплатою долга хозяину или исполненіемъ принятаго закупомъ обязательства. Хотя объ этомъ и нѣтъ прямого опредѣленія въ тогдашнемъ современномъ законѣ, но можно вывести изъ нѣкоторыхъ косвенныхъ указаній той же Русской Правды, а еще болѣе изъ естественнаго послѣдствія по исполненію договора. Но, вѣроятно, чаще это зависимое состояніе закупа превращалось въ полное холопство. Уплата долга, вообще нелегкая вещь, становилась почти невозможнымъ дѣломъ, при полномъ допущеніи всевозможныхъ стѣсненій со стороны хозяина. Законъ не опредѣлялъ ни условій относительно сроковъ обязательствъ, ни цѣнности труда закупа и этимъ, естественно, давалъ полную свободу частному произволу. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ простой, сѣрый народъ бѣднѣлъ все больше и больше. И наконецъ все, что оставалось у него изъ пожитковъ отъ княжескихъ усобицъ, все грабилось и поглощалось татарскими ордами.

Свободное состояніе. Въ древнемъ періодѣ нашей исторіи до Московскаго государства, какъ было уже сказано, не могло существовать правильно образованныхъ состоявій, какъ элементовъ государственнаго устройства, съ опредѣленными правами и обязанностями. Только одно государство въ своей стройной жизни создаетъ юридическихъ лицъ въ опредѣленной формѣ, живущихъ общей и отдѣльной жизнью, дѣйствующихъ какъ органы одного недѣлимаго тѣла въ районѣ, опредѣленномъ волею того же организма. Такихъ организмовъ не было у насъ до XVI вѣка. Наши княжества до XIV вѣка не были одуховными единицами; въ нихъ жили двѣ стихіи, въ опредѣленныхъ и нерѣдко враждебныхъ взаимныхъ отношеніяхъ: вѣче и князь. Но и эти стихіи съ своей стороны, какъ видно изъ предшествующаго изложенія, не были сами по себѣ однородными. Вѣче составляло народъ не въ видѣ цѣльнаго учрежденія, а какъ простое собраніе физическихъ лицъ, несвязанныхъ между собою одной общей для нихъ идеей. Точно также и княжеская власть не представляла собою суммы всѣхъ интересовъ княжества, не была фокусомъ всѣхъ его отправленій, а наоборотъ, въ большинствѣ случаевъ оказывалась чуж-

дою, связавною съ народомъ только матеріальнымъ интересомъ. Изъ такого соотношенія основныхъ элементовъ конечно немогла развиться государственная организація, вытекающая только изъ единства духа. Государство является всегда объединеніемъ во имя одного общаго начала. У насъ до XVI вѣка ходъ событій и складъ внутренней жизни подготовилъ только развитіе княжеской власти, принявшій видъ частнаго владѣнія, вотчиннаго характера, власти собственника. Какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ вотчинное владѣніе развилось въ государственное — задача послѣдующаго развитія.

Къ положенію Московскаго княжества въ первой половинѣ XVI вѣка никакимъ образомъ не примѣняются наши понятія о правахъ состояній, выработанныхъ государственной жизнью, но тѣмъ не менѣе въ контингентѣ того времени существовали различныя группы населеній: смердовъ, огнищанъ, ремесленниковъ, жильхъ людей, служилыхъ и т. п. отличающихся другъ отъ друга различными видами своей дѣятельности и потому имѣющихъ нѣкоторую особую юридическую обстановку. Конечно эта обстановка по своеобразному характеру того времени преимущественно заключала въ себѣ финансовую сторону: взиманіе виръ и различныхъ податей и повинностей. За исключеніемъ же этой финансовой особенности всѣ свободныя классы имѣли существенныя черты общими. Всѣ виды дѣятельности могли производиться каждымъ желающимъ обратиться къ тому или другому роду. При полномъ отсутствіи замкнутости каждый земледѣлецъ „смердь“ могъ безпрепятственно сдѣлаться очинщаниномъ, купцомъ, житымъ человекомъ или служилымъ. Равнымъ образомъ не было территоріальной замкнутости. Всѣ пользовались правомъ (за исключеніемъ, разумѣется, холоповъ) свободнаго перехода, свободнаго выбора мѣста жительства. Эта свобода соответствовала только мѣстнымъ условіямъ; города не были пунктами исключительнаго пребыванія особаго городского состоянія (нынѣшнихъ городскихъ обывателей), въ нихъ проживали и земледѣльцы, точно также въ сельскихъ поселеніяхъ проживали лица, занимающіяся промыслами. Самые села и города не различались между собою юридическими чертами;

тѣ и другіе отличались только количествомъ населенія и цѣлью назначенія (городъ-каѣвъ пунктъ оборонительный).

Переходя къ разсмотрѣнію различныхъ группъ населенія, упоминаемыхъ въ нашихъ источникахъ, необходимо предварительно сказать, что въ большинствѣ случаевъ встрѣчающіяся въ лѣтописяхъ, грамотахъ и договорахъ названія до сихъ поръ нашими учеными съ точностью необъяснены и всѣ мнѣнія по этому предмету болѣе или менѣе гадательны. Со временемъ, съ умноженіемъ изданій нашихъ древнихъ лѣтописныхъ памятниковъ, вѣроятно, будутъ объяснены весьма многія; теперь еще темныя, представленія о нашемъ древнемъ бытѣ.

Самое низшее и вмѣстѣ съ тѣмъ коренное населеніе составляли смерды. Названіе смердъ находится въ памятникахъ до XIV столѣтія и обозначаетъ: 1) земледѣльцевъ „не годно веснѣ птти, говоритъ дружина Святослава, кони изморити, хотимъ погубить смерди и ромо имъ отяти 1),“ 2) людей по преимуществу податныхъ: „Новгородцы... взята всю давь, а на суждальскихъ смердѣхъ другую“ или „не губите своихъ смердъ и своя дани“ и наконецъ 3) людей вообще стоящихъ на низшей ступени общественной іерархіи „нача Ярославъ вои дѣлти старостамъ своимъ по 10 гривенъ, а смердемъ по гривнѣ, а Новгородцемъ по 10 гривенъ и отпусти я всѣ домовъ 2).“ Въ Русской Правдѣ находится немного опредѣленій, относящихся къ смердамъ, а именно: о принадлежности князю наслѣдства послѣ смерти умершаго бездѣтнымъ, или оставившаго только замужнихъ дочерей 3) и о послѣдствіяхъ личныхъ обидъ (мужъ), нанесенныхъ смердомъ смерду же или огнищанину, 4). Изъ сопоставленія всѣхъ приведенныхъ упоминаній должно, кажется, видѣть въ смердахъ лично свободныхъ простолюдиновъ, свободныхъ работниковъ по производству ли сельскихъ полевыхъ работъ или по производству въ различныхъ мастерствахъ. Самый униженный отбѣнокъ въ названіи

1) П. С. Р. Л. П.

2) Никол. с. 179.

3) Изсл. о Рус. Пр. Калач. с. 101.

4) Ibid. с. 116.

смерда не указываетъ на него, какъ на поземельнаго собственника, такъ какъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ обладаніе поземельною собственностью придавало лицу нѣкоторую самостоятельность и значеніе.

Вопросъ о смердахъ естественно приводитъ къ другому вопросу: кто же были землевладѣльцами въ древней Русѣ? Этотъ весьма важный вопросъ нашими изслѣдователями разрѣшается различно. Одни, признавая завоевательныя отношенія пришельцевъ варяжскихъ князей, видятъ въ послѣднихъ обладателей всѣхъ земель завоеванныхъ областей или княжествъ, а по нимъ уже и тѣхъ дружинниковъ и служителей князя, къ которымъ дошли земли по пожалованію; другіе же изслѣдователи на оборотъ, признавая въ пришельцахъ-князяхъ только правителей и судей, оставляютъ земельное владѣніе въ рукахъ тѣхъ родовъ туземнаго племени, у котораго оно находилось до появленія князей.—Разсмотрѣвъ доводы обѣихъ сторонъ и внимательно прослѣдивъ лѣтописныя указанія, кажется, можно достигнуть истины соглашеніемъ обѣихъ противоположныхъ мнѣній: земля, находившаяся въ дѣйствительномъ владѣніи туземцевъ, оставалась собственностью ихъ *de jure*, и *de facto* и послѣ установленія княжескихъ столовъ, а затѣмъ прочія земли княжества, несостоявшія въ чьемъ либо фактическомъ владѣніи, должны были считаться собственностью князя, или того лица, кому были пожалованы княземъ. При такомъ объясненіи становится понятнымъ выраженіе лѣтописца „где Володимеръ на ятвяги и побѣди ятвяга и взя землю ихъ“, ¹⁾ становится понятно право князя на пожалованіе своимъ дружинникамъ земель и вмѣстѣ съ тѣмъ становится объясненной та легкость, съ какой князья покидали свои волости, чего не могло бы быть, еслибъ князья связывались съ волостью обширными поземельными населенными владѣніями.

Въ древней Русѣ, въ особенности при обширности пустопорожнихъ пространствъ, не могло быть столкновеній по поземельному владѣнію и каждый свободный имѣлъ право приобрѣтать землю, обрабатывать и населять ее, соображаясь только

¹⁾ И. С. Р. Л. I. с. 35.

съ своими средствами. Такимъ образомъ, рядомъ съ мелкими собственниками — паслѣдниками прежнихъ родовъ, возникали новыя поселенія княжескія и боярскія изъ холоповъ, закуповъ и смердовъ, обязанныхъ обрабатывать землю въ пользу землевладѣльцевъ. Съ теченіемъ времени подъ совокупнымъ влияніемъ съ одной стороны сильнаго расшпренія несвободныхъ классовъ и развитія личнаго стремленія къ господству, необуздымаемаго государственнымъ порядкомъ, а съ другой стороны непрерывныхъ междоусобицъ и разорительнаго татарскаго погрома, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ количество прежнихъ мелкихъ поземельныхъ собственниковъ постепенно исчезало и уступало мѣсто крупному землевладѣнію, оставляя по себѣ память только внѣшнимъ видомъ поселеній, состоящихъ изъ небольшихъ особыхъ деревень въ нѣсколько дворовъ. Таковъ долженъ былъ быть и такимъ дѣйствительно былъ естественный ходъ нашего землевладѣнія, хотя на это нѣтъ прямыхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ. Явленія всенедневной жизни, по естественности своей, слишкомъ незамѣтны и въ глазахъ современниковъ не заслуживали вниманія, а тѣмъ болѣе записки въ лѣтописи, предназначенной къ увѣковѣченію описаній необыкновенныхъ явленій въ природѣ или крупныхъ событій. Явленія повсенедневной жизни получаютъ значеніе только по общей группировкѣ своей и по истеченіи уже значительнаго времени.

Съ XIV вѣка въ нашихъ историческихъ памятникахъ названіе смерда исчезаетъ и вмѣсто его являются черные люди, численные и орднскіе. Что черные люди и численные не значили одно и тоже, это видно изъ смысла договорныхъ грамотъ... „а черные люди еъ сотникомъ... такожъ и численныхъ людей ¹⁾“. Кто же именно были черные и численные люди? По смыслу указаній договорныхъ и судныхъ грамотъ можно заключить, что подъ черными людьми подразумѣвались вообще лица податныя, тяглыя, будутъ ли они земледѣльцы, или ремесленники, жили ли они на своихъ земляхъ, или владѣльческихъ: „пожаловалъ есмь бояръ своихъ двинскихъ,

¹⁾ Догов. грам. 1433 и 1448. С. Г. Г. и Д. I. 27 и 33.

такъ же сотскаго и *всѣхъ своихъ черныхъ людей* ¹⁾ *Двинскіе земли*“ или напримѣръ „а которые слуги къ дворскому, а *черные люди* къ становщику тѣхъ въ службу не приплати“. ²⁾ Численные же люди, вѣроятно, были люди, вошедшие въ татарскую перепись, сборъ съ которыхъ специально предназначался на уплату ордынской дани, въ выходѣ ордынской. Такъ какъ каждый изъ князей обязанъ былъ вносить опредѣленный взносъ Великому князю, для доставленія въ Орду, то естественно, что эта часть долга лежала на опредѣленномъ количествѣ податныхъ численныхъ. Что подать татарская и подати мѣстныхъ княжескія отличались другъ отъ друга, это ясно видно изъ договорныхъ грамотъ... „а *домъ бесерменскій* и проторъ и *русскій домъ*, а то мы поднати по таможе расчету... а численныхъ людей блюсти ны съ единого, а земель ихъ не купити“, ³⁾ или напр. ⁴⁾ „а численныхъ людей моихъ двою же-ребевъ моимъ сыномъ по частямъ“. Изъ смысла приведенныхъ договоровъ видно, что въ концѣ этой эпохи у князей начала возникать мысль обезпечить свой доходъ косвеннымъ ограниченіемъ для крестьянъ права перехода съ земель одного князя на земли другаго. Но на эту мѣру нельзя смотрѣть какъ на мѣру государственную (что не могло быть по отсутствію государственныхъ элементовъ) и какъ на имѣющую серьезное значеніе во 1-хъ потому, что это условіе встрѣчается далеко не во всѣхъ княжескихъ договорахъ того времени, а во 2-хъ по полной свободѣ вообще перехода. Каждый свободный человѣкъ могъ совершенно безпрепятственно перемѣнять свое постоянное мѣстожительство, переходить не только въ предѣлахъ своего княжества, но даже и совсѣмъ переселиться въ другое. Только изъ черныхъ людей не принимались переселенцы отъ тѣхъ князей, которые заключали между собой особый договоръ, но и они могли переходить въ своемъ княжествѣ съ земель одного владѣльца на земли другаго. До насъ дошли вѣсколько жалобъ владѣльцевъ земель на переизывъ крестьянъ

¹⁾ Догов. грам. 1388 г.

²⁾ Суд. грам. Карам. V примѣч. 244.

³⁾ Догов. грам. 1380—1389.

⁴⁾ Духов. грам. 1389.

другими владѣльцами общаніями болѣе выгодныхъ условій и льготъ.

Были ли черные люди, или численные собственниками земель? По всей вѣроятности, могли быть и дѣйствительно были ими, хотя въ большинствѣ по скудности средствъ принуждены были ограничиваться арендованіемъ. Даже въ позднѣйшее время договоромъ Дмитрія Іоанновича Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ устанавливалось, чтобъ люди, *купившіе черныя земли* обязывались или поступать въ черные люди и *тянутъ съ ними*, или отступаться отъ покупки ¹⁾ Слѣдовательно, если совершались покупки, то значить было и право собственности, въ противномъ случаѣ не было бы мѣста куплѣ-продажѣ, такъ какъ для пользованія достаточно было простаго зачисленія. Безъ сомнѣнія въ черные люди вошли прежніе свободные землевладѣльцы изъ неслужащаго класса, сохранивъ такимъ образомъ за собою коренной составъ населенія.

Наконецъ, въ договорахъ упоминается еще особый классъ населенія, подъ названіемъ людей *ордынскихъ*. По всей вѣроятности, это были люди, выкупленные князьями изъ татарскаго полона и поселенные на собственныхъ земляхъ князя, точно также какъ были поземельныя собственности у бояръ, служилыхъ людей и у монастырей. Что поселенія ордынскихъ людей были значительными, объ этомъ можно судить отчасти по значительности уводимаго татарамъ полона, а отчасти по постоянному стремленію князей, особенно московскихъ, увеличить свою собственность, примыслить, тѣмъ болѣе, что это стремленіе совершенно совпадало съ релігіознымъ чувствомъ, желавшимъ освобожденія христіанъ изъ бесерменскаго полона. Очевиднымъ примѣромъ подобной дѣятельности, можетъ служить княженіе Іоанна Даниловича Калиты.

Ремесленный и торговый классъ: классъ торгующій и ремесленный не составлялъ въ древнія времена особой корпораціи, въ видѣ современнаго городского состоянія. Быть земледѣльцемъ или торговцемъ вполнѣ зависѣло отъ воли обывателя, не стѣсненной въ этомъ отношеніи никакими вѣвш-

¹⁾ С. Г. Г. и Д. І. 33.

нпмп условіямп. Какъ земледѣльцы, такъ п торговцы жили въ однихъ п тѣхъ же городахъ, не различаясь прпвллегіями п льготами, за исключеніемъ, впрочемъ, иностранныхъ купцовъ, положеніе которыхъ, какъ чужеземцевъ, вызывало особенное покровительство. Затѣмъ съ теченіемъ времени по мѣрѣ развитія различныхъ видовъ промышленности классъ торгующій все болѣе п болѣе сталъ выдѣляться изъ общей массы п сосредоточиваться преимущественно въ городахъ «и сотвори ту градець малъ (холмъ) п князь Данило нача призывать прихожанъ нѣмцы, п русь п пная язычники п ляхи, п бѣжаху изъ татаръ *сидельники* п *лучинцы*, п *тулинцы* п *кузнецы* желѣзу мѣды п серебру п бѣ жпзнь п наполниша двори окрестъ града поле»¹⁾.

Составляя болѣе богатую п болѣе развитую часть населенія, классъ торгующій, естественно, долженъ былъ вызывать особня покровительственныя мѣры, которыя оказывались тѣмъ болѣе необходимыми, что торговля доставляла князьямъ весьма значительный доходъ. Такъ, въ договорныхъ княжескихъ грамотахъ встрѣчаются условія о непрерывѣ торговцевъ, объ освобожденіи ихъ отъ службы, о безопасности торговыхъ путей п о свободномъ проѣздѣ чрезъ ихъ владѣнія: «а гостя суконниковъ п городскихъ людей блюсти ны съ однаго, а въ службу ихъ не принимати»²⁾, или напр., «а вывода п рубежа межп себе не замышлатп, а кто замыслитъ рубежъ, рубежника по исправѣ выдати»³⁾. Въ одной договорной грамотѣ эта заботливость выражается еще яснѣе: «а межп насъ людемъ нашимъ п гостемъ путь чистъ, безъ рубежа, а кто учинитъ рубежъ или выводъ, рубежника или выводщика по исправѣ выдати»⁴⁾. Хотя эти грамоты п относятся къ нѣсколько позднему времени, но онѣ могутъ быть приведены по недостатку грамотъ 1-ой половины XIV вѣка, по совершенной тождественности общественныхъ явленій.

Въ нашихъ памятникахъ упоминаются слѣдующія названія

¹⁾ Карамз. IV примѣч. 20.

²⁾ Догов. гр. 1388 г.

³⁾ Догов. гр. 1368.

⁴⁾ Догов. гр. 1451.

классовъ торговой дѣятельности: гостей, купцовъ, жптыхъ людей, градскихъ и черныхъ людей. Гостями назывались пногородные торговцы ббльшей руки, ведущіе оптовые обороты съ другими владѣніями. Мпхавль говоритъ новгородцамъ: «не хочу у васъ княжить, гостя ко мнѣ не пускайте»¹⁾. Безопасность гостей составляла предметъ особенной заботливости князей, какъ это видно изъ постановленій взаимныхъ княжескихъ договоровъ, въ виду того, что торговля, какъ было уже сказано, кромѣ развитія общаго благосостоянія, непосредственно увеличивала княжескіе доходы въ видѣ особенной пошлины. Сюда принадлежатъ, напр., пзвѣстный договоръ Мстислава Давыдовича Смоленскаго съ Рпгою въ 1229 году, исключительно относящійся до торговыхъ птересовъ: «а како будетъ нѣмецкій гость въ Смоленскѣ городѣ, тако ему продати свой товаръ безъ всякой бороны. А какъ будетъ русскій гость въ Рпгѣ и на готскомъ берегѣ, вольно же ему продати безъ всякой бороны». Далѣе опредѣляются условія свободнаго проѣзда: «аще который нѣмчиць хочетъ пойти съ своимъ товаромъ въ иный городъ, князю не боронити Смолняномъ. Или который руспнъ въсхочетъ съ готскаго берега въ нѣмецкую землю въ Любокъ, нѣмцемъ не боронити пути того»²⁾.

Купцами (жптыми людьми) назывались вообще лица, торгующія въ предѣлахъ своего княжества и раздѣлявшія по роду своей дѣятельности на суконниковъ, сурожанъ и т. п. Какъ купцы, такъ и вообще ремесленники (градскіе люди) и простолюдины (черные люди) раздѣлялись на сотни. Въ договорахъ весьма часто встрѣчаются условія о невыводѣ градскихъ людей, о недержаніи закладней и о непринятіи такихъ людей на службу: «а изъ бѣжницъ княже люди невыводити, ни закладчпковъ не пріимати, ни смерда не купити»³⁾, или, «а что закладчпковъ въ торжеу или нидѣ, или за тобою, или за княгиннею, или за мужи твоими, кто купецъ поидетъ въ свое сто... а смердъ въ погость... отпусти ихъ процъ»⁴⁾, или напр.,

¹⁾ Новг. лѣт. (1017—1352).

²⁾ Рус. Дост., т. 2, стр. 261.

³⁾ Догов. гр. 1263 г.

⁴⁾ Догов. гр. 1309.

«а гости и суконники, и городскихъ людей блюсти ни съ единого, а въ службу ихъ не приимати»¹⁾).

Понятна заботливость князей блюсти и оберегать торговый людъ. Съ тѣхъ поръ, какъ упрочилось стремление князей къ осѣдлости, къ удержанію за собою своей вотчины, явилась ненасытная жажда промысла, территоріальныхъ приобретеній и умноженія доходовъ, зависѣвшихъ главнымъ образомъ отъ вниманія различныхъ податей, обуславливающихся съ своей стороны благосостояніемъ жителей и развитіемъ ихъ промышленно-торговой дѣятельности. Но изъ современныхъ князей болѣе всѣхъ отличались въ этомъ отношеніи князья Московскаго дома. Если Новгородъ перевѣшивалъ Москву духомъ рпскованной предпримчивости жителей и выгодами естественнаго положенія воднаго пути съ заграницей, то тѣмъ не менѣе и Москва по центральному своему положенію и избытку естественныхъ произведеній имѣла съ своей стороны значительныя выгоды. Находясь на перепутьи съ юга на сѣверъ и владея теченіемъ Оки и частью теченія Волги, москвичи весьма вѣрно оцѣнивали свое положеніе и расчетливо пользовались каждымъ благопріятнымъ случаемъ. До какой степени развились торговыя сношенія, можно видѣть изъ описанія ярмарки холопьяго городка, оставленнаго намъ москвичемъ діакономъ Гимоеемъ Каменевичемъ-Рвовскимъ, писавшимъ въ 1699 году по древнему преданію²⁾. Изъ этого описанія узнаемъ, что одного пошлиннаго серебра въ велико-княжескую казну собиралось на ярмарку до 180 пудовъ,—количество по отношенію въ XIV или XV вѣку весьма солидное.

Духовенство. Одно только духовное вѣдомство съ самаго водворенія его въ нашей древней исторіи имѣло сословную организацію, и это одиочное явленіе объясняется полнымъ замкнутостію. До введенія христіанства въ историческихъ источникахъ не встрѣчается никакого указанія на особенную касту жрецовъ, которой, по всей вѣроятности, и не было. Князья и родоначальники, вѣроятно, были жрецами, храни-

¹⁾ Догов. гр. 1388.

²⁾ Карамз. IV прим. 323.

лями и учителями религиозных вѣрованій. Съ принятіемъ же изъ Греціи христіанской религіи, вмѣстѣ съ ней перешла и готовая организація духовнаго состоянія греческой церкви. Вѣроятно, одновременно съ принятіемъ христіанства, у насъ образовалась митрополія въ Кіевѣ (впослѣдствіи съ 1299 г., по разгромленіи Кіева, переведенная митрополитомъ Максимомъ въ Владимірѣ на Клязьмѣ) и затѣмъ въ главныхъ пунктахъ населеній—епископства: новгородское, ростовское, владимірское, бѣлгородское и черниговское; объ этихъ епископствахъ положительно упоминается еще подъ 1105 годомъ. Затѣмъ съ развитіемъ вѣроученія стали постепенно возникать и прочія епархіи: переяславская, полоцкая, шуровская, холмская, смоленская, суздальская (около 1156 г.), владимірская, основанная Юріемъ Всеволодовичемъ въ 1215 г., рязанская, отдѣлившаяся отъ черниговской въ концѣ XII, или въ началѣ XIII столѣтія и т. д.

Епархіи управлялись епископами; только вѣкоторыя по особенной значительности своей и важности архіепископами, какъ ковы, напр., епархіи новгородская (съ 1166 г.) и ростовская. Митрополиты по желанію или съ согласія великаго князя избирался и постановлялись константинопольскимъ патріархомъ до 1449 г., т. е. до того времени, когда по случаю Феррарскаго Собора и участія на немъ московскаго митрополита Исидора, наши митрополиты стали назначаться и посвящаться дома безъ всякаго вмѣшательства Царьграда; епископы же во времена вѣчеваго устройства избирались народомъ и князьями, а посвящались митрополитомъ. Въ лѣтописяхъ нерѣдко встрѣчаются случаи изгнанія епископовъ или народомъ, или княземъ: «того же лѣта выгнаша ростовцы и суздальцы, Леона епископа зане умножилъ быше церковь граба» (1158), или напр., «князь Всеволодъ (1185) посла къ Кіеву къ Святославу и къ митрополиту прося епископа *хотя поставити* Луку кроткаго игуменя Св. Спаса на берестовомъ. Митрополитъ же не хотяше, се бо на мзду поставилъ Николу Гречина, Всеволоду не хотящу его...» Такимъ образомъ, съ первыхъ же временъ духовенство стало въ зависмости отъ свѣтской власти и этого положенія постоянно держалось впослѣд-

ствін. По всей вѣроятности, къ такой постановкѣ весьма много способствовала зависимость духовенства въ матеріальныхъ средствахъ.

Духовенство составляли, какъ составляютъ и нынѣ, двѣ корпораціи: черное, монашествующее духовенство и духовенство бѣлое, священство — вообще церковный причтъ.

Основаніе монастырей безошибочно можно отнести къ времени Владиміра Равноапостольнаго. Изъ жизнеописанія св. Антонія Печерскаго видно, что онъ (род. 983), возвратившись съ Афонской горы въ Кіевъ, нашель уже тамъ монастырь, основанный греческими иноками. Этому святителю приписываютъ основаніе въ Кіевѣ Печерскаго монастыря, которому въ 1051 году великій князь кіевскій Изяславъ пожаловалъ поземельный участокъ: «посла (Антоній) единого отъ братьѣ ко Изяславу князю река тако: княже мой! се Богъ умножаетъ братью, а мѣстце мало; дабы ны далъ гору ту, яже есть надъ печерою. Изяславъ же слышавъ и радъ бысть, посла мужъ свой и вда имъ гору ту»¹⁾. Такъ основалась наша первая русская обитель.

Точно также какъ на западѣ, наши монастыри имѣли значительное культурное значеніе; точно также, какъ на западѣ они были единственнымъ источникомъ образованія, нравственнаго направленія и проводникомъ гуманнхъ начинаній. Въ монастырскихъ стѣнахъ устраивалсь школы, жили люди грамотные, дѣятели минувшихъ и текущихъ событій, которымъ столько обязана наша отечественная исторія; тамъ существовали благотворительныя учрежденія, странноприимные дома, богадѣльни и больницы, и къ нимъ, какъ къ центрамъ, тяготѣла вся умственная жизнь того времени. Поэтому понятна и политическая роль монастырей. Отрѣшившись отъ современныхъ эгоистическихъ и временныхъ интересовъ, они сохраняли въ себѣ болѣе широкое созерцаніе и въ нихъ никогда не умрала идея единства русской земли. Въ нихъ находились примирители и судьи княжескихъ усобицъ, безпристрастные совѣтники и въ ихъ нѣдрахъ князья искали себѣ разумныхъ

¹⁾ Лавр. лѣт. 6559, стр. 68.

пословъ. Приводить доказательства такого мнѣнія излишне; это значило бы перепечатывать всѣ наши лѣтописи. Служа убѣждшемъ для всякаго, кого поломали житейскія невзгоды, монастыри пѣли въ себѣ представителей всѣхъ элементовъ современнаго общества, начиная отъ княжескаго семейства до послѣдняго смерда и изъ этого единенія разнообразія естественно должны были зарождаться идеи болѣе широкаго объема. Можно безошпочно сказать, что только въ монастырскихъ стѣнахъ могли быть люди, подобные митрополитамъ Петру, Алексію, Филиппу, и только ихъ руководству обвязаны Александръ Невскіе, Давиды Московскіе и т. п.

Въ число монастырскихъ братій нерѣдко поступали члены княжескихъ семействъ и значительныхъ боярскихъ родовъ, какъ напр. Судиславъ въ 1059 году, Николай Давыдовичъ, внукъ Святослава (извѣстный подъ именемъ Николая Святоши, причтенный церковью къ святымъ) и мн. друг. Нерѣдко, а съ XIII вѣка въ Московскомъ княжескомъ домѣ постоянно, князья передъ смертью принимали схиму, нерѣдко постриженіе служило единственнымъ средствомъ расторженія брачныхъ союзовъ. При такихъ постриженіяхъ и въ виду значительныхъ политическихъ услугъ, монастыри весьма часто получали богатые вклады, то денежные, то поземельными участками пусто-порожними и населенными, съ болѣе, или менѣе широкими льготами въ платежѣ повинностей. Такимъ образомъ наше черное духовенство уже съ XIV столѣтія является собственникомъ многихъ богатыхъ селъ и деревень, управляемыхъ особо администраціею. Но такъ какъ всѣ значительные вклады или непосредственно истекали отъ княжеской власти, или завѣдѣли отъ ея согласія, то въ этомъ обстоятельствѣ заключалась новая причина, почему черное духовенство не смотря на обезпеченность своего положенія не только никогда не стремилось къ полной независимости, никогда не вступало въ явную борьбу съ свѣтскою властью, но даже удалялось отъ мпрскихъ столкновеній и вступалось только по вызову той же свѣтской власти. Для доказательства достаточно прослѣдить характеръ участія архіепископовъ новгородскихъ въ непрерывныхъ спорахъ Новгорода съ Москвою, достаточно указать

на послушную готовность митрополита Θεотоста исполнить волю московскаго князя Іоанна Калиты, объ отлученіи отъ церкви псковитянъ прнпмавшихъ участіе въ судьбѣ князя Александра Тверскаго.

Монастыри управлялись архимандритами, или игуменами, посвящаемыми мѣстнымъ епископомъ, по избранію всей братіи изъ среды своей. Часто выборъ дѣлался по указанію предшественника архимандрита, или подъ его руководствомъ, по исполненіе совѣта не было обязательно, хотя въ дѣйствительности указаніе имѣло особенное значеніе уже по авторитетности придерживающей власти. Въ виду этой-то авторитетности власти иногда, если не назначеніе новаго настоятеля, то во всякомъ случаѣ переводъ настоятеля изъ одной обители въ другую совершался по волѣ князя. Такъ Ізяславъ избраннаго въ преемника къ Антоію игуменомъ Кіево-Печерскаго монастыря Варлаама назначилъ въ основанный имъ монастырь Св. Дмитрія, а братія должна была приступитъ къ новому выбору.

Получая отъ княжеской власти свои матеріальныя, весьма для того времена богатыя средства, духовенство въ то же время взаимно оказывало этой власти громадную услугу. Оно старалось развивать въ населеніи идею божественнаго происхожденія верховной власти и вслѣдствіе того необходимость безусловнаго ей повиновенія. Придавая князьямъ титулы христілюбивыхъ, благовѣрныхъ и о Св. Духѣ возлюбленныхъ, духовенство старалось представить ихъ представителями Бога. И конечно усилія эти немогли оставаться безплодными по мѣрѣ развитія христіанскаго ученія. Указанія на такое ученіе духовенства встрѣчаются еще при вѣчевомъ порядкѣ: такъ духовенство, уговаривая князя Владиміра Святаго на принятіе строгихъ мѣръ противъ разбоевъ, говоритъ ему „ты еси отъ Бога поставленъ на казнь злымъ,“ хотя въ то время опредѣленіе законодательныхъ мѣръ не зависѣло исключительно отъ князя. Послѣ же татарскаго погрома и возвышенія Москвы естественно почва для такого ученія оказывалась болѣе плодородною. Перенесеніемъ митрополіи въ Москву духовенство сдѣлало послѣднюю главою православнаго міра, а князей ея не только старшими, но и единственными властителями, предназначен-

ными Богомъ къ собиранію русской земли. Умные московскіе князья, съумѣвъ оцѣнить значеніе поддержки духовенства, постоянно ласкали его, одаряли, но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не придавали ему полной независимости.

Далеко не видную роль играло бѣлое духовенство, хотя напротивъ, по непрерывному непосредственному отношенію къ народу, оно должно было бы быть не менѣе вліятельно. Состоя пзъ священно и церковнослужителей, оно находилось въ полной подчиненности, и подъ управленіемъ монашествующихъ іерарховъ и это подчиненіе сказывалось на немъ весьма неблагоприятно, какъ по замкнутости сферы своей дѣятельности, такъ и по скудости матеріальныхъ средствъ. Хотя въ первые вѣка по принятіи христіанской вѣры наши князья при устройствѣ церквей и назначали имъ десятую часть своихъ доходовъ, каково напр. назначеніе десятины Владиміромъ и Андреемъ Юрьевичемъ „въ торгѣхъ десятіе недѣли и въ житѣхъ и въ стадѣхъ и во всемъ десятое“, но во 1-хъ это пожалованіе было далеко не общимъ правиломъ и во 2-хъ оно большею частью назначалось іерархамъ чернаго духовенства. Дѣйствительность давала странное явленіе: бѣлое духовенство въ черномъ тѣлѣ и наоборотъ черное въ бѣломъ тѣлѣ. Содержаніемъ бѣлому духовенству служила руга (необязательный, впрочемъ, сборъ сельскихъ произведеній съ жителей прихода) и пользованіе незначительными землями и доходами съ нихъ. При этомъ необходимо замѣтить, что при медленномъ прониканіи христіанскихъ истинъ въ народную массу въ приходѣ количество платившихъ ругу было вѣроятно не велико. Такое невыгодное положеніе конечно не могло не отразиться на уровнѣ умственнаго образованія бѣлаго духовенства. И дѣйствительно, въ числѣ священнослужителей, исполняющихъ религіозныя требы, иногда встрѣчались лица неграмотные и далеко не отличающіяся безукоризненною нравственностью.

Изъ всего контингента княжества одно только духовенство, перешедшее къ намъ цѣликомъ пзъ Греціи, составило нѣчто органически-цѣльное, пмѣющее опредѣленные права и обязанности, однимъ словомъ, составляло то, что обыкновенно называется пзвѣстнымъ состояніемъ народа. Какія же были права

и обязанности духовенства? Разумѣется, главною и существенною обязанностью было распространение Слова Божія, утверждение истины въ правилахъ христіанскаго ученія, но кромѣ этого, къ вѣдомству духовенства принадлежали нѣкоторыя самостоятельныя отрасли правительственной дѣятельности, какъ напр. отправленіе правосудія и управленіе. Изъ дѣлъ судебныхъ нѣкоторые разряды принадлежали всецѣло юрисдикціи духовенства, другіе же по отношеніямъ личнымъ. Къ первому разряду относились дѣла брачныя, разводъ, отношенія семейственныя, преступленія противъ нравственности, нарушенія правилъ церковныхъ, завѣщанія и наконецъ мѣры и вѣсы,—безъ всякаго отношенія по различію лицъ, одинаково какъ для свѣтскаго, такъ и для духовнаго званія ¹⁾. Ко второму же разряду относились: а) разборы дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ по обвиненію лицъ духовнаго званія. Юрисдикція послѣднихъ дѣлъ принадлежала по степенямъ подчиненности архимандритамъ, епископамъ и наконецъ митрополиту, отъ котораго зависѣло окончательное рѣшеніе: „а тяжъ Епископлихъ не судити никому же, судить ихъ самъ Епископъ“... ²⁾ или „и суди судяше (мишяй) и дани и оброки пощлины емляше и нача вооружатися на священники и на пноки и на игумена, архимандриты, епископы и осуждаше и продаяше многихъ“ ³⁾. Затѣмъ б) разборы дѣлъ людей всѣхъ званій, жившихъ на земляхъ, принадлежащихъ духовенству. Юрисдикція послѣднихъ дѣлъ впрочемъ являлась не иначе, какъ вслѣдствіе пожалованія отъ князя, его порученія и потому ограничивалась пространствомъ пожалованія. Обыкновенно князь, жалуя въ собственность духовенству земли, жаловалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и судъ надъ тѣми людьми, которые жили на этихъ земляхъ, съ предоставленіемъ въ пользу же духовенства или всѣхъ, или нѣкоторыхъ судебныхъ пошлинъ, пеней и штрафовъ: „а что учинится между спаскими людьми, бой или татьба или душегубство или самосудъ, то все судить игуменъ

¹⁾ Уставы Владиміра и Ярослава о церкви, судахъ.

²⁾ Уст. гр. Смол. ки. Ростислава (1150 г. сент. 30). Дополн. къ Ак. Ист. т. 1, с. 7.

³⁾ Никон. IV.

и вину емлетъ въ домъ Св. Спаса, а нашимъ судьямъ не надобе“ (Грамота про домъ Св. Спаса). Въ ярлыкѣ, данномъ ханомъ Узбекомъ Петру митрополиту (1313 г.) право суда предоставлено послѣднему безъ ограниченія „въ разбон и въ поличномъ и въ татѣбѣ и во всякихъ дѣлахъ вѣдаетъ Петръ митрополитъ единъ“ ¹⁾. Иногда нѣкоторыя дѣла по важности своей (разбой, душегубство) выдѣлялись изъ юрисдикціи духовенства, иногда же не бывало никакого исключенія: „а судъ мой Великаго князя надъ владычными людьми въ душегубствѣ и въ разбон и въ татѣбѣ“ ²⁾. Приведенная грамота относится къ концу XV столѣтія и вообще можно предположить съ большою вѣроятностью, что съ этого времени Московскіе князья въ стремленіи своемъ обезпечить и увеличить свое вліяніе начали постепенно сокращать предѣлы вотчинныхъ правъ пожалованія.

Наконецъ былъ еще судъ общій „вобчій“, происходившій въ тѣхъ случаяхъ, когда разборъ касался до лицъ различныхъ подсудностей, напр. одна сторона была изъ лицъ подсудныхъ духовному вѣдомству, а другая вѣдомству общей правительственной власти. Въ этихъ случаяхъ дѣло разсматривалось совокупно судьями обѣихъ сторонъ, а пени и штрафы шли по подсудности обвиненной стороны „а межъ моихъ людей и владычныхъ людей судъ и приставъ вобчій“.

Кромѣ суда духовенству принадлежало право управленія надъ людьми, жившими на ихъ земляхъ, взысканія съ нихъ различнаго рода доходовъ, наложенія повинностей и т. п. Такъ какъ въ ярлыкѣ Петру митрополиту упоминаются города, волости, ремесленники, принадлежащіе духовенству, то изъ этого можно заключить, что духовенству же могли принадлежать торговая пошлины и налоги.

Въ разборахъ судебныхъ дѣлъ духовенство руководствовалось постановленіями Кормчей книги, заимствованной нами изъ Греціи. Извѣстенъ списокъ ея, сдѣланный въ 1280 году по распоряженію Великаго князя Дмитрія Александровича, но, вѣроятно, былъ и еще древнѣе.

¹⁾ С. Г. Г. и Д. т. 2, № 7, с. 8.

²⁾ С. Г. Г. и Д. т. 1, № 127, с. 324.

Служилые люди. Такъ какъ политическая жизнь до разсматриваемой эпохи не могла выработать государственныхъ началъ, то, слѣдовательно, не могло организоваться отдѣльныхъ органическихъ частей, жившихъ при всей своей индивидуальности единосущно съ общимъ тѣломъ. Поэтому напрасно искали бы указаній и доказательствъ въ нашихъ лѣтописяхъ на существованіе такъ называемаго нынѣ дворянскаго состоянія, высшаго класса государственнаго контингента. Такихъ доказательствъ нѣтъ. Напротивъ того находимъ полное, неопровержимое доказательство несуществованія такого класса въ свободности перехода лица отъ одного князя въ другому безъ всякаго слѣда какого либо измѣненія въ общественныхъ отношеніяхъ. Въ лѣтописяхъ нѣтъ даже никакого намека на то, чтобы лица благороднаго, высшаго класса имѣли бы какую либо солидарность съ другими подобными себѣ, чтобы уходъ лица производилъ какое нибудь измѣненіе въ юридическихъ отношеніяхъ. Съ уходомъ или переходомъ не оказывалось пустаго мѣста въ службѣ князя, уменьшалась только часть его силы, но товарищи ушедшаго оставались непричемъ, они ничего не проигрывали и не выигрывали, за исключеніемъ личныхъ отношеній. А при полномъ отсутствіи солидарности между членами одного состоянія не мыслимо и существованіе самаго состоянія.

Но если не было состоянія въ такомъ смыслѣ, въ какомъ оно понимается при государственномъ устройствѣ, то тѣмъ не менѣе былъ многочисленный служительскій классъ болѣе или менѣе почетныхъ, болѣе или менѣе пользующихся вліяніемъ. Этотъ классъ составлялъ нѣсколько подраздѣленій. Предварительно разсмотрѣнія въ отдѣльности этихъ подраздѣленій, необходимо упомянуть объ общей чертѣ служилаго класса. Понятіе о государственной службѣ предполагаетъ обязательство отправленія извѣстныхъ дѣйствій для удовлетворенія извѣстныхъ общественныхъ потребностей и самое обязательство заключается двумя волями, обязывающей волей частнаго лица и обязывающей волей юридическаго лица какъ представителя общественныхъ интересовъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ обязывающая воля дѣйствуетъ лично отъ себя, въ виду лич-

ныхъ своихъ интересовъ, въ этихъ случаяхъ дѣло касается частной службы. Поэтому съ понятіемъ государственной службы необходимо связывается понятіе о соблюденіи извѣстныхъ правилъ и условій, ограждающихъ общественное благо. Посмотримъ же какой характеръ носила служба въ нашъ древній періодъ и кто именно были служилые люди.

Основаніе служилыхъ людей составила та дружина, прибывшая съ князьями, изъ которой въ первыя времена князья выбиралъ извѣстныхъ имъ лицъ для завѣдыванія вмѣсто себя волостями, для сбора данн, объѣздовъ полюдьи и другихъ потребностей еще простой жизни. Эти дружины не соединялись съ князьями какими либо крѣпкими узами, кромѣ установленнаго договора, опредѣлявшаго ихъ взаимные интересы: дружина получала отъ князя содержаніе и долю въ добычѣ и за то составляла собою ту силу, которою могъ располагать князь въ своихъ отношеніяхъ. Непривязанные къ князю ничѣмъ, кромѣ взаимнаго интереса, дружинники служили князю на столько, на сколько было выгодно и покидали его тотчасъ же, когда находили другую дѣятельность, болѣе выгодную. Такимъ образомъ съ самаго древнѣйшаго времени, до образованія государства, право свободнаго перехода было отличительной чертой отношеній служилыхъ людей къ своимъ князьямъ. Привязать же къ себѣ этихъ людей болѣе тѣсными отношеніями, каковы напр. отношенія поземельныя, какъ это было на западѣ, князья не имѣли возможности, не обладая и сами самодержавной властью. За неимѣніемъ другихъ прочныхъ связей, князья старались скрѣпить эти связи личнымъ добрымъ отношеніемъ къ дружинѣ, отчего и образовалось понятіе, что золотомъ и серебромъ не добудешь дружины, а съ вѣрной дружиной добудешь и то и другое; отъ этого и дружинники явились истинными думцами князя, раздѣлявшими его судьбу. Чѣмъ богаче былъ князь, тѣмъ лучше было и его дружинѣ, бѣднѣлъ князь, бѣднѣла и умалялась его вѣрная дружина, изъ которой многіе переходили къ болѣе сильнѣйшему и болѣе богатому.

Съ погрома татарскаго и съ возвышенія Москвы эти отношенія хотя и не измѣнились, но получили иной оттѣнокъ.

Присвоивъ себѣ вотчинную власть, князья заручились возможностью прикрѣплять къ себѣ служилыхъ людей — бывшихъ дружинниковъ—болѣе вѣрными узами, жалуя имъ различные кормленія и помѣстья. Но и при такомъ порядкѣ вещей должно было поддерживаться прежнее явленіе т. е., что чѣмъ богаче былъ самъ князь, чѣмъ болѣе онъ располагалъ средствами въ раздачѣ кормленій и помѣстій и, чѣмъ устойчивѣе были его распоряженія, чѣмъ безопаснѣе пользованіе его дарами, тѣмъ болѣе и сильнѣе оказывался приливъ къ нему и служилыхъ людей. Москва представляла собою въ этомъ отношеніи особенныя выгоды, ея князья умѣли богатѣть и примышлять, умѣли оберегать *своихъ людей* и вотъ приливъ къ ней служилаго класса становится все замѣтнѣе и замѣтнѣе. Служилые люди съ охотою переходили въ Москву изъ другихъ княжествъ, зная, что съ этимъ переходомъ они только выигрываютъ, что они не лишатся своихъ прежнихъ прибитковъ, оставленныхъ ими въ другихъ княжествахъ, что ихъ съумѣютъ защитить, а при случаѣ и вознаградить съ избыткомъ московскіе князья и зная, наконецъ, что съ этимъ переходомъ они все таки продолжаютъ сохранять право свободного перехода для неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Но, увеличивая вышнюю силу, Московскіе князья вмѣстѣ съ тѣмъ ясно сознавали, что этотъ свободный переходъ стѣснялъ въ тоже время развитіе княжеской власти внутри самаго княжества. Вслѣдствіе этого сознанія явилась очевидная потребность *навсегда прикрѣпить* къ себѣ служилыхъ людей и удовлетвореніемъ этой потребности задались Московскіе князья, какъ это ясно видно изъ послѣдующей исторіи Московскаго княжества.

Послѣ этихъ общихъ словъ перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса—изъ кого именно состоялъ служилый классъ.

Бояре, старшійшими, князь и мужи. Бояре извѣстны съ глубокой древности; еще въ 767 году въ Византійскихъ лѣтописяхъ они упоминаются подъ названіемъ *боймдовъ*. У Славянъ это были люди, выдѣлявшіеся изъ общей массы умомъ, храбростью, пользующіеся общимъ уваженіемъ и поэтому предводительствующіе въ битвахъ и руководящіе обществен-

ными дѣламъ. Послѣ образованія княжествъ бояре, не утрачивая своего значенія, вѣроятно, стали къ новой княжеской власти въ тѣ же отношенія, какія существовали у князя къ племени. Но у пришельцевъ были свои дружины, во главѣ которыхъ стояли также свои бояре, а потому и должно было образоваться два различія бояръ племенныхъ или городскихъ и дружинныхъ, различія, ясно замѣчаемаго при внимательномъ чтеніи лѣтописей. Впослѣдствіи это различіе исчезаетъ естественнымъ путемъ, такъ какъ городскимъ боярамъ выгодно было поступать въ службу къ князю въ виду военныхъ добычъ, собранія дани и полученія земель. Въ корнѣ новыхъ образованныхъ отношеній легли служебныя начала *обязательно-личныя*, служившія основаніемъ къ установленію въ нѣкоторыхъ случаяхъ зависимаго, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ положительно несвободнаго состоянія. Этими служебными обязательствами объясняются формы отношеній бояръ къ князьямъ „а мнѣ, княже, холопу твоему“. Доказательствомъ же того, что между боярами и князьями существовали отношенія только служебныя, обязательно-личныя можетъ служить совершенно свободный переходъ: бояринъ, оставляя службу одного князя и переходя къ другому, не переставалъ быть собственникомъ волости оставленнаго княжества; съ переходомъ не происходило никакихъ существенныхъ измѣненій. Только впослѣдствіи, съ установленіемъ княжеской осѣдлости послѣ татарскаго ига, начинается и боярская осѣдлость, хотя право свободного перехода бояръ, какъ и вообще всѣхъ лицъ свободного состоянія сохранялось въ продолженіи всего періода догосударственной жизни нашего отечества.

Боярамъ поручалось начальствованіе дружиной, управление областями или особыми отраслями хозяйственнаго управленія, имѣвшихъ особое названіе *путей*, веденіе переговоровъ и заключеніе договоровъ, блюденіе столицы во время отсутствія князя, участіе въ княжескихъ совѣщаніяхъ, въ думѣ и вообще исполненіе всѣхъ *личныхъ* порученій, требующихъ опытности и извѣстной доли авторитета. Наконецъ въ заключеніе остается сказать, что бояре входили въ служебныя отношенія, кромѣ князей, и къ главѣ духовенства—митрополиту, такъ какъ въ

лѣтописяхъ часто встрѣчаются названія бояръ владычныхъ. Имѣнія бояръ подлежали опредѣленнымъ повинностямъ за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, разумѣется, которыя были освобождены по распоряженію князя.

Названія *княжья мужа и старъишины*, кажется, не опредѣляли особыхъ какихъ либо отношеній и употреблялись до татарскаго ига вмѣсто названій бояръ.

Воеводы, намѣстники, волостели. Названіе воеводъ встрѣчается съ древнихъ временъ и всегда для обозначенія предводителя дружины изъ бояръ. Впослѣдствіи, во время татарскаго владычества, воеводы назначались въ правители городовъ, точно также какъ и намѣстники. Какъ тѣ, такъ и другіе вѣдали гражданскую и уголовную части, но различіе между ними, кажется, заключалось въ томъ, что воеводы назначались преимущественно въ города пограничныя и вообще безпокойныя, гдѣ требовалась постоянная военная осторожность и готовность къ военной оборонѣ, откуда воеводы *осадные и ратные*; намѣстники же—въ прочіе города, хотя съ тѣми же правами. О правительственномъ и судебномъ значеніи воеводъ, намѣстниковъ и волостелей было сказано въ статьѣ объ органахъ управленія.

Впродолженіи переходнаго состоянія князья, конечно, не могли имѣть при себѣ многочисленнаго власса для личной службы и, вѣроятно, весь ихъ дворъ, кромѣ бояръ, ограничивался отроками и гриднями, а въ хозяйственномъ управленіи ключниками и тиунами, но когда они сдѣлались осѣдлыми, дворъ ихъ естественно долженъ былъ увеличиться съ развитіемъ политическихъ отношеній и хозяйственныхъ дѣлъ. Явились новыя должности отчасти по византійскому образцу, отчасти вслѣдствіе дѣйствительной потребности. Около этого времени встрѣчаются: *окольничіе, стольнички, сокольниччи, ловчіе* и т. п. Должность окольничаго, кажется, въ первый разъ встрѣчается въ договорной грамотѣ 1341 года Великаго князя Симеона Гордаго съ братьями; здѣсь окольничій упоминается въ числѣ свидѣтелей, подписавшихся подъ грамотой. По имѣющимся свѣдѣніямъ трудно опредѣлить въ чемъ именно заключалась должность окольничаго и каковы были его обязанности: то

онъ вѣдаетъ границы и пограничный судъ—такъ какъ наказамъ губнымъ старостамъ запрещалось послѣднимъ входить въ пограничные суды, а отсылать ихъ къ окольныхчимъ, имѣющимъ власть вести заграничную переписку, то онъ завѣдывалъ дорогамъ и вообще путями сообщенія, то принималъ пословъ, то завѣдывалъ судомъ и полевымъ боемъ. Всего вѣроятнѣе, окольныхчимъ назывался вообще человекъ приближенный къ князю, его довѣренный, неимѣющій опредѣленныхъ обязанностей, и завѣдывающій всѣмъ, что поручалось ему волею князя. *Стольники* завѣдывали столомъ князя. Такъ какъ въ 1392 году упоминается о посылкѣ митрополитомъ Кипріяномъ стольника своего Клементія къ Новгородскому Архiepiscопу Іоанну, то изъ этого извѣстія можно вывести, что столники у великихъ князей существовали еще прежде. Затѣмъ сокольничьи, ловчіе и т. п. опредѣлительно характеризуются своими названіями и не оставляютъ никакого сомнѣнія въ ихъ обязанностяхъ. Наконецъ вообще должно замѣтить, что всѣ подобныя должности имѣли характеръ *лично-обязательныхъ* отношеній къ князю, неимѣющихъ никакого государственнаго значенія и зависѣли отъ произвола князя. Такъ окольныхчи могли завѣдывать обязанностями стольниковъ, а послѣдніе обязанностями первыхъ.

О прочихъ княжескихъ чиновникахъ дворскомъ, казначей и проч. было сказано въ органахъ управленія. Они завѣдывали имуществомъ князя и точно также имѣли къ нему личныя обязательства.

Остается упомянуть еще объ одномъ видѣ должностныхъ лицъ, о такъ называемыхъ дѣтамъ боярскихъ. Трудно сказать что нибудь положительно вѣрное относительно образованія этого класса и объ его обязанностяхъ. Самое названіе дѣтей боярскихъ встрѣчается не ранѣе XIV столѣтія и безъ опредѣленнаго значенія. Изъ сравненія различныхъ мѣстъ упомянутій о дѣтяхъ боярскихъ можно вывести предположительно, что по преимуществу обязанность ихъ состояла въ отправленіи воинской повинности, за что они получали въ помѣстьѣ извѣстный земельный участокъ, съ котораго обязывались выставить извѣстное число воиновъ. Хотя обязанность дѣтей боярскихъ

и касалась преимущественно волнской повинности, но темъ не менѣе иногда встрѣчаются дѣти боярскіе и при исполненіи порученій дипломатическихъ и хозяйственныхъ.

Г Л А В А XII.

Судъ.

По общепринятому понятію задача суда — охранить, а въ случаѣ нарушенія возстановить право, на сколько это возможно, по фактическимъ обстоятельствамъ. Соединяясь такимъ образомъ съ правомъ жизненными, неразрывными узами, судъ во всемъ существѣ своемъ раздѣляетъ его судьбу. Какъ право, расширяясь вмѣстѣ съ развитіемъ жизни, восходитъ отъ частныхъ опредѣленій выдѣляющихся общественныхъ явленій къ общимъ началамъ, точно такъ и судъ отъ частнаго самоуправства (самосуда) и возмездія переходитъ постепенно черезъ рядъ послѣдовательныхъ измѣненій къ институту государственному, къ формѣ отправления, правильной общественной организаціи. Этотъ постепенный переходъ, вытекающій изъ самой жизни народа, отражаетъ въ себѣ современное ему состояніе общества болѣе и вѣрнѣе всякаго другаго историческаго памятника, а потому и въ настоящемъ изслѣдованіи правильный анализъ права и суда вѣчеваго и московскаго періодовъ по логической послѣдовательности долженъ привести къ правильному взгляду на сущность общественной организаціи того времени.

У народовъ младенчествующихъ право заключается въ обычаѣ, т. е. въ томъ возрѣніи, какое всѣми въ обществѣ одинаково понимается и сознается. Въ оформленіи обычая письменнымъ закономъ не бываетъ нужды и необходимости; все идетъ по *пошлннѣ*. На такую-то пошлнну и указывали славянскія племена, призвавшія князей *судить по праву*. Только впоследствии, при дальнѣйшемъ развитіи жизни и при внесеніи въ внутренній бытъ новыхъ элементовъ, встрѣчается надобность

въ законодательномъ опредѣленіи вновь возникающихъ отношеній. Въ жизни славянскихъ обществъ такихъ новыхъ элементовъ было два: прибытіе варяжскихъ князей съ дружиною и принятіе христіанства и эти оба новые элементы вызвали появленіе *Русской Правды*.

Русская Правда дошла до насъ въ двухъ редакціяхъ, краткою, состоящей изъ 17 статей (объ убійствѣ, о личномъ оскорбленіи свободнаго холопомъ, нѣкоторыхъ нарушеніяхъ вещныхъ правъ, о нѣкоторыхъ процессуальныхъ сторонахъ денежныхъ исковъ) и пространной. Первую обыкновенно относятъ къ эпохѣ Ярослава 1,—вторую къ временамъ послѣдующимъ. Такъ какъ Русская Правда составляетъ нашъ первый и дѣйствительно весьма замѣчательный законодательный памятникъ, то, естественно, на него преимущественно было обращено вниманіе нашихъ ученыхъ изслѣдователей. Много было по поводу ея высказано споровъ и болѣе или менѣе остроумныхъ замѣчаній, но тѣмъ не менѣе поднятые вопросы до сихъ поръ остаются не выясненными до положительной опредѣленности. Такъ до сихъ поръ остается не рѣшеннымъ вопросъ: была-ли Правда оффиціальнымъ законодательнымъ сборникомъ или только практическимъ руководствомъ для судей при рѣшеніи дѣлъ? Если на второе толкованіе наводятъ встрѣчающіяся въ Правдѣ нѣкоторыя объяснительныя выраженія, какъ напр. о пропавшемъ «рабѣ «а то есть не скоть нечѣ рчи нечѣдѣ у кого есмь купилъ», то за то на первое толкованіе указываютъ выраженія на установленіе закона княземъ. Впрочемъ вопросъ объ оффиціальной сторонѣ этого документа не можетъ имѣть особеннаго значенія при согласіи обомъ толкованіяхъ въ дѣйствительномъ примѣненіи положеній Правды къ возникавшимъ случаямъ, а слѣдовательно и въ дѣйствительномъ выраженіи въ ея положеніяхъ состоянія современнаго общества.

Точно также не согласны наши изслѣдователи и въ вопросѣ о томъ, на сколько Русская Правда выражаетъ собою продуктъ славянской жизни и вошли ли въ нее элементы чуждыхъ правъ германскаго и византійскаго.

Большинство нашихъ ученыхъ, соглашаясь видѣть въ Русской Правдѣ вообще произведеніе славянскаго духа и

выраженіе народнаго обычая, признають однако нѣкоторыя ея положенія заимствованными. Такъ установленіе вѣрѣ, т. е. денежныхъ взысканій съ правонарушителей или съ обруговѣ, гдѣ послѣдніе жительствоваши, обыкновенно, признають за германское Wehrgeld — взысканіе въ пользу обиженнаго или для примиренія съ его близкими; такъ въ нашей вѣрѣ видятъ заимствованіе отъ народовъ германскихъ ихъ учрежденія Gesamtbürgschaft заключающемся въ взаимномъ поручительствѣ семейства за безопасность и поведеніе своихъ членовъ. На это заимствованіе указываетъ еще почти дословное сходство нѣкоторыхъ статей Правды, какъ напр. статьи о ѣздѣ на чужомъ конѣ. Но такая кажущаяся наглядная убѣдительность не можетъ еще служить основаніемъ къ положительному заключенію. Весьма часто сходство обычаевъ встрѣчается у народовъ, стоящихъ на одинаковой степени развитія, хотя невозможно предполагать какихъ либо ихъ отношеній другъ съ другомъ. Извѣстно напр. поразительное сходство обычаевъ краснокожихъ американцевъ съ такъ называемыми законами варварскими (*leges barbarorum*) или съ обычаями кавказскихъ горцевъ. Въ виду такихъ то фактовъ встрѣчающееся сходство положеній Русской Правды съ законами германскими и невозможно считать заимствованиями — тѣмъ болѣе, что, по выраженію нашего лѣтописца, славяне имѣли до призванія князей не только обычаи, но даже преданья и законы отца своихъ.

Затѣмъ представляется вопросъ: была ли Русская Правда закономъ князя, выраженіемъ его законодательной дѣятельности или же простымъ оформленіемъ существовавшаго обычая? Каждый народъ въ своемъ младенческомъ состояніи руководствуется обычаями и руководствуется ими до тѣхъ поръ, пока новое какое-либо общественное столкновеніе не вызоветъ на вопросъ, выходящій изъ рамокъ существовавшаго обычая. Рѣшеніе этихъ-то новыхъ вопросовъ на почвѣ народнаго воззрѣнія обыкновенно служитъ, какъ уже было сказано выше, побудительной причиною къ появленію законовъ письменныхъ. Редакція нѣкоторыхъ статей пространной Русской Правды ясно обнаруживаетъ обычное ихъ происхожденіе въ общемъ совѣщаніи князя съ земствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ однако

встрѣчаются и статьи, указывающія на дѣятельность князя, какъ на непосредственный, единственный источникъ закона.

Въ XV статьѣ Русской Правды говорится: „а се уставилъ Володимеръ князь Всеволодовичъ (мономахъ) по Святополчѣ сзававъ дружину свою на берестовомъ ратибора тысячьего кыевскаго и Проконію бѣлогородскаго тысячьего Станислава переяславскаго тысячьего нажира Мирослава Иванка Чудиновича Ольгова мужа и *установили люди* до третьяго рѣза“... ¹⁾ Далѣе, въ статьѣ о судѣ Ярославлихъ дѣтей изложено, что „по Ярославѣ же пакы съвъкупивъшеся сынове его русьтп князи, Изяславъ, Святославъ Всеволодъ и мужи ихъ къснязько перенѣгъ Никифоръ Кыянинъ Чудинъ Микула и отложиша убіеніе за голову къ кунами ся выкупаши а пно все якоже Ярославъ судилъ такоже и сынове его *установиша*“. ²⁾ Изъ статьи же объ удареніи холопомъ свободнаго узнаемъ, что за это оскорбленіе „великій князь Ярославъ Володимеричъ *установилъ* убити нъ, сынове *установиша* ва кунн“. ³⁾ По первымъ двумъ приведеннымъ статьямъ законодательная дѣятельность князя раздѣляется между нимъ и выборными лицами, такъ какъ это видно изъ самаго выраженія *установиша люди*, третьей же статьею законодательная мѣра приписывается личной дѣятельности князя, безъ участія другой силы. Въ какихъ же отношеніяхъ и въ какомъ размѣрѣ заключалась эта дѣятельность?

Въ главѣ о верховной власти князя вообще уже былъ разсмотрѣнъ вопросъ о законодательной отрасли этой власти и объ отношеніяхъ ея къ народному участію. По самому безпристрастному разсмотрѣнію источниковъ оказалось, что законодательная дѣятельность далеко не всецѣло принадлежала одному князю, но напротивъ, столько же, если не болѣе, принадлежала и народному собранію. Отношенія между двумя этими факторами не были опредѣленными и весьма много зависѣли отъ личности князя, его популярности. Какимъ же

¹⁾ Изсл. о Рус. Пр. Калачова стр. 86.

²⁾ *ibid.*, с. 109.

³⁾ *ibid.*, с. 94.

образомъ въ статьѣ Правды объ оскорбленіяхъ холопомъ свободного человѣка ни слова не упоминается объ участи народа? Чѣмъ же объясняется такое важное противорѣчивое указаніе? Для разъясненія его необходимо принять на видъ слѣдующія соображенія.

Предварительно должно замѣтить, что редакцію статей Русской Правды невозможно считать положительно вѣрной. Лѣтописцами (краткая и пространная Русская Правда находится въ различныхъ лѣтописяхъ и сборникахъ церковныхъ законовъ, кормчихъ и мѣрвлахъ праведныхъ) и переписчикамъ были монахи, т. е. именно тѣ люди, которые по византийскимъ традиціямъ и личнымъ отношеніямъ склонны были видѣть въ князѣ представителя полной самодержавной власти, отъ которой, по божественному происхожденію ея, исходили всѣ функціи управленія всѣхъ общественныхъ отношеній. А вслѣдствіе такого кореннаго убѣжденія лѣтописца, или переписчика становится весьма естественнымъ указаніе его на личную дѣятельность князя „устави“, тогда какъ въ дѣйствительности это установленіе было дѣломъ общимъ, совмѣстнымъ князя, дружины и представителей народныхъ.

Переходимъ затѣмъ къ разсмотрѣнію вопроса, не было ли случаевъ, когда и князь могъ быть установителемъ закона? Князья призывались *судить по праву*. Вслѣдствіе этого кореннаго положенія князья и ихъ представители по уполномочію были облечены судебною властью примѣнять существовавшіе законы-обычаи къ возникавшимъ случаямъ. До тѣхъ поръ пока случаи правонарушеній ограивались сферой обиходна существовавшаго порядка, для рѣшенія ихъ оказывалось достаточнымъ всѣмъ извѣстныхъ опредѣленій обычая, но когда въ жизни возникли новыя явленія, новыя отношенія, приходившія извнѣ, то вслѣдствіе этого новыя правонарушения требовали новыхъ разрѣшеній. Къ этимъ-то новымъ возникавшимъ въ дѣйствительной жизни случаямъ, требовавшимъ неотложнаго рѣшенія княземъ, его тиуномъ, или его бояриномъ примѣнялись новыя опредѣленія въ видѣ рѣшевій данныхъ случаевъ. И если эти рѣшенія соотвѣтствовали народ-

ному возрѣнію, казались справедливыми, то они немедленно служили руководствомъ или примѣрами на послѣдующее время для всѣхъ подобныхъ правонарушеній.

Такимъ образомъ устанавливался новый законъ и установленіе его естественно приписывалось монахами - лѣтописцами князю, какъ главному верховному судѣ, хотя, въ дѣйствительности, виновниками новаго закона былъ не только не князь и его тунъ, но просто какой нибудь вліятельный дружинникъ или какое-нибудь значительное земское лицо. Частая же повторяемость одинаковыхъ случаевъ или особенная важность ихъ по временамъ доходила до рассмотрѣнія и обсужденія высшей законодательной власти, т. е. князя и земскихъ выборныхъ людей—тогда эти послѣднія опредѣленія принимали общеобязательную форму закона. На эти-то обстоятельства и указываютъ приведенныя статьи Русской Правды, на которыя ни въ какомъ случаѣ невозможно смотрѣть какъ на исключительный источникъ законодательной дѣятельности князя. Слѣдовательно, въ источникахъ права должно видѣть прежде и главнѣе всего обычай, затѣмъ судебныя рѣшенія и наконецъ опредѣленія законодательной власти, составляющейся при общемъ соучастіи князя и народа. Наконецъ, къ источникамъ права должно отнести и опредѣленія византійскаго права «закона суднымъ людямъ», но эти опредѣленія имѣли сплу, вѣроятно, только въ случаяхъ, подлежащихъ обсужденію духовенства. Такой порядокъ формулированія права продолжался во весь древній вѣчевой періодъ нашей исторіи.

Съ татарскаго ига внутренней общественный порядокъ измѣнился на столько, насколько измѣнились фактическія отношенія элементовъ. Значительное разрѣженіе свободнаго класса не могло не ослабить значенія народнаго голоса вообще въ общественныхъ дѣлахъ и, въ особенности, въ законодательной его дѣятельности, на развитіе которой по отношенію народнаго участія въ нашихъ памятникахъ уже не встрѣчается дальнѣйшихъ указаній. При разгромленіи народа татарскимъ игомъ должна была бы повидному выдвинуться законодательная дѣятельность князя, но и этого не видимъ вслѣдствіе, вѣроятно, приниженаго положенія князей, какъ покор-

ныхъ улусниковъ ханскихъ. Дѣйствующимъ правомъ продолжала существовать Русская Правда съ дополненіями, заключающимися въ законахъ духовенства и въ договорныхъ опредѣленіяхъ князей между собою и съ иностранцами. Князья, ихъ тѣны, намѣстники и волостели судили и рѣшали дѣла по пошлинѣ, по старому обычаю, по Русской Правдѣ и по тому, какъ Богъ на душу пошлетъ. Потребности въ законодательной дѣятельности въ смыслѣ государственномъ не возникло, да и не могло возникнуть. Получивъ осѣдлость и не встрѣчая самостоятельнаго противодѣйствія со стороны народа князья начинали смотрѣть на свои волости, какъ на собственность. Въ Московскомъ же княжествѣ такой взглядъ естественно долженъ былъ сложиться вслѣдствіе своихъ поземельныхъ вотчинныхъ отношеній.

Между тѣмъ, по мѣрѣ расширенія Московскаго княжества, правильное отправленіе правосудія становилось затруднительнымъ. Отдаленнымъ поселеніямъ съ одной стороны могли быть незнакомы и чужды постановленія Русской Правды, а съ другой не могли не казаться обременительными и несправедливыми денежныя взыскаія за преступленія и вознагражденія за отправленіе правосудія. Кромѣ того, отдаленность отъ центра, отъ княжескаго стола давала полную возможность намѣстникамъ, волостелямъ и тѣнамъ безнаказанно увеличивать тяжебныя поборы и тѣмъ возбуждать непрерывныя жалобы поселеній на стѣсненія. Для отстраненія подобныхъ злоупотребленій князья стали издавать такъ называемыя уставныя и судныя грамоты. Изъ нихъ первыя имѣли цѣлью установить, по возможности, порядокъ управления, вторыя же предназначались преимущественно для дѣлъ судебныхъ. Въ содержаніи послѣднихъ заключаются руководящія правила намѣстникамъ и волостелямъ при разборѣ дѣлъ, излагаются нѣкоторые законы, по преимуществу охранительные, псчисляются денежныя пени и судебныя пошлины, опредѣляются доказательства, способы собиранія ихъ и наконецъ рѣшенія дѣлъ и исполненія. Такое содержаніе грамотъ ясно указываетъ на цѣль ихъ издаванія: на обузданіе своеволія и злоупотребленій намѣстниковъ и для охраненія отъ нихъ мѣстныхъ жителей.

Уставныя и судныя грамоты имѣють вполнѣ характеръ инструментовъ: онѣ не опредѣляютъ ничего новаго и въ нихъ нельзя видѣть какого либо новаго законоположенія, какъ продукта законодательной дѣятельности въ смыслѣ государственномъ. Хотя пзданныя уставныя и судныя грамоты относятся къ времени послѣдующему 1-й половины XIV столѣтя, но нѣтъ никакихъ основаній отвергать существованія ихъ и въ это время, но только не дошедшихъ до насъ, или еще не обнаруженныхъ. Вѣроятно, въ нашихъ монастырскихъ архивахъ хранятся подъ спудомъ много еще драгоценныхъ матеріаловъ, пзданіе которыхъ прольетъ много свѣта на нашу минувшую общественную жизнь. Впрочемъ и изданныхъ до сихъ поръ матеріаловъ достаточно для вѣрнаго опредѣленія общаго ихъ типа,—типа, выражающаго частную заботливость князя-собственника, частнаго владѣльца-хозяина.

По разсмотрѣніи общихъ чертъ существовавшаго права, остается прослѣдить тѣ формы, въ которыхъ проводились въ жизнь опредѣленія началъ права, формы примѣненія послѣднихъ къ возникавшимъ случаямъ, формы судопроизводства. Вопросъ о судопроизводствѣ, по отношенію къ настоящему изслѣдованію, не лишенъ серьезнаго значенія. Производство суда—дѣло общественное, и потому по необходимости должно носить на себѣ вѣрный отпечатокъ современнаго общественнаго склада.

Обыкновенно первобытная форма разсмотрѣнія и рѣшенія всѣхъ спорныхъ гражданскихъ и обсужденіе уголовныхъ дѣлъ заключается у всѣхъ младенчествующихъ народовъ, равно какъ и у славянъ, въ безапелляціонныхъ пзрѣченіяхъ главъ семействъ и родоначальниковъ, пзреченіяхъ, выражающихъ собою народное воззрѣніе. Затѣмъ по мѣрѣ распадения и разрушенія родового начала, авторитетъ родоначальниковъ слабѣетъ и вмѣсто него естественно развивается личный произволъ въ видѣ самоуправства, самосуда. Такимъ образомъ, первыя формы судопроизводства у нашихъ предковъ славянъ состояли въ *мировомъ разборѣ* родоначальника, свято-обязательномъ для спорящихъ по жпвому еще сознанію единства происхожденія и солидарности членовъ. Только когда это живое сознаніе со-

лидарности исчезаетъ, въ обществѣ обнаруживается личное преслѣдованіе каждымъ своего права, какъ это и видимъ въ явленіяхъ родовой мести. Господство самоуправства и самосуда, конечно, не могло не произвестъ общественнаго нестроенія и вотъ «вста родъ на родъ и быша усобща.»

Призваніе новой судебной власти въ видѣ княжеской, имѣло цѣлью вручить постороннему элементу, чуждому и потому безпристрастному къ мѣстнымъ взаимнымъ отношеніямъ, охраненіе внутренняго порядка и судебный разборъ. Эта власть, вслѣдствіе своего установившагося положенія, строго ограничивалась цѣлями призванія. Если бы княжеская власть обладала законодательной дѣятельностью, то тогда и власть судебная получила бы болѣе широкое значеніе, но, не имѣя законодательной опоры, послѣдняя должна была занять низкое положеніе. Оттого-то въ дѣятеляхъ судебного вѣдомства видимъ лицъ, не только не обладавшихъ общественнымъ значеніемъ, но даже изъ лицъ несвободнаго класса. Самое дѣло отправленія правосудія разсматривалось, какъ доходная статья князя. Въ качествѣ такого главнаго финансоваго характера, судъ и не могъ получить даже въ общихъ чертахъ должной организаціи, какъ судебного института. Не было опредѣленныхъ правъ и обязанностей судебныхъ органовъ, ни ихъ юрисдикцій.

Какъ доходная статья, какъ *кормленіе* — судъ отдавался, то учрежденіямъ (монастырямъ, церквамъ), то частнымъ лицамъ, то передача происходила въ нѣскомомъ объемѣ, то касалась только нѣсколькихъ сторонъ. Все высказанное ясно указываетъ на частный характеръ суда, несмотря даже на то, что, по основной природѣ своей, судъ — дѣло общественное. Самимъ современникамъ, судъ представлялся только частнымъ тягломъ и повинностью. «Изъ начальниковъ дружины они (князья) превратились въ вотчинниковъ, говорятъ г. Чичеринъ въ трудѣ своемъ объ областныхъ учрежденіяхъ Россіи въ XVII вѣкѣ (М. 1856 г.), но характеръ управленія остался тотъ же: не было еще понятія объ общественныхъ потребностяхъ, составляющихъ предметъ государственнаго управленія; какъ въ частномъ хозяйствѣ, вся цѣль состояла въ полученіи

дохода княземъ и его слугами. Князь по прежнему имѣлъ право суда и дани. То было тягло, лежавшее на землѣ; всѣ жители княжеской вотчины подвергались этимъ повинностямъ точно также, какъ суду и повинностямъ монастырскимъ подвергались всѣ жившіе на монастырскихъ земляхъ. Общимъ правиломъ было: «а судомъ и данью тянути по землѣ и по водѣ.»

Слѣдовательно и обзорѣніе судебной стороны общественной жизни привело къ тому же убѣжденію въ совершенномъ отсутствіи государственнаго начала, какъ въ вѣчевомъ періодѣ нашей исторіи, такъ и въ періодѣ московско-вотчинномъ.

